Артефакт

Самарский государственный университет

Историко-культурная ассоциация "Артефакт"

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ПОВОЛЖЬЯ

САМАРА 1995

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Историко-культурная ассоциация "АРТЕФАКТ"

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ПОВОЛЖЬЯ

Межвузовский сборник научных статей

Издательство "Самарский университет",
1995

ББК 63.4
С 752

Средневековые памятники Поволжья: Межвузовский сборник научных статей. Самара: Изд-во "Самарский университет", 1995, 160с.,54 илл.
ISBN 5-230-06040-9

Сборник содержит новые материалы, посвященные широкому кругу проблем средневековой истории Среднего Поволжья и сопредельных с ним областей, вводит в научный оборот результаты исследований памятников позднезарубинецкой, именьковской, болгарской и древнерусской культур. Центральное место в сборнике занимают статьи, посвященные характеристике материалов курганных и грунтовых могильников ранних болгар, пришедших в Среднее Поволжье в конце VII века, публикуются результаты микроскопического анализа керамики, металлографического анализа кузнечных изделий, антропологического изучения черепов из этих могильников.

Книга рассчитана на широкий круг читателей: специалистов археологов, историков и этнографов, студентов, преподавателей, краеведов, учащихся школ и всех интересующихся средневековой историей Среднего Поволжья.

Редакционная коллегия: д-р.ист.наук, профессор П.С.Кабытов; канд.ист.наук, доцент Г.И.Матвеева (ответственный редактор); канд.ист.наук., и.о. доцента Р.С.Багаутдинов; канд.ист.наук. А.В.Богачев; С.Э.Зубов (ИКА "Артефакт"); А.Ф.Кочкина, Д.А.Сташенков (Самарский историко-краеведческий музей им.П.В.Алабина)

Рецензент директор института истории и археологии Поволжья, зав. кафедрой "Археологии и истории древнего мира" госпедуниверситета, доцент, канд. ист. наук И.Б.Васильев

$C\frac{0504000000-020}{6K4(03)-95}13-95$

ISBN-5-230-06040-9

© Издательство "Самарский университет", Историко-культурная ассоциация "АРТЕФАКТ", 1995

А.А. Хреков

(г.Балашово)

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ШАПКИНО II В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРИХОПЕРЬЕ

За последние годы на территории лесостепного Прихоперья, в пределах Саратовской и Тамбовской областей, открыт ряд памятников постзарубинецкого облика[1]. Раскопками изучено четыре поселения и грунтовой могильник с сожжениями[2]. Все выявленные памятники пока локализованы в лесостепной части Хопра и его притоках – реках Карай и Ворона. Топографические условия их расположения характеризуются максимальным приближением к водному источнику: на песчаных всхолмлениях, останцах или первой надпойменной террасе.

Принципиальное значение для уточнения вопросов культурогенеза и хронологии имеют материалы многослойного поселения Шапкино II. Оно расположено на левом берегу р.Вороны, в 1,8 км к юго-западу от с.Шапкино Мучкапского района Тамбовской области. Памятник занимает часть террасы, которая ограничена с трех сторон цепочкой озер и ручьем, впадающим в р.Ворону. Высота склонов над уровнем поймы 5-6 м. Вся поверхность занята сосновым и лиственным лесом. Лишь по самой кромке местами остались свободные от деревьев пространства. Судя по подъемному материалу, протяженность поселения составляет 150-170 м. Следы укреплений отсутствуют. Памятник открыт автором в 1984г.[3]. Стационарные исследования производились в 1984-1986 и в 1988гг. Раскопками вскрыто 345 кв.м. Мощность культурного слоя варьирует от 0,2 до 1,35 м. К постзарубинецкому горизонту, наиболее насыщенному, относятся 23 хозяйственные ямы, очаг открытого типа и одна постройка (рис.1). В плане она подквадратной формы, размером 4,6х4 м, глубиной в материке 0,1-0,2 м, длинными сторонами ориентирована по линии север-северо-восток – юг-юго-запад. Стенки котлована более или менее плавно спускаются к ровному, заметно утрамбованному дну. По периметру, вдоль стенок, прослежены столбовые ямки диаметром 0,15-0,22 м, глубиной в материке 0,1-0,16 м. Юго-западную половину постройки, ближе к стенке, занимал овальный в плане очаг. Его размеры по верху 1,1-0,8 м, глубина в материке 0,4 м. Стенки очага сильно прокалены и строго вертикальны к основанию. Дно ровное. Заполнение – серая золистая супесь, угольки, раздробленные и

обожженные кости животных, отдельные фрагменты и неполные развалы грубых лепных и лощеных сосудов (рис.2), пест (рис.3.3), кварцитовые отщепы и мелкие камни. На самом дне находился массивный, чуть приплюснутый камень-голыш. Назначение его не совсем ясно. Заполнение постройки состояло из темной супеси, в которой встречались невыразительные обломки грубой лепной керамики, кости животных, камни и два куска шлака. Особо следует отметить находку бронзового пирамидального колокольчика с каплевидными выступами на концах (рис.3.1). Высота пирамидки 6,8 см. Прорезную головку, выполненную в стиле "варварских эмалей", от тулова отделяет гофрированный ободок. Основание украшения заканчивает небольшой валик. Внутри пирамидки имеется полость, где были обнаружены две бусины зеленоватого стекла (рис.3.1), одна из которых рассыпалась при извлечении. С западной стороны постройку частично прорезала округлой формы хозяйственная яма. Ее размеры 1,11х0,95 м, глубина в материке 0,4 м. Стенки ямы постепенно сужаются ко дну. Заполнение – темная супесь, в которой встречены фрагменты грубой лепной керамики, угольки и кремневый отщеп.

По размерам, конструкции и ряду деталей интерьера постройка из Шапкино II в основном не отличается от жилищ первых веков – середины I тыс. н.э. Среднего Поднепровья и водораздела Днепра и Дона[4]. Другие сооружения представлены многочисленными хозяйственными ямами, что является характерной особенностью позднезарубинецких и раннекиевских поселений. Численно преобладают округлые или овальные в плане ямы с вертикальными, или несколько сужающимися к ровному дну стенками. Размеры ям колеблются от 0,6 до 1,3 м, глубина 0,3-0,8 м. В отдельных случаях ямы имеют ступеньки, приближаясь по конструкции к настоящим погребам. В заполнении большинства ям встречены фрагменты грубой лепной керамики, угольки, кости отдельных животных и камни. Помимо грубой и лощеной керамики постзарубинецкого облика, отдельные ямы содержали характерную рогожную посуду городецкой культуры, что возможно является поводом для их част' 'ной синхронизации.

Основную массу находок на поселении Шапкино II составляет лепная керамика (свыше 500 фрагментов). Технологически и функционально она делится на груболепную (тарную и кухонную) и лощеную (столовую). При изготовлении кухонной посуды в глину примешивался шамот и песок, реже дресва. Зерна шамота довольно крупные, отчего поверхность сосудов является очень неровной, бугристой, со следами небрежного сглаживания рукой или щепой. Намного реже она гладкая. Толщина стенок от 0,7 до 1,5-2 см. Поверхность коричневато-серых тонов. Орнамент сравнительно редок. Обычно встречаются редкие косые насечки и вдавления по верхнему срезу венчика (рис.4. 1-3, 7-9, 12, 15). В целом преобладает посуда с гладким верхом (рис.4. 4-5, 7, 10-11, 13-14). Днища плоские, с закраиной и без нее (рис.4. 16-18; 5. 2, 8). Практически вся груболепная посуда представлена горшкообразными сосудами различных размеров, которые составляют основу керамического

комплекса. Столовая посуда состоит преимущественно из мисок. Она отличается тщательно залощеной поверхностью черного или серого цвета, плотным с мелкими примесями тестом и равномерным обжигом. Единичными экземплярами представлены сосуды, на стенках которых по сырой глине нанесены разнообразные знаки: свастики, ромбы, треугольники и другие символы (рис.2. 5; 6. 1, 4). Один фрагмент украшен оттянутым валиком (рис.6. 3). На общем фоне этой в основном грубой посуды резко выделяются отдельные экземпляры античной, красноглиняной керамики, изготовленной на гончарном круге (рис.1. 2-3; 3. 2, 4). Близкие по форме типы венчиков и ручек входят в категорию раннеримских красноглиняных амфор, которые в Танаисе относятся к I IIIвв. н.э.[5] При классификации постзарубинецкой керамики поселения Шапкино II мы использовали схему А.М.Обломского, Р.В.Терпиловского и Н.С.Абашиной, разработанную для Среднего Поднепровья, Подесненья и водораздела Днепра и Дона[6]. Груболепные горшковидные сосуды можно разделить на два класса по признаку ребристой или плавной профилировки корпуса. Судя по сохранившимся фрагментам, на поселении преобладала округлобокая посуда с плавным профилем (класс I). В свою очередь округлобокие сосуды делятся на 5 типов. I тип – сосуды средних размеров с расширением корпуса в верхней части и невысокой отогнутой наружу шейкой (рис.2. 3-4; 4-9). Среди сосудов этого типа встречаются и лощеные. 2 тип – широкогорлые сосуды с максимальным расширением корпуса в верхней или средней части и сравнительно высокой, отогнутой наружу шейкой (рис.2. 1, 7; 4. 1-3). Вероятно, эта форма является наиболее архаичной на памятнике и своими корнями восходит к позднезарубинецким горшкам типа Лютежа и Почепа. 3 тип – слабопрофилированные (тюльпановидные) сосуды с более или менее широкой горловиной (рис.4. 10-12). 4 тип – банковидные сосуды со слабо выделенной шейкой и незначительным расширением корпуса в средней части (рис.4.13-14). 5 тип – банковидные сосуды с невыделенным загнутым внутрь краем (рис.4.15).

Класс II включает сосуды с ребристым перегибом корпуса и делится на 2 типа. 1 тип – корчаги с прогнутой линией профиля верхней части и широкой горловиной. Изгиб стенок приходится на верхнюю треть высоты тулова (рис.4. 5). 2 тип – биконические горшки и корчаги с едва выделенной шейкой и коротким, более или менее отогнутым наружу венчиком (рис.5. 1, 3, 4). Ребро расположено в верхней или средней части корпуса. У некоторых горшков изгиб тулова подчеркнут выраженным уступчиком (рис.5. 4, 6-7), иногда как бы скруглен (рис.2. 6; 5. 3). Следует отметить, что горшковидные сосуды I и II класса имеют стройные вертикальные пропорции.

К третьему классу относятся немногочисленные фрагменты лощеных и груболепных мисок. Условно они делятся на 2 типа. Для 1 типа характерны лощеные, довольно высокие ребристые мискообразные формы с коротким, слегка отогнутым наружу венчиком (рис.6.1-2). Тип 2 включает единственный экземпляр прямостенной груболепной миски-сковороды с низким бортиком и приостренным верхом (рис.2. 9).

Среди бытовых предметов, найденных на поселении, самую многочисленную категорию составляют глиняные пряслица. Три из них – плоские с широкими отверстиями (рис.3.7-9). Два других – более массивные биконической формы (рис.3.10-12). Одним экземпляром представлен обломок пряслица, изготовленного из стенок красноглиняной амфоры с гладкой поверхностью (рис.3.4). Редкой находкой является амулет из позвонка крупной рыбы (рис.3.6). С торца он имеет просверленное отверстие для подвешивания. В культурном слое поселения также обнаружена призматической формы гагатовая бусина (рис.3.5) и обломок глиняного грузила (рис.3.12). Из каменных изделий достоверно к постзарубинецкому горизонту следует отнести массивный пест из очага постройки (рис.3.3).

Культурная принадлежность памятника надежно определяется на основе набора посуды, поскольку большинство индивидуальных находок имеют широкий территориальный и хронологический диапазон. Особый интерес в этом плане представляет постройка, являющаяся уникальным закрытым комплексом. Из заполнения очага удалось реконструировать ведущие формы керамики, близкие к позднезарубинецким (Лютеж, Почеп, Картамышево 2, Терновка 2)[7] и раннекиевским (Абидня, Казаровичи, Гочево 1, Шишино 5, Шмырево)[8] памятникам. Характерной чертой многих селищ этого круга является сочетание разнообразных груболепных округлобоких и ребристых (вертикальных пропорций) горшков в наборе кухонной посуды и лощеных мисок – в столовой. Это наблюдается в Верхнем и Среднем Поднепровье, Подесненье и на водоразделе Днепра и Дона. Сравнительный анализ шапкинской посуды с керамическими комплексами названных территорий указывает на ее довольно ранний характер, что позволяет ее частично синхронизировать с позднезарубинецкими и раннекиевскими памятниками. По всей видимости, возникновение поселения Шапкино II относится ко времени формирования киевской культуры и сохраняет в силу этого позднезарубинецкие черты (насечки и вдавления по верхнему срезу венчика, профилировка и пропорции сосудов; лощение). Косвенным свидетельством раннего характера памятника является совместное нахождение в пяти хозяйственных ямах груболепной, лощеной (постзарубинецкой) и рогожной (городецкой) керамики. Вряд ли последняя попала туда случайно из культурного слоя. Это наталкивает на мысль о каких-то контактах между двумя массивами населения. Не противоречит раннему времени поселения серолощеный ребристый сосуд с пиктограммой из свастик, треугольников, ромбов и крестов (рис.6.1). В бассейне Днепра и Северского Донца подобная посуда типична для позднезарубинецкого (Картамышево 2 – Терновка 2) и раннекиевского (Шишино 5) керамического комплекса, впитавшего традиции пшеворской культуры первых веков н.э.[9] Начертания знакового характера в виде ромба с крючками известны на сосудах деснинских памятников (Почен, Синьково)[10] I - II вв. н.э. Процарапанные знаки имеются на лощеной кружке из зарубинецкого могильника Отвержичи[11]. Они представляют собой тонкую прочерченную зигзагообразную линию, осложненную в некоторых

местах крючкообразными отростками и треугольниками. Все эти геометрические изображения не образуют свойственного орнаменту ритмичного повторения одних и тех же элементов. Скорее всего они относятся к разновидностям пиктографии и имеют определенную смысловую нагрузку. А.К.Амброз рассматривает эти изображения как символические, связанные с магией плодородия[12]. Это особенно показательно на лощеной миске из Шапкино II.

Для определения хронологического статуса поселения большое значение имеет бронзовый пирамидальный колокольчик из заполнения постройки (рис.3.1). Пирамидальные колокольчики были широко распространены в среде финно-угорских и балских племен. Они известны на Каме, в области Волго-Окского междуречья и на Днепре. Наиболее близкими шапкинскому экземпляру являются аналоги из Мощинского и Межигорского кладов украшений с выемчатой эмалью. В Мощинском кладе такой колокольчик был найден вместе с асимметричной цепью и двурогой лунницей держателем[13]. С цепью Межигорского клада сохранилось четыре колокольчика[14]. По мнению И.Г.Розенфельдт, подобные предметы датируются VI-VII вв. н.э.[15], что в настоящее время вызывает возражение. Как известно, вопросы происхождения и хронологии украшений с выемчатой эмалью вызывают острую полемику и имеют обширную историографию. Современные исследования свидетельствуют о преимущественном употреблении "варварских эмалей" в лесостепи носителями киевской культуры[16]. В своих последних работах Е.Л.Гороховский и А.М.Обломский предлагают удревнить дату Мощинского и Межигорского кладов, а вместе с тем и время возникновения вещей с эмалью до позднезарубинецкого периода[17]. Среди древностей римского времени (на территории Римской империи, Египта, Северного Причерноморья) пирамидальные колокольчики датируются не ранее I и не позднее IIIвв. н.э.[18]

Итак, принимая во внимание керамический комплекс памятника, общие хронологические рамки позднезарубинецкой и раннекиевской культур, учитывая даты Межигорского и Мощинского кладов, время существования поселения Шапкино II укладывается в рамках конца II начала IIIвв. н.э. Вместе с другими раннесредневековыми памятниками лесостепного Прихоперья, поселение Шапкино II входит в единую этнографическую группу постзарубинецких древностей лесостепи и юга лесной зоны Восточной Европы и генетически связано с ними. Естественно, сохраняются и территориальные различия, но принципиального значения они не имеют. Это явилось известным основанием для отнесения постзарубинецких памятников бассейна Хопра к новой культуре (типу) – инясевской, близкой раннекиевской[19]. Последнюю многие исследователи определяют как основной компонент при сложении раннеславянских пеньковской и колочинской культур[20]. Вероятнее всего, большая часть инясевских древностей будет занимать лесостепную зону Волго-Донского междуречья. Это предположение в некоторой степени подтверждается случайной находкой в верховьях Хопра бронзовой подковообразной фибулы с красной и зеленой эмалью[21]. Керамика, близкая постзарубинецкой и

именьковской, обнаружена на первой пойменной террасе у основания мыса I Чардымского городища севернее Саратова[22]. Судя по всему, проникновение рассматриваемых древностей на восток происходило по южной кромке леса с территории Верхнего и Среднего Днепра в I-II вв. н.э.[23], минуя лесостепное и степное Подонье, где по IV в. н.э. доминируют сарматы[24]. По мнению А.М.Обломского, инясевские памятники свидетельствуют о присутствии в Прихоперье только каких-то мелких групп позднезарубинецкого или раннекиевского населения[25]. С этим можно было бы согласиться, если бы процесс инфильтрации позднезарубинецкой культуры не охватил Волго-Омское междуречье[26], Верхнее Примокшанье[27] и Среднее Поволжье[28]. Г.И.Матвеева считает, что на рубеже II-III вв. н.э. на Среднюю Волгу, Нижнюю Каму и далее на восток до р.Белой продвинулась значительная масса позднезарубинецкого населения, принявшая активное участие в формировании именьковской культуры[29]. Видимо, на рубеже I-II вв. н.э. претерпевает коренные изменения и местная городецкая культура. Исчезает характерная рогожная керамика и на смену ей появляется неорнаментированная посуда с насечками и защипами по венчику. Формы некоторых сосудов (горшки, миски) близки к зарубинецким прототипам. Наряду с толстостенными грубыми горшками встречаются тонкостенные чернолощеные[30]. В той или иной степени процесс трансформации городецкой культуры был характерен и для лесостепного Прихоперья.

Западное влияние весьма ощутимо и в культуре поселений славкинского и лбищенского типа в Самарском и Саратовском Поволжье. Поэтому появление постзарубинецких памятников инясевского типа в Прихоперье не случайно. Именно для этого времени палеоклиматологи зафиксировали повышение среднегодовых температур и снижение влажности. Для русской равнины подобные тенденции отмечаются на графиках Н.А.Хотинского в его монографии о климате голоцена в Северной Евразии[31]. Изменение климата, видимо, послужило одной из причин восточно-европейских миграций I-II вв. н.э., наиболее мощными из которых были передвижения готов из Прибалтики, распад зарубинецкой культуры и движение сарматов в степной зоне.

Список сокращений, использованных в статье:

АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
САИ – Свод археологических источников

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Хреков А.А. К вопросу о характере раннесредневековых памятников лесостепного Прихоперья // Археология и история юго-востока Руси. Курск, 1991. С.84-86.

[2]Хреков А.А. Проблемы этнокультурного развития лесостепного Прихоперья в первые века н.э. // Российский исторический журнал. Балашов, 1994. N 1. С.51-58.

[3]Хреков А.А. Исследования в бассейне р.Хопер // АО-1984. М.: Наука, 1986. С.82-83.

[4]Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры. Киев, 1992. С.29-34; Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н.э. Москва-Сумы, 1991. С.41-43.

[5]Каменецкий И.С. Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса // МИА. 1969. N 154. С.140. Табл.1: 26-28.

[6]Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской... С.46, рис.8; Обломский А.М. Этнические процессы... С.36, рис.9.

[7]Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М., 1991. С.86. Рис.22.

[8]Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской... С.49, рис.9; С.52, рис.12; С.101, рис.19; С.164, рис.44.

[9]Там же. С.58.

[10]Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ ("ромб с крючками") // СА. 1965. N 3. С.15, рис.1.

[11]Каспарова К.В. Новые материалы могильника Отвержичи // АСГЭ. 1976. N 17. С.50, рис.101.

[12]Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый... С.14-27.

[13]Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями V первой половине VI в. н.э. в Среднем Поднепровье // САИ. 1978. Вып.Е1-43. С.112. Таб.19.

[14]Там же. С.40.

[15]Розенфельд И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI-IX вв. М.: Наука, 1982. С.25.

[16]Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1981. С.40.

[17]Обломский А.М., Гороховский Е.Л. О дате Мощинского, Межигорского кладов. Проблемы древней истории Верхнего Поочья. Калуга, 1986. С.22-23.

[18]Морозовская Т.В. Бронзовые пирамидальные колокольчики римского времени в археологических памятниках Северного Причерноморья. Киев, 1985. С.75, рис.1, 1-2. 16-17.

[19]Хреков А.А. Проблемы этнокультурного развития... С.56.

[20]Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесненья III-V вв. Киев: Наукова Думка, 1984. С.85; Баран В.Д. Проблемы этнокультурного развития населения лесостепной зоны Восточной Европы в первой половине I тыс. н.э. // Древние славяне и Киевская Русь. Киев: Наукова Думка, 1989. С.56-57; Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян... С.93-94.

[21]Корзухина Г.Ф. Предметы убора... С.77, 115. Таб.22, 5.

[22]Миронов В.Г. Работы в Воскресенском районе Саратовской области // АО-1986. М.: Наука, 1988. С.186.

[23]Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье... С.103.

[24]Медведев А.П. Сарматы и лесостепь. Воронеж, 1990. С.183.

[25]Обломский А.М. Этнические процессы... С.82.

[26]Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. М.: Наука, 1981. С.43.

[27]Гришаков В.Б. Керамические традиции финских племен Правобережья Волги в первой половине I тыс. н.э. // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза, 1992. С.13.

[28]Матвеева Г.И. К вопросу о позднегородецкой культуре // Вопросы этнической истории... С.7-8.

[29]Матвеева Г.И. О происхождении именьковской культуры // Древние культуры Среднего Поволжья. Куйбышев, 1981. С.58, 71.

[30]Матвеева Г.И. К вопросу о позднегородецкой... С.7-8.

[31]Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977. Рис.49, 51.

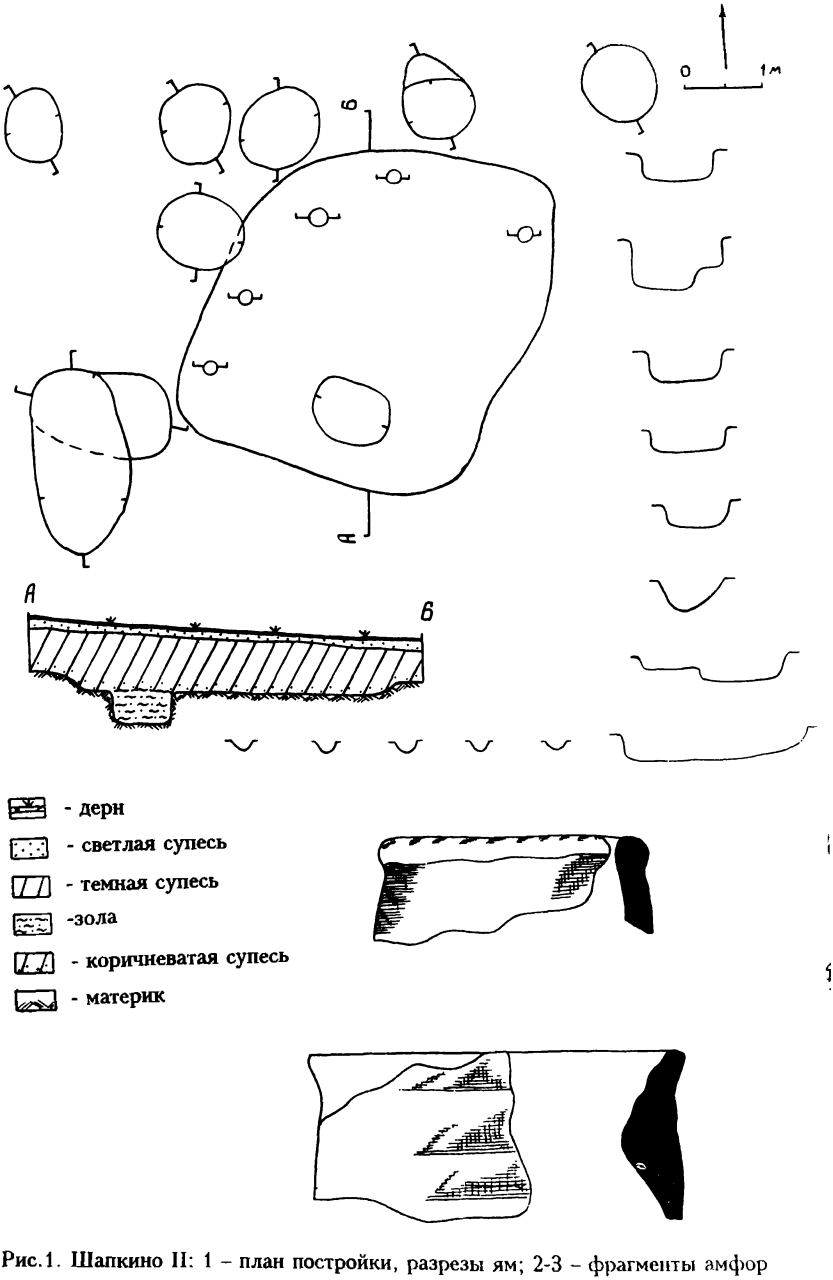
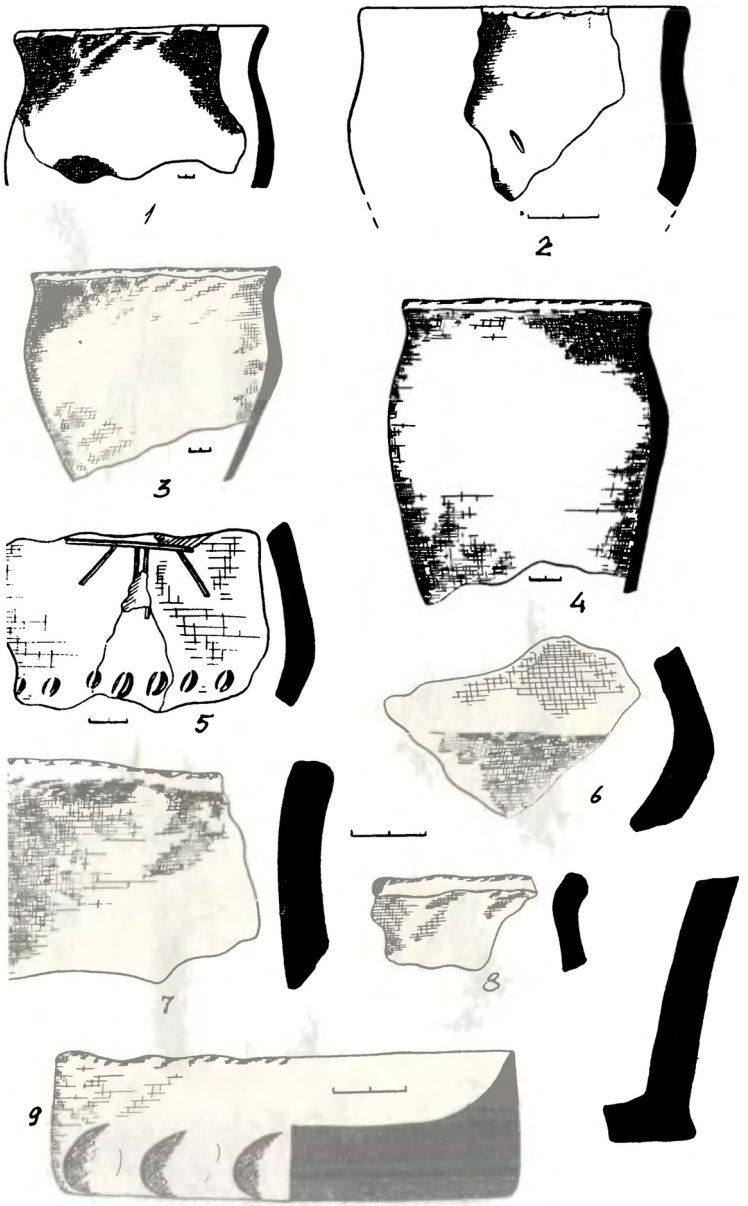


Рис.1. Шапкино II: 1 – план постройки, разрезы ям; 2-3 – фрагменты амфор



ис.2. Шапкино II: 1-9 – керамика из заполнения очага (постройки)

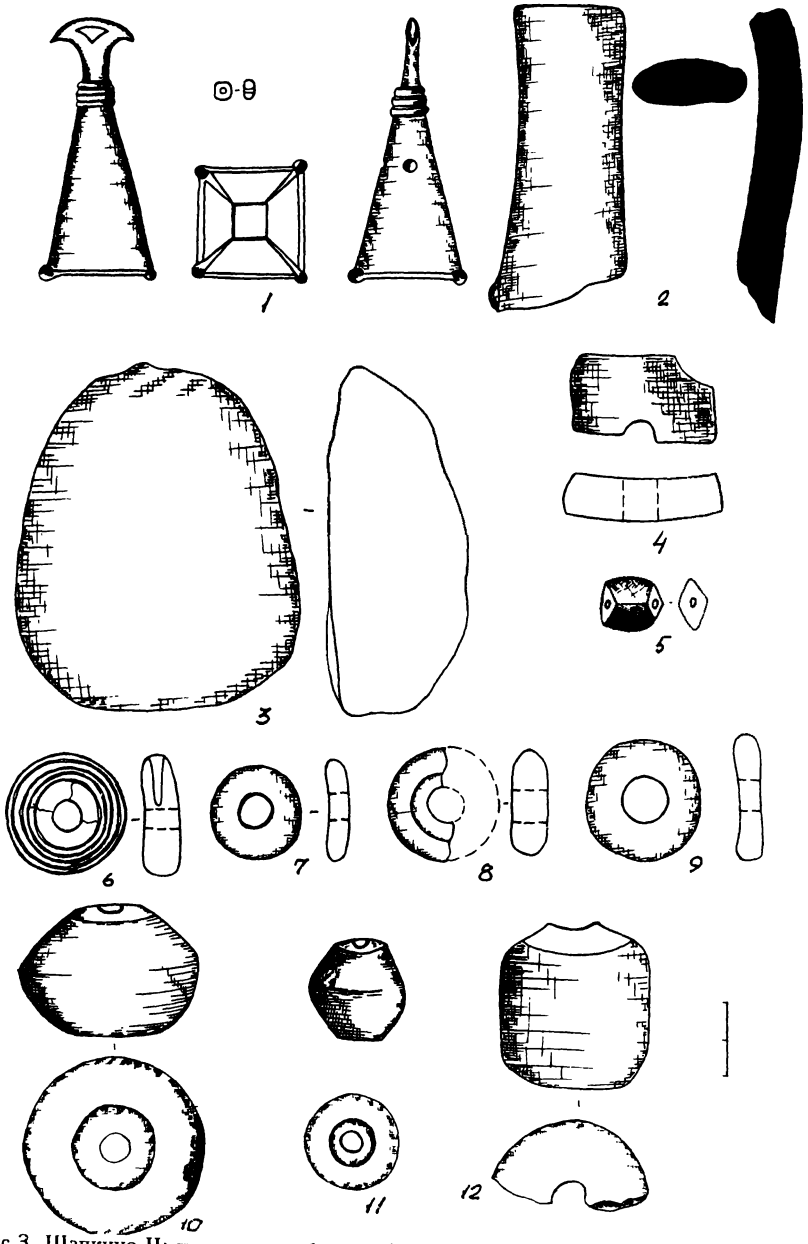
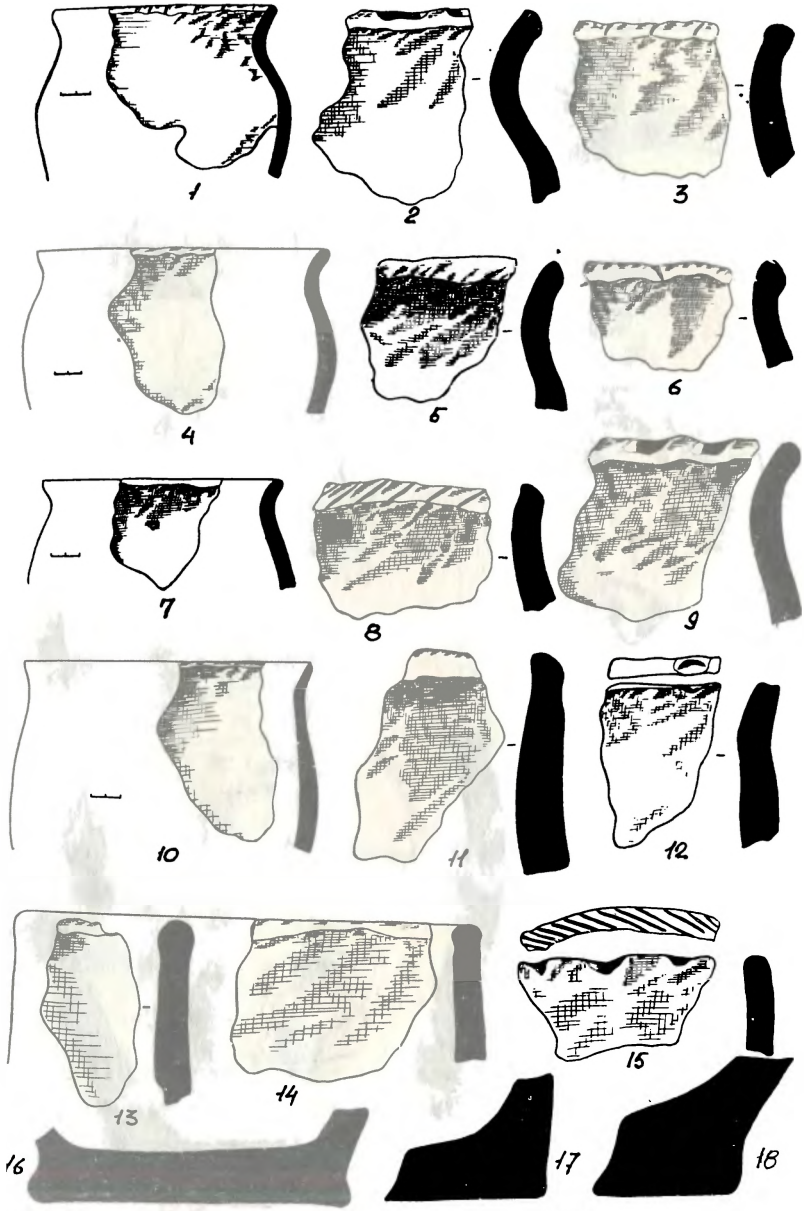


Рис.3. Шапкино II: предметы из бронзы (1), глины (2, 4, 7-12), камня (3), агата (5) и кости (6)



ис.4. Шапкино II. 1-18 - керамика из заполнения хозяйственных ям и слоя раскопа

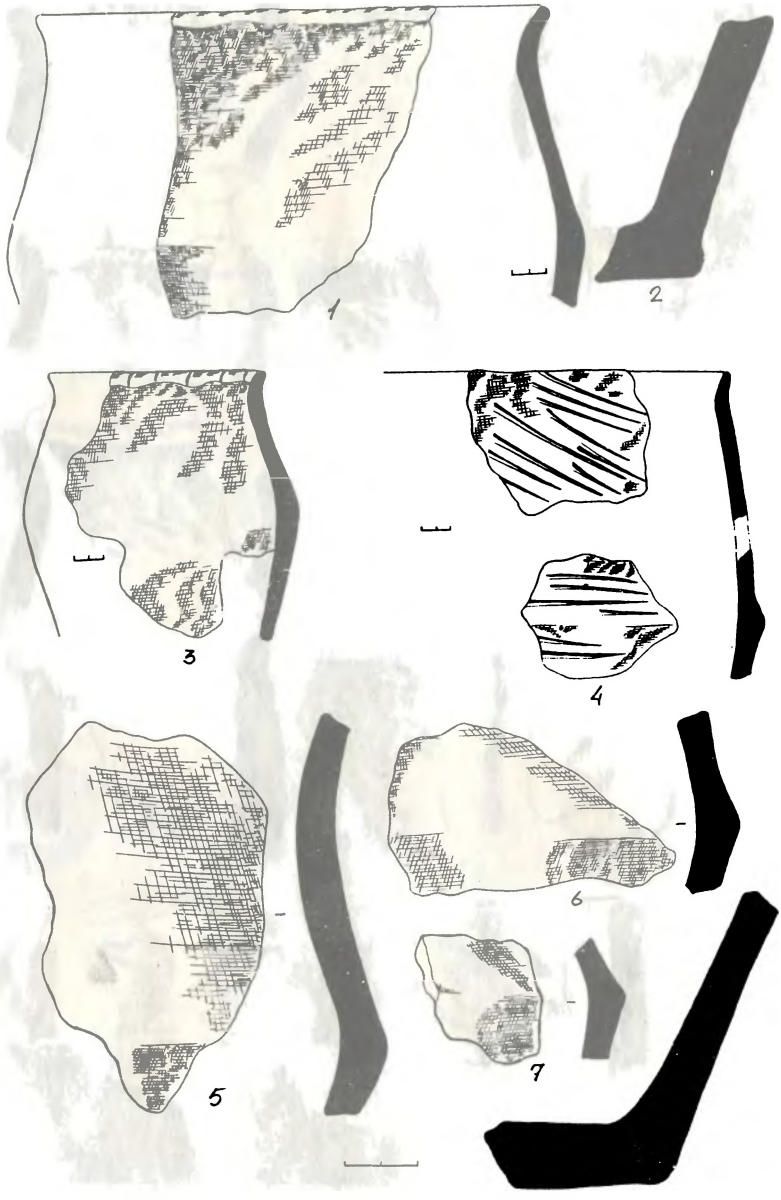


Рис.5. Шапкино II: 1-18 – керамика из запол.

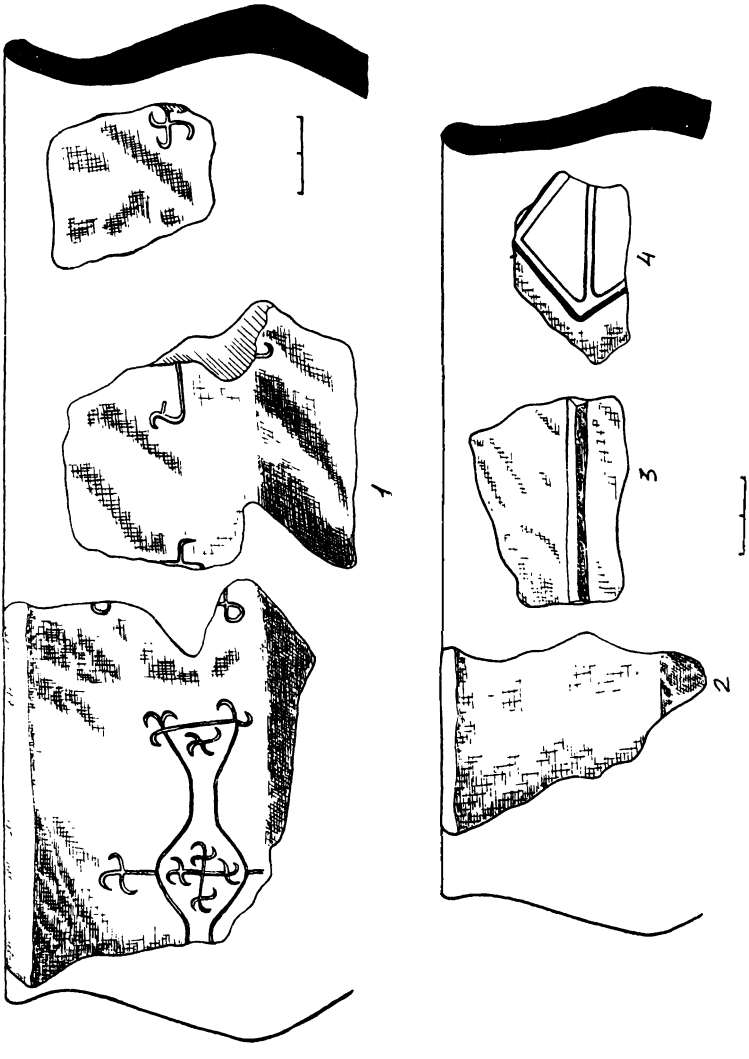


Рис.6. Шапкино II: 1-4 – керамика из слоя раскопа

А.В.Богачев

(г.Самара)

О ВЕРХНЕЙ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЕ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Именьковская культура (ИК) является крупнейшим этнокультурным образованием середины I тысячелетия в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье*. Комплекс материальной культуры "именьковцев" столь своеобразен для этого региона, что оживленная дискуссия о "корнях" и дальнейшей судьбе ИК продолжается и сегодня.

Очевидно, что максимально точное определение нижней и верхней хронологических границ ИК будет способствовать решению названных проблем. Однако, постановка вопроса о ранней дате ИК в настоящее время представляется преждевременной. И связано это, как ни покажется парадоксальным, с расширением источниковой базы: открытие и исследование таких памятников, как Лбище[1], Переволоки[2], Славкино[3] и др. заставляют смотреть на процесс генезиса ИК как на более сложный и неоднозначный, нежели представлялось ранее. И пока что не вполне ясно – следует ли рассматривать названные памятники в контексте ИК или же их возможно интерпретировать как материалы особой переходной группы или хронологического горизонта. Таким образом, в настоящей статье наше внимание будет сосредоточено на определении верхней хронологической границы ИК.

Одним из возможных путей решения обозначенной проблемы является анализ нумизматического материала из достоверно именьковских комплексов.

Опубликованный нумизматический материал, связываемый с именьковскими слоями, невелик. Это, прежде всего, две монеты – Пероза (457-483гг.) и Кавада (488-497гг.) из хозяйственной ямы Троицко-Урайского городища[4]. А также монеты из клада Кармалинского городища: три драхмы Кавада (488-497, 499-531 годов правления), отчеканенные в 519, 524, 527 годах и четыре драхмы Хосрова I (531-579гг. правления), отчеканенные в 538, 541 и 545 годах[5]. В нашем исследовательском контексте определяющую роль играют монеты Кармалинского клада – наиболее поздние в серии. Самая поздняя монета из клада датирована 545 годом. С учетом того, что самая ранняя монета этого комплекса была отчеканена 26 годами ранее, можно традиционным приемом, прибавив к 545г. 26 лет, определить гипотетическую дату зарытия клада –

---

*Основные положения статьи были изложены в докладе на симпозиуме "Проблемы именьковской культуры" в августе 1993г. в Болгарском историко-архитектурном заповеднике.

571 год.** Но поскольку точность такого рода дат (до одного года) в археологии практически всегда достаточно условна, мы, говоря о времени попадания Кармалинского клада в землю, будем иметь в виду последнюю треть VI века.

Таким образом, если при определении верхней хронологической границы ИК ориентироваться только на даты самых поздних монет, то таковую следует определить в пределах последней трети VIв.

Однако монетные находки на именьковских памятниках столь редки, что датировать культуру, опираясь только на них, было бы не вполне корректно. В этой связи для решения исследуемой проблемы были привлечены материалы еще одной категории археологических источников – поясные пряжки.

Специальными исследованиями[8] было установлено, что в отличие, например, от керамики металлические части раннесредневековых поясов были модной (т.е. регулярно обновляемой) категорией артефактов, а выделенные ареалы типов поясов свидетельствуют о принадлежности не столько к определенной этнической, сколько к хронологической группе. Это и делает поясные пряжки, накладки и наконечники надежным хронологическим индикатором для эпохи раннего средневековья.

В специальной работе[9] нами была проанализирована взаимовстречаемость признаков раннесредневековых пряжек из памятников Среднего Поволжья, в результате чего было выявлено шесть этапов их типологической эволюции. Из достоверно именьковских комплексов в выборке (529 пряжек) было 34 экземпляра изделий, происходивших из слоев городищ (Маклашеевское II, Именьковское I, Старо-Майнское), селищ (Ош-Пандо-Нерь II, Измерское, Щербетьское I, Коминтерновское), а также из погребений Рождественского II, Маклашеевского IV и Богородицкого могильников. Именьковский материал распределился по четырем первым хронологическим группам. Отметим, что на памятниках ИК отсутствуют пряжки геральдического стиля (зиновьевский этап) четкого хронологического репера для второй половины VI-VII вв. Самые поздние именьковские пряжки (новоселковский этап) найдены на Старо-Майнском городище[10], Коминтерновском поселении "Курган"[11], Щербетьском I селище[12], Рождественском II могильнике[13]. Все эти пряжки (называемые изделиями "предгеральдического" стиля[14]) имели В-образную в

**Известны и другие приемы определения запаздывания монет. Г.Е.Афанасьевым были проанализированы клады византийских и сасанидских монет на предмет их запаздывания в Восточной Европе[6]. Суммируя промежуток времени от чеканки этих монет до чеканки самой молодой монеты клада, он рассчитал среднее время запаздывания монет данного типа в монетных кладах. Ориентируясь на поправки Г.Е.Афанасьева (для монет Кавада I – 116 лет, Хосрова I – 84 года), самые поздние монеты из именьковских комплексов следовало бы датировать первой третью VII века. Однако итоги настоящего исследования приводят нас к тому, чтобы в данном вопросе солидаризироваться с А.К.Амброзом, считавшим, что "такие среднестатистические коэффициенты запаздывания монет по сравнению со временем зарытия кладов скорее могли бы применяться для поиска средних закономерностей монетного обращения. Там средние числа имели бы какое-то объективное значение"[7].

плане и выпукло-вогнутую в сечении рамку. Три пряжки из четырех в своем первоначальном виде имели щитки-обоймы (на двух щитки не сохранились), одна была цельнолитой. Сохранившиеся щитки – подтреугольной в плане формы, причем на одном из них в вершинах треугольника имелись полукруглые выступы.

С одной стороны, пряжки новоселковского этапа изготавливались на базе старых морфологических стереотипов производства трехсоставных пряжек: способ соединения щитка и рамки, способ закрепления на ремне. С другой – типологически (не обязательно хронологически) эти изделия стоят перед геральдическими поясными наборами и как бы закладывают традиции этого нового стиля. Вероятнее всего, артефакты переходных форм являлись первыми местными подражаниями новомодным импортным вещам. По этой причине они не могли появиться раньше начала производства в Восточной Европе поясов геральдического типа (вторая половина VIв.). Нам представляется, что по причине достаточно быстрого распространения новой моды на обширных пространствах раннесредневековой Евразии, изделия переходных форм появляются практически одновременно с новомодными.

Пряжки предгеральдического стиля раньше не выделяли в особую группу, полагая, что наличие выпукло-вогнутой рамки дает возможность относить вещь к разряду геральдических. По этой причине подобные изделия датировались как геральдические. В то же время там, где эти пряжки переходных форм были встречены в комплексах с другими хорошо датированными вещами (фибулами, монетами), хронология их объективно уточнялась. К примеру, в погребениях 259 и 410 из могильника Дюрсо близ Новороссийска такие пряжки (А.В.Дмитриев не выделяет их в особую группу и традиционно считает геральдическими) были найдены вместе с фибулами 1б варианта, которые не могли "далеко отстоять от рубежа V-VI вв"[15]. Это противоречие в датировках А.В.Дмитриев преодолел, справедливо решив, что "фибулы 1б варианта могли заходить только в начальный период употребления геральдических украшений"[16]. Поступив так, автор прежде всего оттолкнулся от незыблемости даты появления изделий геральдического типа – вторая половина VI в., которая сегодня признается практически всеми исследователями.

Нам же важно то, что этот вывод А.В.Дмитриева подтверждает гипотезу о том, что изделия переходных форм, вероятнее всего, появляются одновременно с первыми новомодными вещами и какое-то время сосуществуют с ними и с изделиями предшествующего хронологического этапа. И если в упомянутых комплексах из Дюрсо пряжки предгеральдического стиля сосуществуют с трехсоставными пряжками, то, например, в погребении из с.Цебельда в Абхазии переходный тип пряжки[17] находился на поясе вместе с геральдической[18]. Интересно, что в последнем комплексе найдены монеты, отчеканенные в правление Юстиниана I (527-567 гг.).

Более сложным представляется вопрос о том, как долго вещи переходных форм находились в активном употреблении у раннесредневекового населения.

Если принять во внимание то, что поясной набор был "своеобразным паспортом дружинника раннего средневековья"[19], который, получив в день инициации, воин с гордостью носил всю жизнь не меняя, то срок бытования индивидуальных поясов не должен был превышать 50 лет (максимальная продолжительность жизни мужчины (см., например, Н.М.Рудь[20]) тогда редко выходила за пятидесятилетний рубеж).

Итак, судя по материалам поясной гарнитуры, именьковские поселения и могильники продолжали функционировать во второй половине VI века, и в какой-то "точке" этого временного полувекового отрезка они перестали существовать. Этой дате не противоречит нумизматический материал с именьковских поселений. Более того, монетные находки дают основания сузить рамки верхней хронологической границы культуры до последней трети VI века.

Говоря о поздней дате ИК – последняя треть VIв., мы имеем в виду хронологический интервал, когда она перестает существовать как цельное этнокультурное образование. При этом совершенно не исключается возможность продолжения функционирования отдельных именьковских (или смешанных именьковско-инокультурных) памятников на периферии именьковского мира. К примеру, на могильнике у с.Кушнаренково в Башкортостане (где наряду с турбаслинскими погребениями было исследовано и два именьковских, совершенных по обряду кремации) продолжали хоронить и в первой половине VII века[21].

Судя по слоям, оставшимся от больших пожаров, и наличию невостребованных кладов на поселениях ИК, большинство из них было уничтожено в результате военных столкновений.

Археологическими исследованиями было установлено, что оседлое именьковское население в регионе сменилось кочевническим раннеболгарским. По всей видимости, именно кочевники вытеснили именьковцев из районов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья.

Самые ранние погребения из раннеболгарских курганных могильников Среднего Поволжья (Брусянский II[22], Мало-Рязанский[23], Уреньский II[24]) датируются концом VII в. Однако в регионе исследованы кочевнические захоронения, датируемые и более ранним временем. К примеру, на юго-западе Татарстана близ д.Новоселки было раскопано впускное подкурганное погребение (турбаслинское? раннеболгарское?) второй половины VI в., в комплексе которого была найдена пряжка предгеральдического стиля[25]. В Ульяновском Поволжье Р.С.Багаутдиновым проводилось исследование Шиловского курганного могильника, в котором было несколько раннеболгарских комплексов, в одном из них содержалась золотая византийская монета Ираклия – Ираклия-Константина (610-641 гг.).

Все эти материалы позволяют думать, что захват коренных именьковских территорий кочевниками-болгарами происходил в VIIв. А отдельные рейды (военные, торговые и т.д.) кочевников в глубь именьковских земель, судя по Новоселковскому погребению, вероятно, были и во второй половине VIв.

Таким образом, исходя из всего сказанного, мы можем полагать, что именьковская культура прекратила свое существование в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье в последней трети VI века. Не исключено, что новые материалы позволят уточнить эту дату в сторону ее омоложения, но не более, как нам представляется, чем на четверть века.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Матвеева Г.И. Работы Куйбышевского университета // АО - 1984. М., 1986.
2. Богачев А.В., Матвеева Г.И., Набоков А.В. Раскопки городища Переволоки на Самарской Луке // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.
3. Агапов С.А., Пестрикова В.И., Салугина Н.П. Памятники славкинского типа в Куйбышевской области // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.
4. Старостин П.Н. Работы на Троицко-Урайском городище в 1973г. // Древности Волго-Камья. Казань, 1977.
5. Матвеева Г.И., Морозов В.Ю. Кармалинское городище // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991.
6. Афанасьев Г.Е. Хронология могильника Мокрая Балка // КСИА. 1979. Вып. 158.
7. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв.М., 1989. С. 13-14.
8. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV-IXвв. Пряжки // САИ. 1979. Вып. EI-2.
9. Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования. Самара, 1992.
10. Матвеева Г.И. Жилые и хозяйственные постройки Старо-Майнского городища // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993.
11. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // САИ. 1967. Вып. ДI-32.
12. Старостин П.Н. Новый памятник предболгарского времени на Нижней Каме // СА. 1968. №1.
13. Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у села Рождествено. Казань, 1962.
14. Богачев А.В. Об одной переходной группе поясных пряжек Среднего Поволжья середины I тыс.н.э. // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза, 1992.
15. Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р.Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. М.: Наука, 1982. С. 103.
16. Там же. С. 103.
17. Воронов Ю.Н., Юшин В.А. Погребение VII в.н.э. из с.Цебельда в Абхазии // КСИА. 1971. Вып. 128. Рис. 42, 2.
18. Там же. Рис. 42,3.
19. Ковалевская В.Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI-IXвв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970. С. 144.
20. Рудь Н.М. Антропологические исследования средневекового населения из Новинковского курганного могильника // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1987.
21. Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р.Белой (VI-VIIвв.н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.
22. Богачев А.В., Зубов С.Э. Брусянский II могильник ранних болгар // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.

23. Богачев А.В., Зубов С.Э. Новый могильник эпохи переселения народов на Средней Волге // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Sessiones sectionum dissertartiones - historica, archaeologica et antropologica. Debrecen, 1990.
24. Багаутдинов Р.С., Набоков В.А. Новые материалы о погребальном обряде ранних болгар на Волге // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.
25. Богачев А.В. Погребение VI века на юго-западе Татарии // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.

Таблица I. Количественное распределение пряжек с памятников именьковской культуры по хронологическим этапам

	Тезиковский III/?/-IVвв.	**Федоровский I-я четверть Vв.**	**Тураевский V-I-я половина VIв.**	**Новоселковский, III-я четверть VIв.**
Маклашеевское II гор.	2	-	-	-
Измерское I селище	5	-	1	-
Богородицкий мог.	2	-	2	-
Щербетьское I селище	-	2	3	1
Рождественский II мог.	5	-	1	1
Маклашеевский IV мог.	-	-	3	-
Именьковское I гор.	-	-	2	-
Ош-Пандо-Нерь II сел.	-	-	1	-
Старая Майна гор.	-	-	-	1
Коминтерновское пос.	-	-	-	1

1 - Головкинское V селище; 2 - Измерское I селище; 3-7 - Щербетьское I селище; 8 - Старо-Майнское городище; 9 - Коминтерновское поселение (курган); 10 - Рождественский II могильник

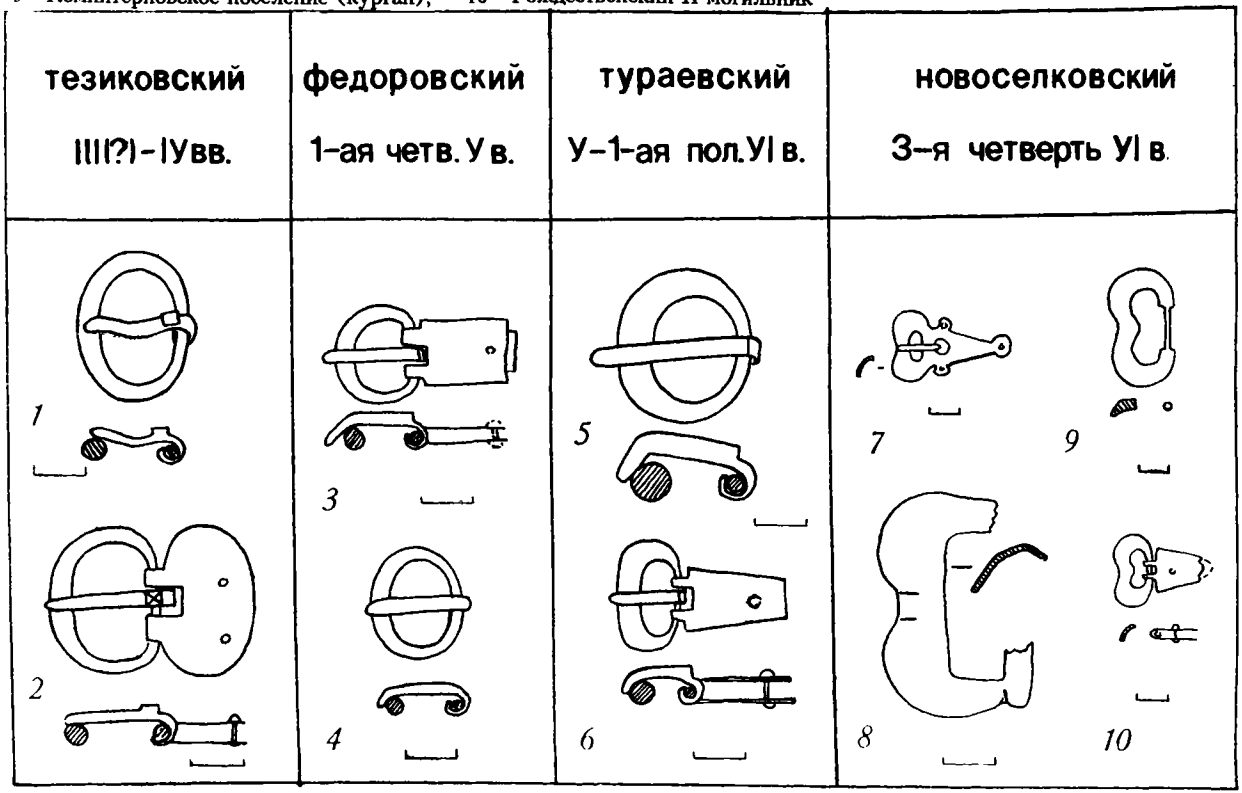


Рис. 1. Пряжки с памятников именьковской культуры

Г.И.Матвеева

(г.Самара)

РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РОЖДЕСТВЕНСКОГО III КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА

Рождественский III курганный могильник был открыт в 1920 году профессором Самарского университета П.А.Преображенским. Он расположен в 4,5 км к западу от с.Рождествено и в 4 км к востоку от с.Новинки Волжского района Самарской области, на первой надпойменной террасе правого берега р.Волги, к северу от дороги, ведущей из с.Рождествено в с.Новинки (рис.1). Могильник состоял из 13 курганных насыпей, 3 из которых были исследованы в 1970 году Средневолжской археологической экспедицией Куйбышевского университета под руководством Г.И.Матвеевой. Результаты этих исследований были опубликованы Н.Г.Рутто* В трех курганах было исследовано 5 погребений, два из которых впускные и 3 основные. Все погребения, за исключением одного впускного, были разрушены в результате ограбления или с целью обезвреживания погребенных.

В 1978 и в 1979 годах раскопки III Рождественского могильника были продолжены: раскопаны курганы NN 6 и 7.

Курган 6 (рис.2.1) имел диаметр 14 м, высоту 1 м. На поверхности кургана выступали камни, содержащиеся в насыпи, особенно много их было в центральной части кургана. Поверхность курганной насыпи задернована, она никогда не распахивалась.

Исследования показали, что курган был сооружен во II тыс. до н.э. над погребениями эпохи бронзы, а в эпоху средневековья в него были впущены 2 погребения и насыпь была досыпана.

Стратиграфия кургана довольно проста (рис.2.2):

1 слой – дерновой, пронизанный корнями – темно-серый, почти черный гумусированный суглинок мощностью 10-25 см;

2 слой – плотный суглинок желтовато-серого цвета – насыпь, относящаяся к эпохе средневековья. Мощность слоя от 15 до 65 см. В слое встречались крупные и мелкие известняковые камни и кости животных, а также находилось несколько фрагментов красноглиняного гончарного сосуда;

3 слой – насыпь кургана эпохи бронзы, состоящая из темно-серого суглинка мощностью от 10 до 55 см;

4 слой – погребенная почва – суглинок бурого цвета мощностью 10-50 см.

Ниже залегал материк – ярко-желтая глина.

В северо-западном секторе, на глубине 0.6 м от "О", обнаружен могильный выкид – глинистая прослойка мощностью 7-10 см. Пятно глины неправильной

---

*Рутто Н.Г. Рождественский III курганный могильник // Самарская Лука в древности. Куйбышев, 1975.

овальной формы размером 290 х 150 см залегало на уровне насыпи бронзового века. Другое пятно выкида материковой глины находилось в южной половине кургана на глубине 50-80см от "0", на уровне насыпи бронзового века. Оно имело неправильную форму, мощность слоя глины 5-10 см. Оба пятна относятся к погребению 8 – центральному в кургане – основному погребению эпохи средневековья. Третье и четвертое пятна могильного выкида находились в северо-западной полé кургана и были связаны с погребениями 4 и 5, относящимися к эпохе бронзы.

Всего в кургане было выявлено 8 погребений, из них шесть совершены племенами срубной культуры во II тыс. до н.э., два относятся к эпохе средневековья. В данной статье рассматриваются только два средневековых погребения.

Погребение 1 (рис.2.1) находилось в северо-западном углу сектора на глубине 1 м. Очертания могильной ямы проследить не удалось, так как погребение залегало в насыпи. Оно принадлежало ребенку 2-3 лет. Сохранность костяка очень плохая: сохранилась часть черепа, ребра и бедренная кость. Судя по сохранившимся костям, погребенный лежал головой на северо-восток в вытянутом на спине положении, правая нога его согнута в колене. В области тазовых костей и шеи обнаружено несколько плохо сохранившихся пастовых бус. Рядом с погребенным стоял сосуд горшковидной формы с примесью шамота высотой 14,2 см с диаметром горла 13 см, дна 9 см (рис.4.1).

Погребение 8 (рис.3.2) находилось почти в центре кургана. Могильная яма овальной формы была ориентирована по линии СВ-ЮЗ. В длинных стенках ямы имелись ступеньки – заплечики. Размеры дна ямы – 2,2 х 0,6 м, глубина ее 0,6 м. Погребение разрушено, человеческие кости и вещи находились в беспорядке. На ступеньке лежали кости животных.

В могиле найдено 5 серебряных пуговиц (рис.4.2) целых или в обломках и 4 золотых аналогичных пуговицы (рис.4.3), железный рыболовный крючок (рис.4.4), обломки железного ножа и других железных и бронзовых предметов неизвестного назначения, а также фрагменты гончарной красноглиняной амфоры.

В 1978 году был раскопан курган 7 (рис.5.1). Насыпь кургана круглая в плане, ее диаметр 10 м, высота 0,4 м. Поверхность кургана распахивалась несмотря на наличие каменной обкладки. После снятия первого штыка была обнаружена каменная обкладка насыпи, состоящая из крупных и мелких обломков и огромных глыб известняка. Отдельные камни встречались в насыпи и ниже до глубины 0,51 м, а над погребением 3 и глубже в заполнении могильной ямы.

В различных частях насы и между камнями обкладки встречались кости и зубы животных, главным образом лошади. В юго-восточном секторе при зачистке первого горизонта зафиксированы участки золистых вкраплений и куски обожженной глины. Основание пятна находилось на погребенной почве. Максимальная мощность его 0,3 м. Видимо, это следы кострища, разведенного на погребенной почве. Кости, зубы животных, угли, куски обожженной глины встречались в насыпи вплоть до погребенной почвы, особенно в северо-восточном

и юго-восточном секторах. На уровне погребенной почвы обнаружены два лепных сосуда (рис.7.1,2). Один находился в восточной части кургана, ближе к его краю, другой около золистого пятна в юго-восточном секторе.

Стратиграфия насыпи (рис.5.2) следующая:

1) пахотный слой толщиной 0,05-0,18 м состоит из чернозема;

2) насыпь – гумусированный суглинок бурого с коричневым оттенком цвета с вкраплениями мелкого щебня 0,18-0,7 м;

3) на глубине 0,7 м начинался слой погребенной почвы, отличавшейся более светлым оттенком и зернистой структурой. Мощность слоя 0,16-0,38 м;

4) на глубине 0,8-1 м залегала материковая красно-желтая глина.

Под насыпью обнаружены 3 погребения. Все они были расположены в один ряд параллельно друг другу в северной половине кургана.

Погребение 1 (рис.6.1) находилось в северо-западном секторе кургана, почти у самого его края. Могильная яма имела форму четырехугольника с закругленными углами. Северная длинная стенка ее была нарушена норой грызуна. Длина могильной ямы 1,8 м, максимальная ширина 0,6 м, ближе к западной стенке ширина уменьшалась до 0,38 м. Глубина могилы 0,15 м в материке. Ее стенки покато переходили в дно. Ориентирована могила была по линии ВСВ-ЗЮЗ.

Костяк погребенного лежал на спине в вытянутом положении. Левая рука была согнута в локте, и ее кисть находилась на тазовых костях. В области груди найдено глиняное пряслице (рис.7.4). В юго-восточном углу могилы, за черепом костяка, выше дна могилы найден железный стилетообразный предмет с волютовидным навершием (рис.7.5). На дне могилы и в ее заполнении встречались небольшие камни.

Погребение 2 (рис.6.2) находилось в 3,18 м к северу от центра кургана. Могильная яма имела сложную форму прямоугольника с закругленными углами, северная длинная сторона которого была дугообразно выгнута, а противоположная ей стенка вогнута. На уровне материка могила имела длину 2,3 м, ширину у восточной стенки 0,66 м, у западной – 0,5 м. Стенки могилы были слегка наклонными, поэтому яма ко дну несколько уменьшалась, только у северной стенки яма, наоборот, расширялась, создавая подобие неглубокого подбоя. Длина дна могилы 2,16 м, ширина в разных местах различна в пределах 0,45-0,59 м. Ориентирована яма по линии ВСВ-ЗЮЗ. В засыпи ямы обнаружены две деревянные плашки. Глубина могилы 0,25 м от материка. Костяк погребенного лежал вдоль северной стенки могилы. Он был слегка потревожен, и отдельные кости встречались в заполнении могильной ямы на разной глубине.

Костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой на ВСВ. Череп лежал на правом боку, кисть левой руки находилась на тазовых костях. Под подбородком в области шейных позвонков найдена железная пряжка прямоугольной формы (рис.7.3). Между правой бедренной костью и стенкой могилы – кольцо.

Погребение 3 (рис.5) находилось в северной поле́, ближе к центру насыпи. Погребение было ограблено, грабительский вкоп примыкал к юго-западной части

могильной ямы. Могила имела форму неправильного овала, длина ее 2,15 м, максимальная ширина 1,05 м. Ближе ко дну могильная яма сужалась, т.к. продольные стенки ее были наклонными. Длина дна могилы 2,15 м, ширина 0,38 м у восточной стенки и 0,76 м у западной, глубина 0,75 м от уровня материка. Ориентирована могила по линии СВ-ЮЗ.

В заполнении на разной глубине встречались кости человека и камни. Погребение было разрушено. Непотревоженными остались только берцовые кости и кости стоп. Судя по их положению, погребенный лежал головой на северо-восток. На дне могилы, рядом с сохранившимися частями костяка, найдены железный рыболовный крючок (рис.7.7), нож (рис.7.8) и трехлопастной наконечник стрелы (рис.7.6). Другой такой же наконечник стрелы (рис.7.6) и обломок железного изделия найден в заполнении могильной ямы.

Исследованные в 1978 году погребения курганов 1, 2, 3 оказались почти безынвентарными вследствие их ограбления или ритуального разрушения с целью обезвреживания погребенных, поэтому датировка и определение их культурной принадлежности были по существу невозможны. Последующие раскопки курганов Рождественского III могильника позволяют решить эти вопросы.

Погребальный обряд и инвентарь курганов NN 6 и 7 находят ближайшие аналоги в могильниках новинковского типа, датируемых концом VII-VIIIвв. Для всех этих могильников, как и для Рождественского, характерно использование более ранних курганов или сооружение новых насыпей, наличие камней в насыпях, неглубоких подбоев и ступенек в длинных стенках могил, ориентировка погребенных на СВ или восток, разрушение погребений с целью обезвреживания покойников.

В насыпи кургана 7 обнаружены глиняные сосуды с примесью шамота и органики (навоза), с насечками на венчиках, находящие аналоги во всех исследованных памятниках новинковского типа на Самарской Луке. Стилетообразное железное изделие с волютовидным навершием из погребения 1 кургана 7 также предмет, нередко встречаемый в могильниках новинковского типа. Это касается и трехлопастных наконечников стрел, ножа, рыболовного крючка и пряжки.

Интересна находка фрагмента красноглиняной амфоры в погребении 8 кургана 7. До сих пор в погребениях новинковских могильников находились лишь пряслица, изготовленные из стенок гончарных амфор.

Рождественский III могильник наиболее близок к расположенному неподалеку от него Новинковскому могильнику. Оба, несомненно, принадлежали родственным группам населения, пришедшим на Самарскую Луку в конце VII в. н.э.

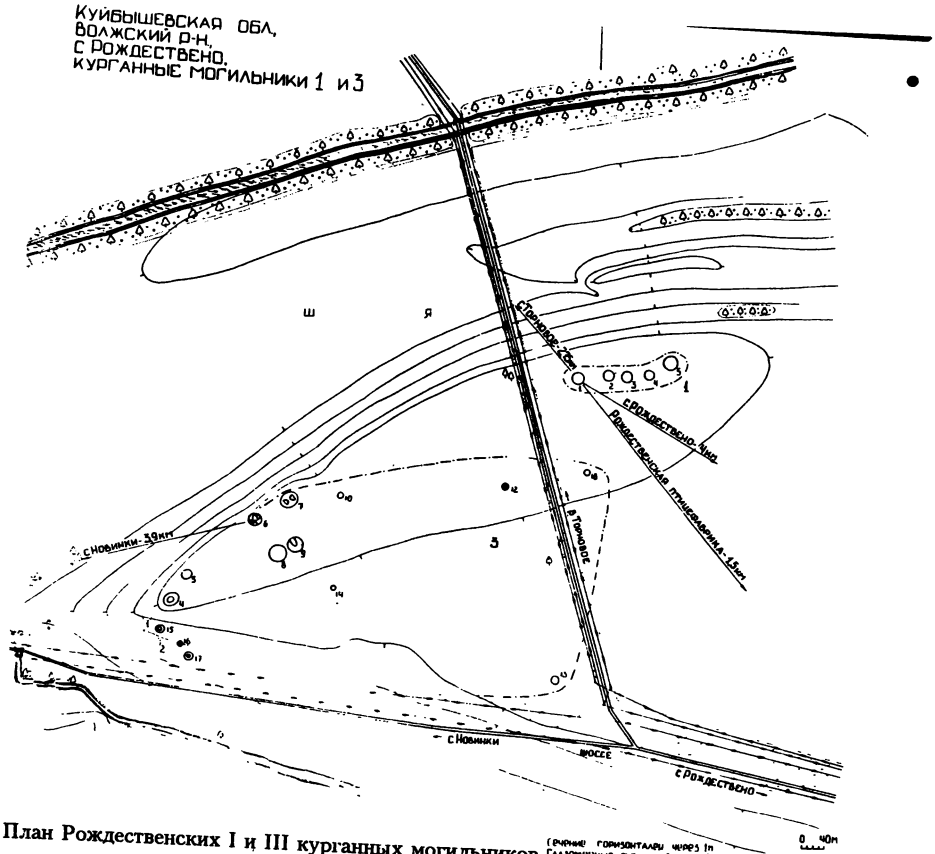


Рис. 1. План Рождественских I и III курганных могильников

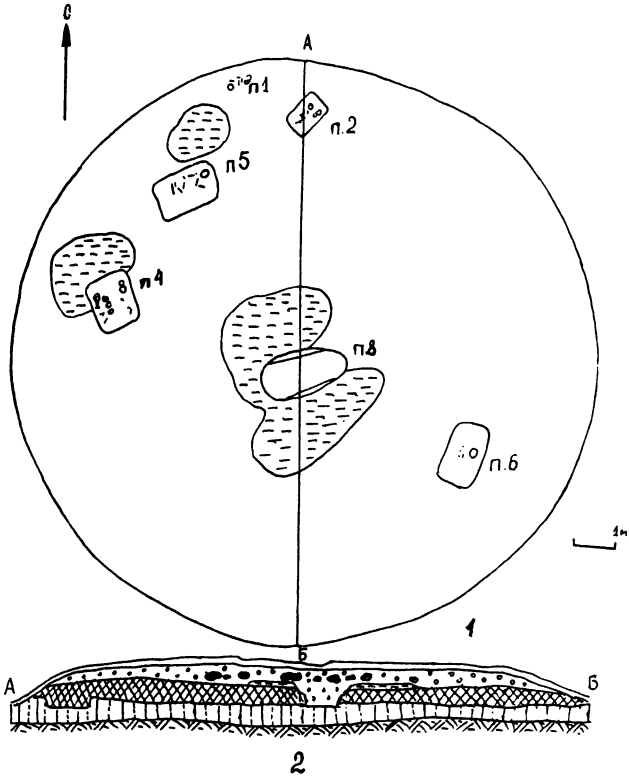


Рис.2. Курган 6: 1 - план, 2 - профиль

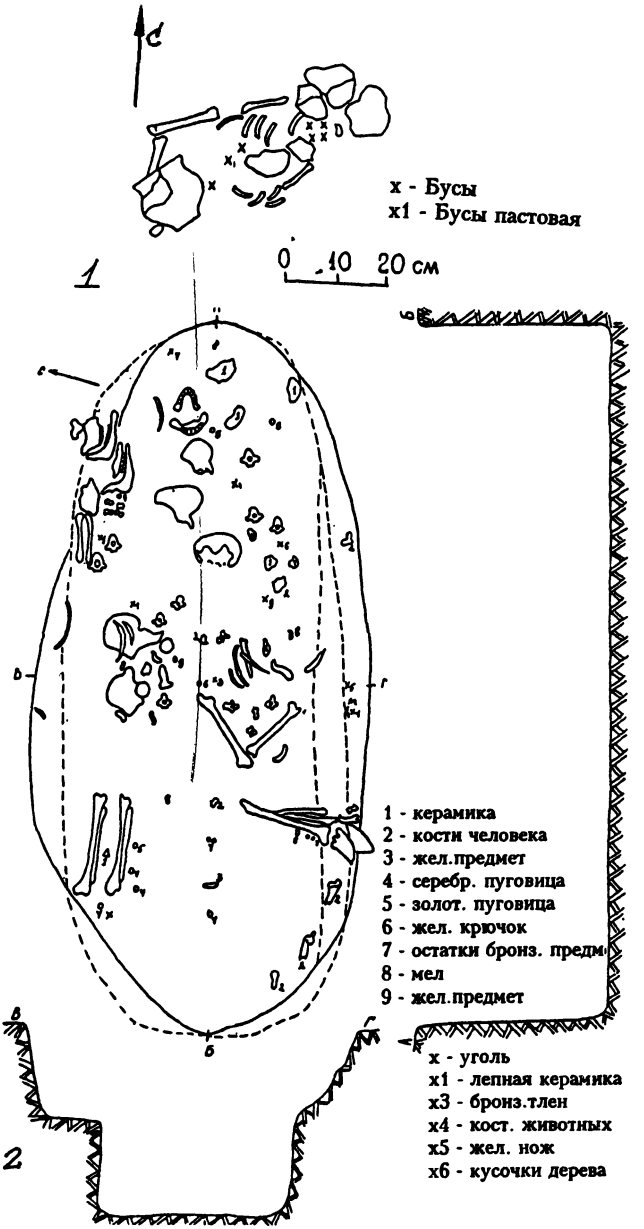
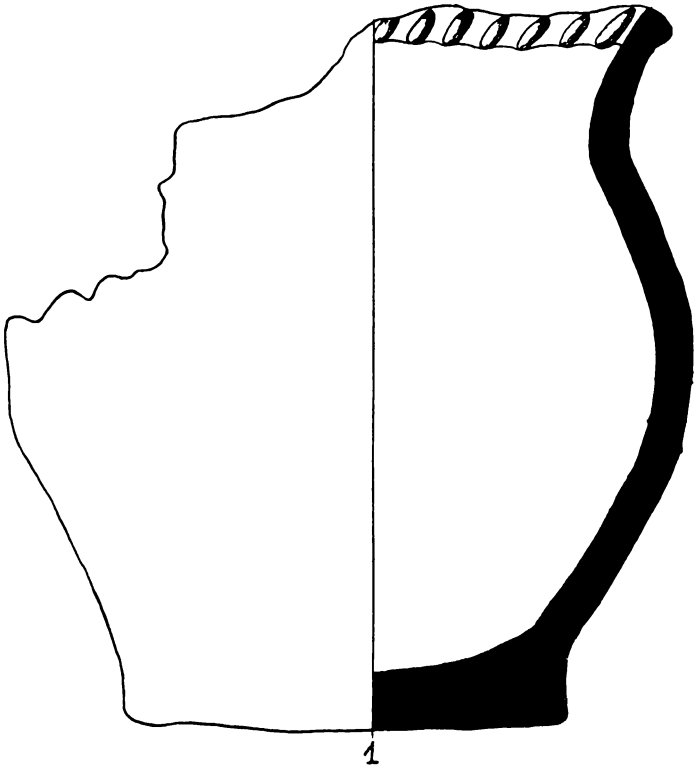


Рис. 3. Погребения в кургане 6: 1 - погребение 1; 2 - погребение 8



1 - сосуд из погребения 3;
2 - серебряная пуговица из погребения 8;
3 - золотая пуговица;
4 - рыболовной крючок;
5 - фрагмент ножа

Рис. 4. Инвентарь погребений 3 и 8 кургана 6

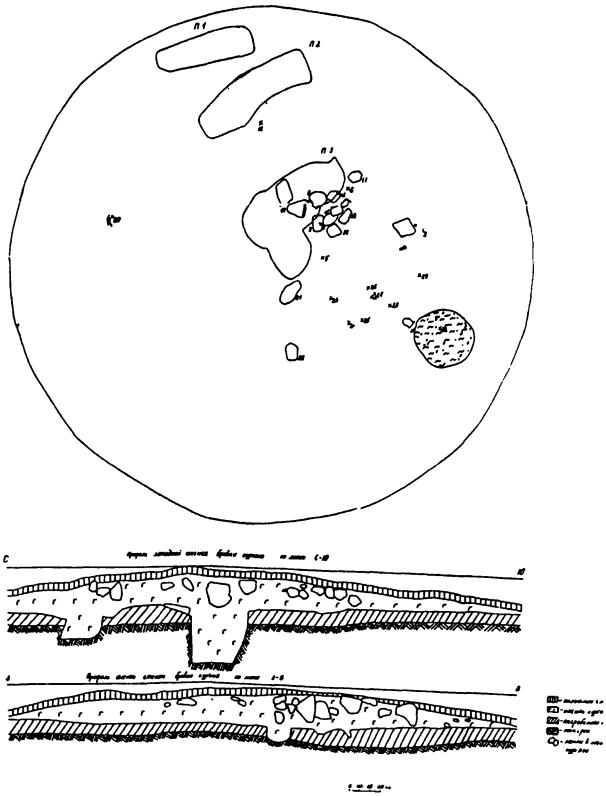


Рис.5. Курган 7: 1 - план; 2 - профиль)

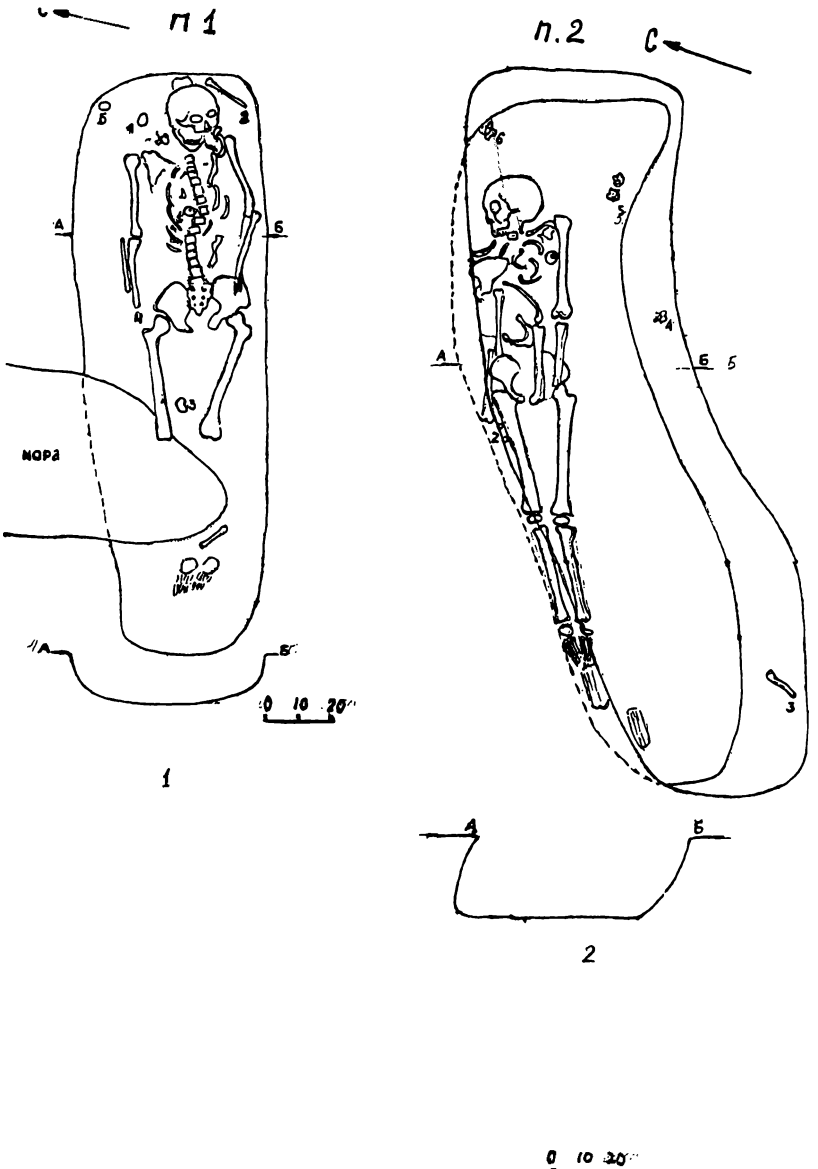
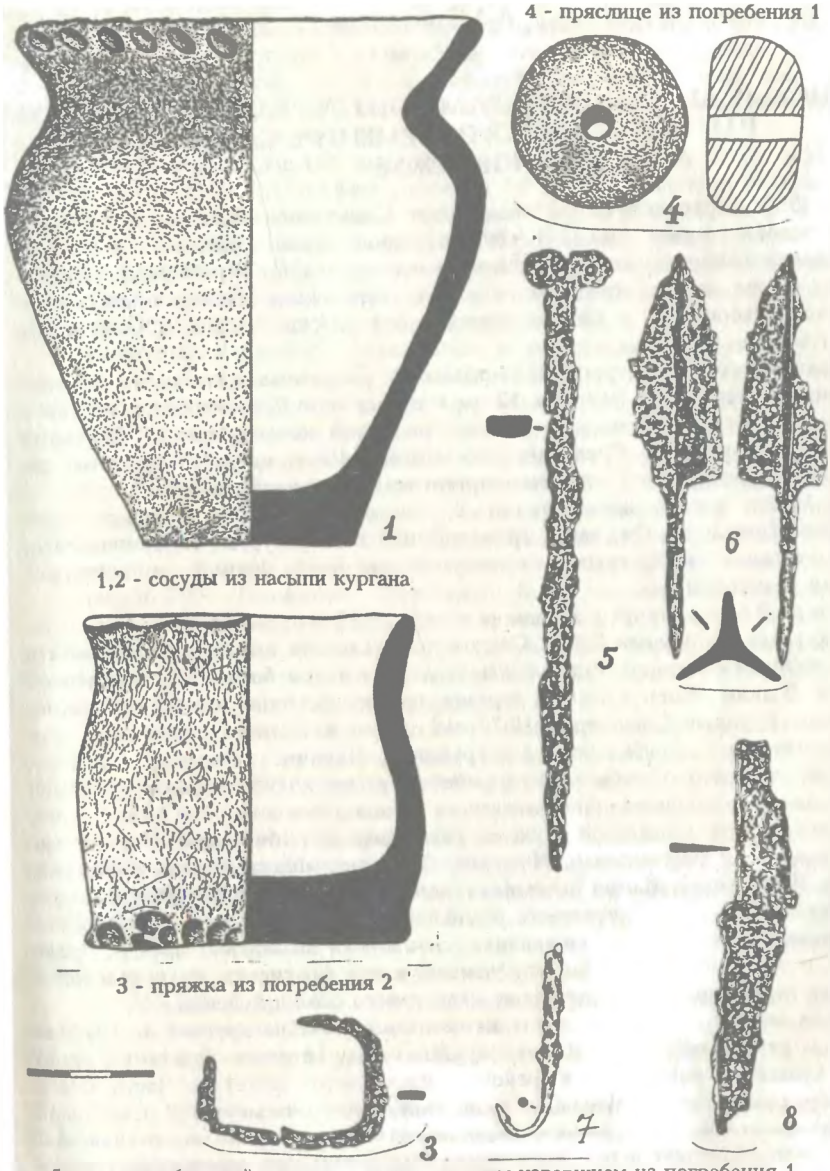


Рис. 6. Рождественский III могильник. Курган 7:
1 - погребение 1: 1) пряслице, 2) стилетовидный предмет с волютообразным навершием; 2 - погребение 2: 1) железная пряжка, 2) кольцо



5 - стилетообразный предмет с волютовидным навершием из погребения 1,
6 - наконечники стрел из погребения 3; 7 - рыболовный крючок из погребения 3;
8 - нож из погребения 3

Рис. 7. Вещи из кургана 7

3-7077

Д.А.Сташенков
(г.Самара)

НОВЫЕ ДЕТАЛИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ПАМЯТНИКОВ РАННЕБОЛГАРСКОГО ВРЕМЕНИ В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

В 1993г. археологическая экспедиция Самарского областного историко-краеведческого музея им.П.В.Алабина продолжила начатые в 1992г. исследования Новинковского I курганного могильника[4]. В работах принимали участие члены археологических кружков городского Центра детского и юношеского творчества и Центра внешкольной работы "Поиск" Октябрьского района г.Самары.

Новинковский I курганный могильник расположен на краю высокой надпойменной террасы р.Волги, в 12 км к западу от с.Рождествено и в 2 км к востоку от с.Новинки Волжского района Самарской области (рис.1). Площадка могильника задернована. Первоначально могильник состоял из 10 курганов, два из которых (курганы 1 и 3) частично уничтожены песочным карьером.

В 1993г. исследовался курган 9, расположенный в западной части могильника (рис.2. 3). Он, как и примыкающий к нему курган 10, отличался от других курганов этой группы вытянутой овальной формой и несколько большими размерами.

Курган 9 был вытянут с запада на восток на 18 м, с севера на юг – на 11 м. Высота кургана составляла 0,4 м. Следов грабительских вкопов на поверхности кургана зафиксировано не было, так же, как не видно было следов каменной вымостки. В дальнейшем в насыпи кургана, преимущественно над погребениями, встречались крупные (диаметром 10-70 см) камни известняка, использованные при сооружении погребальной конструкции. Наличие каменной закладки погребений и каменной обкладки насыпей кургана является характернейшей чертой для памятников новинковского типа конца VII-VIIIвв. н.э., расположенных на Самарской Луке и связываемых с болгарами (курганные группы около сел Рождествено, Новинки, Брусяны, Малая Рязань, Осиновка, Торновое, Выползово). Камни известняка, вероятно, привозились с Жигулевских гор, ближайшие отроги которых расположены в 2-2,5 км к северу от Новинковского I курганного могильника. Землю для возведения насыпи брали на месте, о чем свидетельствуют встреченные в ней фрагменты именьковской и городецкой керамики, происходящие из культурного слоя поселения.

После снятия дернового слоя в юго-западном секторе кургана на глубине 0,29-0,41 м от условного "О" (центр кургана) был встречен развал высокого лепного кувшина, впоследствии реконструированного (рис.12). Части этого сосуда были разбросаны на площади, вытянутой с севера на юг на 0,8 м, с запада на восток – на 0,4 м. В развале недоставало значительной части кувшина. Возможно, это объясняется тем, что кувшин был разбит при совершении тризны

на поверхности недосыпанного кургана и оставлен там. Затем, через некоторое время, курган досыпали до конца. Видимо, с тризной связаны и находки костей животных в насыпи кургана, в особенности челюстей и зубов лошади.

В кургане исследовано 12 погребений. Большинство из них в силу специфического состояния верхнего слоя (жирный гумус черного цвета) было зафиксировано на уровне материка.

Погребение 1 (рис.4а) выявлено в юго-восточном секторе кургана на глубине –98 см от "О". Погребение ребенка 7-9 лет* совершено в могильной яме овальной формы, ориентированной по линии СВ-ЮЗ и углубленной в материк на 0,06-0,07 м. Погребение разрушено. Сохранились разрозненные остатки черепной коробки, челюсть, отдельные трубчатые кости. Вещей обнаружено не было. Следов грабительских перекопов в этом погребении, как, впрочем, и во всех остальных погребениях кургана, не наблюдалось.

Погребение 2 (рис.4б), выявленное в юго-западном секторе кургана на глубине –89 см, принадлежало женщине 18-20 лет. Скорее всего, оно было совершено либо за пределами насыпи кургана, либо до ее сооружения. Сверху погребение было перекрыто крупными известняковыми камнями. Могильная яма подпрямоугольной формы углублена в материк на 0,05-0,07 м и ориентирована по линии ЮВ-СЗ. Погребение, ориентированное на СЗ, было разрушено. Из могильной ямы извлечена верхняя часть туловища, кости ног при этом потревожены не были. Часть костей (грудной клетки и позвонков) отсутствовала. В районе пояса и бедра левой ноги были встречены целая и обломок стеклянных бус (рис.4б.2-3). Возможно, погребение было вскрыто вскоре после его совершения, когда ткани умершей еще не успели до конца разложиться. Видимо, в данном случае мы имеем дело с ритуальным обрядом обезвреживания погребенных, имевшим широкое распространение на территории салтово-маяцкой культуры и других родственных ей культур[3, 5].

Погребение 3 (рис.5) выявлено в юго-восточном секторе кургана на глубине -106 см. Погребение, принадлежавшее ребенку в возрасте до 1 года, было разрушено. Сохранились часть черепной крышки, ключица, лучевая кость. Очертания могильной ямы проследить не удалось. Возможно, погребение было совершено после возведения насыпи кургана. В погребении находился лепной орнаментированный горшочек колоколовидной формы (рис.5). Форма этого сосуда и орнаментация не находят аналогий в материалах памятников новинковского типа, однако технология его изготовления и состав формовочной массы не отличаются от других сосудов данного памятника (заключение И.Н.Васильевой, см. статью в настоящем сборнике).

Погребение 4 (рис.6а), принадлежавшее ребенку в возрасте до 2 лет, выявлено в юго-восточном секторе кургана на глубине –85 см. Очертаний могильной ямы проследить не удалось. В силу фрагментарности костяка (сохра-

*Все антропологические определения выполнены мл.научн.сотрудн. ИЯЛИ им.Ибрагимова АН Татарстана И.Р.Газимзяновым (см. статью в настоящем сборнике).

нились только части черепной крышки) ориентация погребенного не установлена. В погребении находился небольшой лепной горшочек, орнаментированный ямочными вдавлениями по венчику (рис.6а.2).

Погребение 5 (рис.6б) принадлежало ребенку в возрасте до 1,5 лет. Оно выявлено в северо-западном секторе кургана на глубине –51 см. Вокруг погребения наблюдалась закладка из крупных камней. Очертаний могильной ямы на фоне темного гумуса проследить не удалось. Погребение, вероятно, было разрушено. Сохранились кости черепа и ключица. Инвентарь представлен лепным сосудом горшковидной формы, орнаментированным по венчику пальцевыми вдавлениями (рис.6б.2). В 1-1,5 м к СЗ от погребения встречены отдельные кости крупного животного (коровы?) и несколько зубов лошади, однако их связь с погребением проблематична.

Погребение 6 (рис.7а) ребенка 5-6 лет выявлено на границе северо-западного и северо-восточного секторов кургана на глубине –88 см. Погребение совершено в могильной яме подпрямоугольной формы, углубленной в материк на 0,2 м и ориентированной по линии В-З. В районе погребения наблюдалась разреженная каменная закладка. Погребение, вероятно, ориентированное на запад, было сильно разрушено. Кости черепа и часть трубчатых костей были сосредоточены в западной части могильной ямы. Погребальный инвентарь представлен частично поврежденным бронзовым кольцом серьги салтовского типа (рис.7а.2), обломками железного ножа (?) (рис.7а.3) и многосоставным железным предметом неизвестного назначения (рис.7а.4). Вероятно, в данном случае также присутствовал обряд обезвреживания погребенных.

Погребение 7 (рис.8) ребенка в возрасте до 1 года выявлено в северо-западном секторе кургана на глубине –95 см. Погребение совершено в могильной яме подпрямоугольной формы, ориентированной по линии ВСВ-ЗЮЗ и углубленной в материк на 0,12 м. Сохранность костяка, ориентированного на ВСВ, неудовлетворительна, видимо, в силу естественных причин. В области шеи, под нижней челюстью, встречены остатки ожерелья (рис.8.2-4,6), состоявшего из 9 стеклянных бус, двух серебряных пуговок и бронзового бубенчика. В районе грудной клетки находился амулет из пястной кости бобра. Возле черепа в изголовье находился лепной сосуд, украшенный вдавлениями по венчику (рис.8.5).

Погребение 8 (рис.7б) принадлежало ребенку в возрасте около 6 месяцев. Выявлено в северо-восточном секторе кургана на глубине –109 см. В слое темного гумуса очертания могильной ямы не прослежены. По сохранившимся костям (верхняя часть черепа и несколько косточек ноги) наиболее вероятной ориентировкой погребенного является запад. К северу от могилы в насыпи кургана встречено несколько камней.

Погребение 9 (рис.9а) ребенка 1-1,5 лет выявлено в северо-западном секторе кургана на глубине -90 см. Могильная яма подпрямоугольной формы ориентирована по линии СВ-ЮЗ и углублена в материк на 0,08 м. Погребенный лежал головой на СВ. Кости скелета практически полностью истлели. К западу от погребения наблюдались следы каменной закладки. При расчистке погребения

встречены 4 стеклянных глазчатых бусины (рис.9а.2-4) плохой сохранности, три в районе шеи, одна – у пояса.

Погребение 10 (рис.9б) ребенка 1,5-2 лет. Выявлено в северо-восточном секторе кургана в 1 м к северу от погребения 9. В районе погребения наблюдалась каменная закладка. Погребение, выявленное на глубине -88 см, совершено в могильной яме овальной формы, ориентированной по линии В-З и углубленной в материк на 0,1 м. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на восток. Правая рука согнута и положена на пояс. Кости черепа находились в нарушенном состоянии. Погребальный инвентарь представлен грубым лепным сосудом горшковидной формы, орнаментированным пальцевыми защипами по венчику (рис.9б.3) и костяным сунаком (рис.9б.2).

Погребение 11 (рис.10), являвшееся центральным в кургане, было выявлено на границе юго-западного и юго-восточного секторов на глубине –103 см и принадлежало мужчине 25-35 лет, брахикрану. Оно совершено в могильной яме подпрямоугольной формы размерами 2,3х0,85 м, углубленной в материк на 0,7-0,8 м и ориентированной по линии ВСВ-ЗЮЗ. Вдоль северной боковой стенки у дна могильной ямы сделан подбой. Не вызывает никаких сомнений факт ритуального трупорасчленения в данном случае. Можно предположить, что первоначально было совершено погребение с инвентарем. По истечении достаточно продолжительного времени с момента захоронения могильная яма была вскрыта и инвентарь из могилы был изъят. Удалена была также часть костей погребенного (тазовые кости и грудная клетка). Оставшиеся кости были сложены в определенном порядке в изголовье могилы. Нетронутым, возможно, оставался только череп. После завершения этого обряда могильная яма была залита жидкой глиной, в которой изредка встречались куски мела и мелкие угольки. Затем над той частью могилы, где были сосредоточены кости, была сделана наброска из крупных известняковых камней.

Необходимо подчеркнуть, что в той или иной степени обряд обезвреживания погребенных, на мой взгляд, присутствовал и в остальных погребениях могильника, включая детские. Об этом свидетельствуют в первую очередь нарушения целостности скелета даже в тех погребениях, где сохранился инвентарь.

Погребение 12 (рис.11) принадлежало ребенку в возрасте около 5 лет. Погребение выявлено в северо-восточном секторе кургана, у самого края насыпи, почти смыкающейся с насыпью кургана 10 могильника, на глубине —106 см. Оно совершено в могильной яме подпрямоугольной формы, углубленной в материк на 0,12 м и ориентированной по линии В-З. Сохранность костяка крайне неудовлетворительна, однако можно предположить, что погребенный лежал вытянуто на спине и головой был ориентирован на В. В погребении встречен богатый инвентарь. Слева от черепа погребенного находились два лепных миниатюрных горшочка, украшенных защипами по венчику (рис.11.8-9). Наличие двух сосудов в погребении не характерно для новинковцев. В районе шеи найдены две крупные стеклянные бусины-амулеты с мозаичным орнаментом (рис.11.6-7). В районе груди встречен амулет из пястной кости бобра, еще один

подобный амулет обнаружен в засыпи могилы (рис.11.11). В районе пояса находились остатки разломанного на несколько частей железного "кинжальчика" (рис.11.4), остатки другого ножичка, железная пряжка, кремень от огнива со следами железной обкладки и железный предмет неизвестного назначения (рис.11.3). Вероятнее всего, вещи находились на своих местах и после совершения погребального обряда не перемещались.

Сделанные в ходе раскопок кургана 9 Новинковского I курганного могильника наблюдения позволяют реконструировать процесс совершения захоронений в кургане следующим образом. Первоначально совершалось грунтовое центральное захоронение, мужское. На протяжении некоторого времени вокруг него производились другие захоронения. По истечении определенного срока, достаточного для полного разложения трупа в центральном погребении, это погребение вскрывалось и совершался описанный выше обряд. Подобный обряд производился в ограниченном объеме с погребениями женщины (п.2) и детей. Погребения младенцев, возможно, обезвреживались в момент совершения захоронения и к ним больше не возвращались.

После обезвреживания центрального погребения возводилась насыпь кургана с использованием известняковых камней, которые, в основном, размещались над погребениями. По окончании этой работы совершалась тризна, на которой был разбит лепной кувшин, возможно, находившийся до этого в центральном погребении (в пользу этого предположения говорит тот факт, что аналогичные кувшины встречены при раскопках Новинковского II курганного могильника Г.И.Матвеевой и В.Н.Зудиной в парном погребении взрослых мужчины и женщины[2, с.158], а также наблюдения, сделанные В.С.Флеровым при исследовании салтово-маяцких памятников[5, с.47-49]). Вероятно, с тризной связаны и находки зубов лошади в насыпи кургана. После совершения тризны по истечении некоторого времени насыпь кургана досыпалась.

Подобная реконструкция деталей погребального обряда позволяет обосновать предположение, что Новинковский I могильник является курганно-грунтовым. Это подтверждается и открытием в 30 м к западу от исследованного кургана 9 грунтового погребения, прорезающего слой городецкого селища (рис.7в).

Грунтовое захоронение женщины-мезокрана 35-45 лет было выявлено на глубине –51 см. Могильная яма подпрямоугольной формы ориентирована по линии С-Ю. Погребенная была помещена в могилу в скорченном положении на левом боку, головой она ориентирована на север. Часть костяка, вероятно, уничтожена грызунами. Вещей в могиле не обнаружено. Можно высказать предположение о возможной синхронности этого погребения и погребений Новинковского I курганного могильника. На Самарской Луке сходное положение костяка по одному разу наблюдалось в Брусянском II курганном могильнике[1, рис.3, 9] и в Шелехметском II грунтовом могильнике ранне- болгарского времени (конец VII-VIIIвв. н.э.). Необходимо отметить, что скорченные женские костяки характерны для алан, вошедших в состав салтово-маяцкой культуры[6]. Возможно, подобные погребения на Самарской Луке лишний раз

свидетельствуют о неоднородности населения, оставившего памятники Новинковского типа

Вещевой комплекс, полученный при исследовании кургана 9 Новинковского I курганного могильника, достаточно типичен для памятников новинковского типа. Лепные плоскодонные горшки, украшенные защипами по венчику, стеклянные глазчатые бусины северокавказского производства, железная поясная пряжка, бронзовые бубенчик и кольцо серьги салтовского типа, серебряные пуговки и костяной сунак – все эти предметы находят аналогии в материалах памятников конца VII-VIIIвв. н.э., исследованных на Самарской Луке (Новинковский II, Брусянские II и III, Малорязанский, Рождественский III, Осиновский II курганные могильники, Шелехметский грунтовой могильник).

Необходимо подчеркнуть, что наибольшее сходство наблюдается в материалах Новинковских I и II курганных могильников, а оба этих памятника по целому ряду признаков отличны от других вышеупомянутых синхронных им могильников. Вероятно, это можно объяснить не столько хронологическими причинами, сколько различной этнической принадлежностью в целом достаточно близких групп населения, оставивших памятники этого круга. Этот тезис подтверждается и данными антропологии (см. статью И.Р.Газимзянова в данном сборнике). Вероятно, процесс заселения Самарской Луки в период конца VII-VIII вв. н.э. прошел через несколько этапов, в течение которых здесь появились близкие группы населения из различных районов Причерноморья и Северного Кавказа.

Для реконструкции верований древнего населения Среднего Поволжья особый интерес представляет ярко выраженный в погребении II кургана 9 Новинковского I курганного могильника обряд обезвреживания погребенных, впервые с такой полнотой прослеженный на памятниках новинковского типа. Этот обряд, находящий многочисленные аналогии на раннесредневековых памятниках Восточной Европы, может быть связан с верованиями населения Хазарского каганата.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Богачев А.,Зубов С. Брусянский II могильник ранних болгар (раскопки 1988-1989гг.) // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.

2. Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев, 1986.

3. Плетнева С.А. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности // СА. 1993. N 4.

4. Сташенков Д.А. Археологические исследования у с.Новинки в 1992г. // Краеведческие записки. Вып.7. Самара, 1994.

5. Флеров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград, 1993.

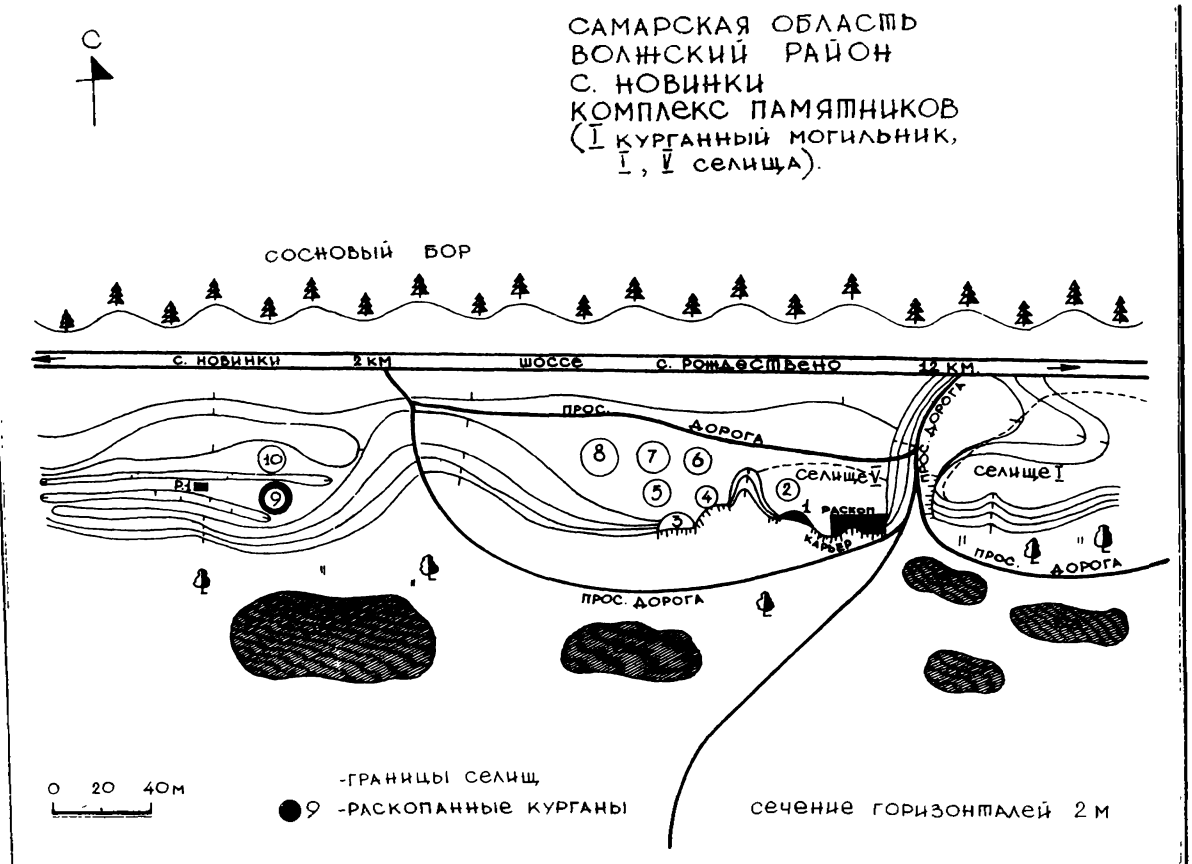


Рис. 1. Комплекс памятников у с.Новинки

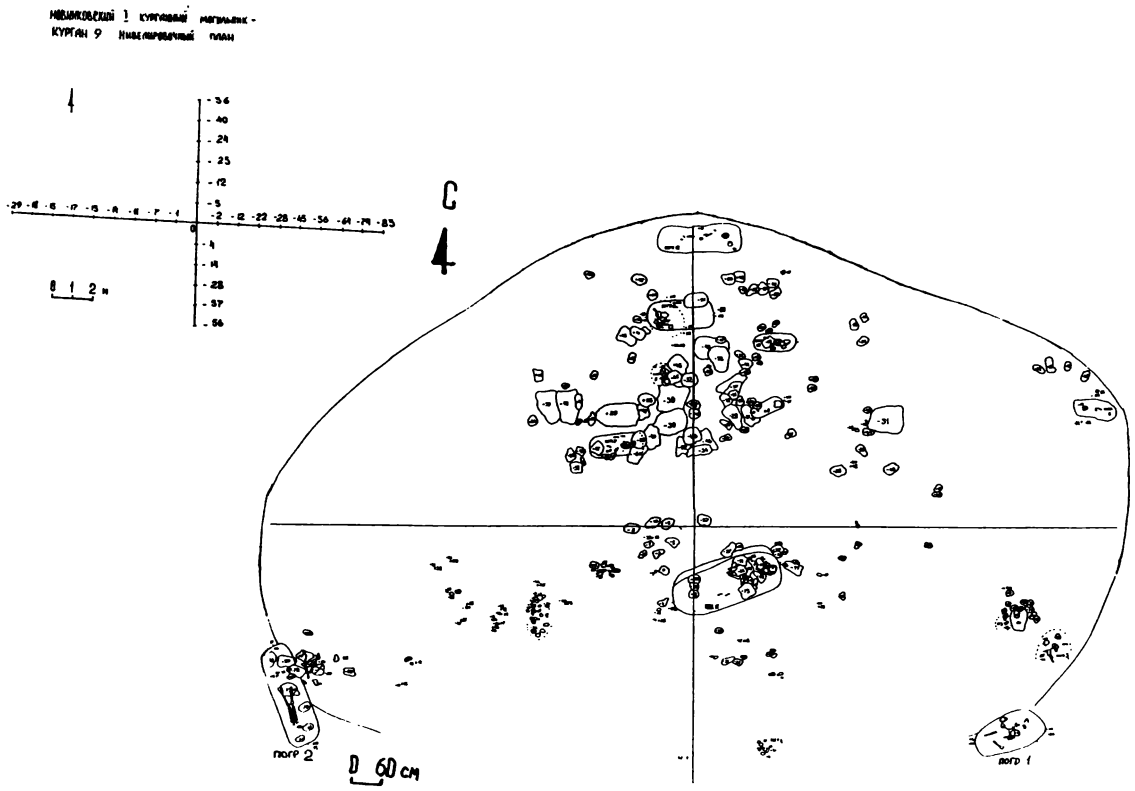


Рис. 2. Нивелировочный план и общий план кургана 9 Новинковского I курганного могильника

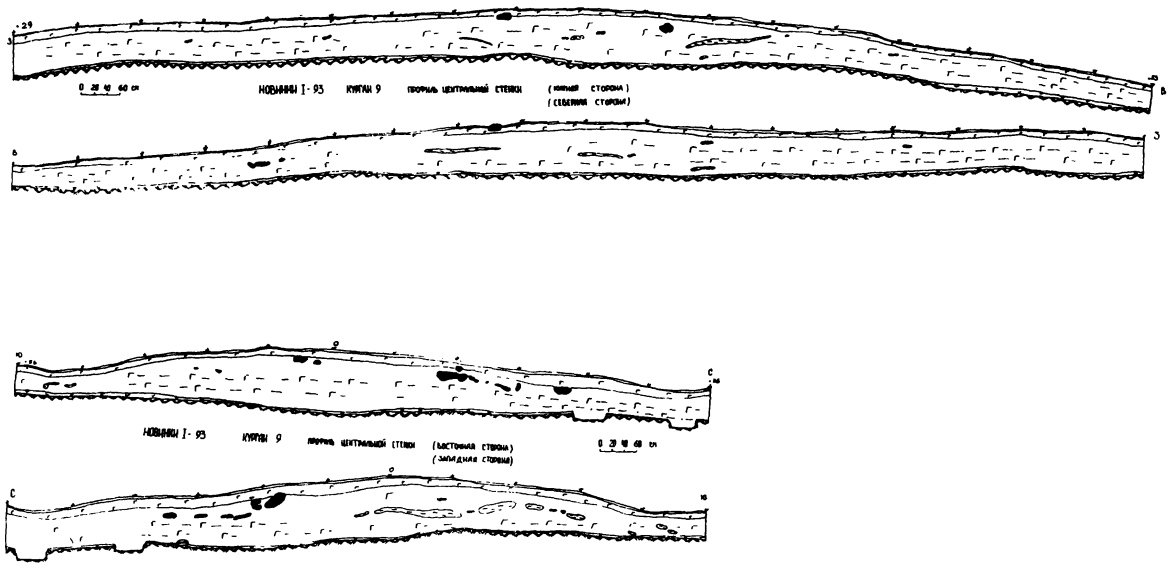


Рис. 3. Профили стенок кургана 9 Новинковского I курганного могильника

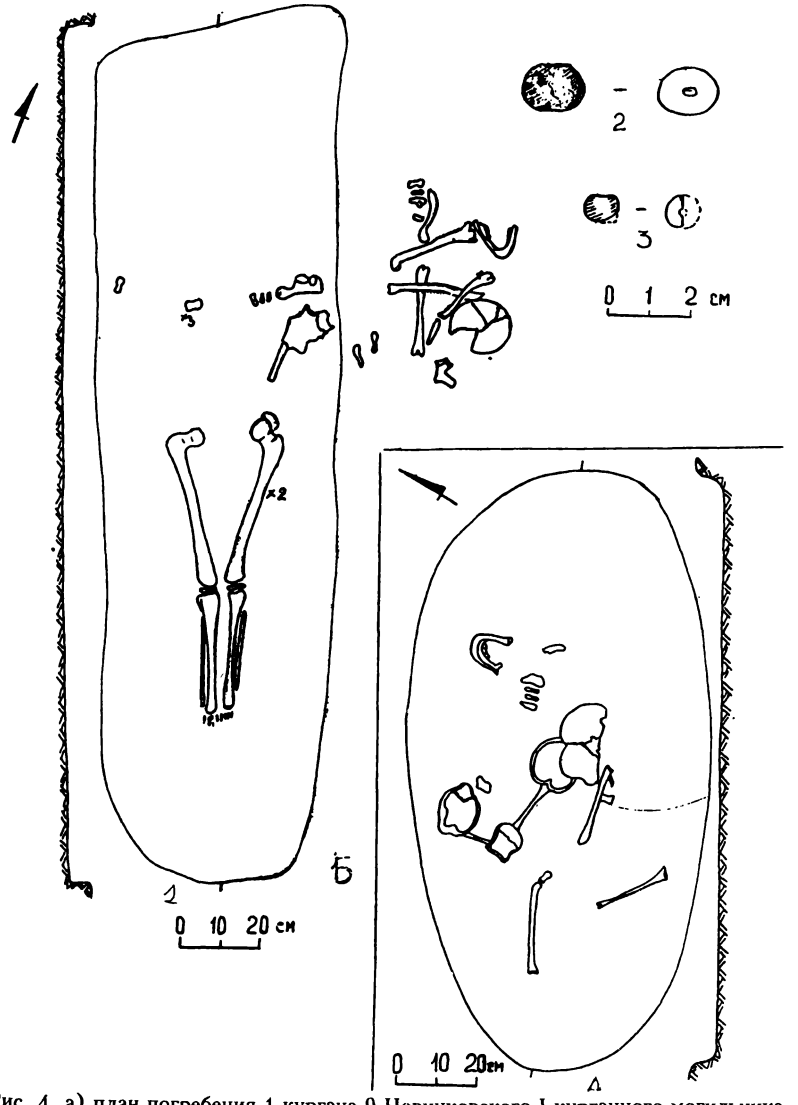


Рис. 4. а) план погребения 1 кургана 9 Новинковского I курганного могильника, б) план погребения 2

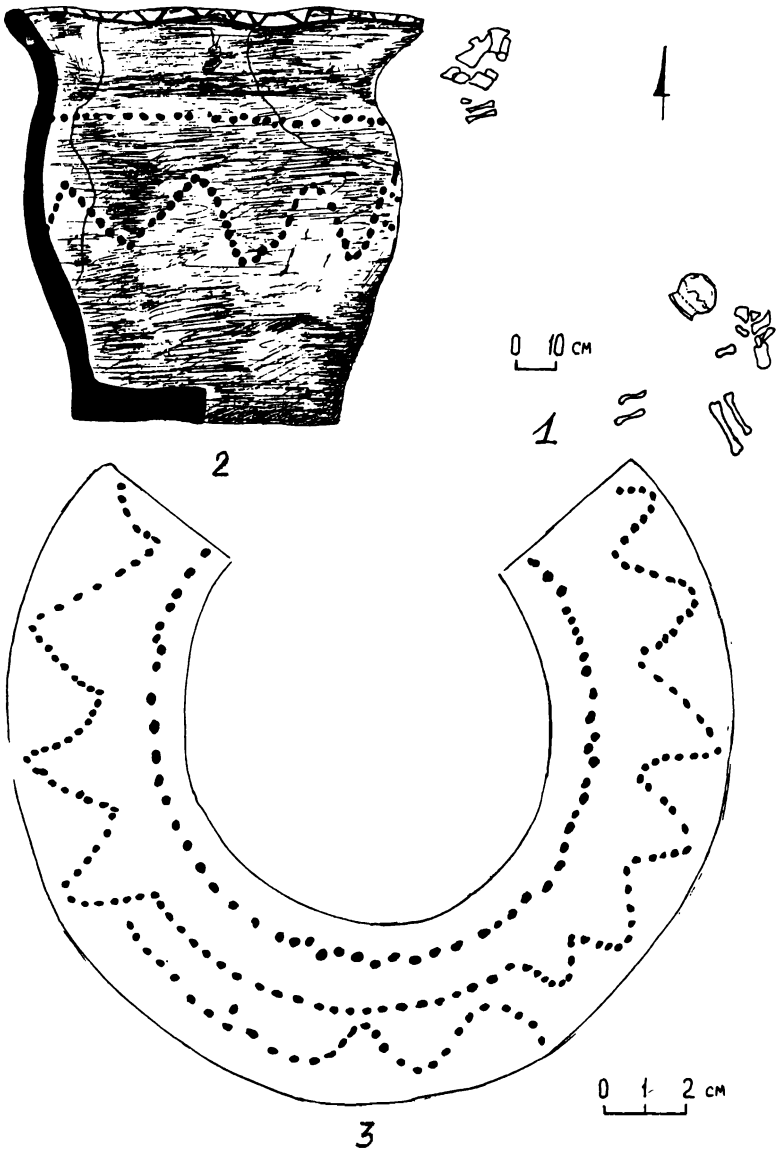


Рис. 5. 1 - план погребения 3,
2 - сосуд из погребения 3

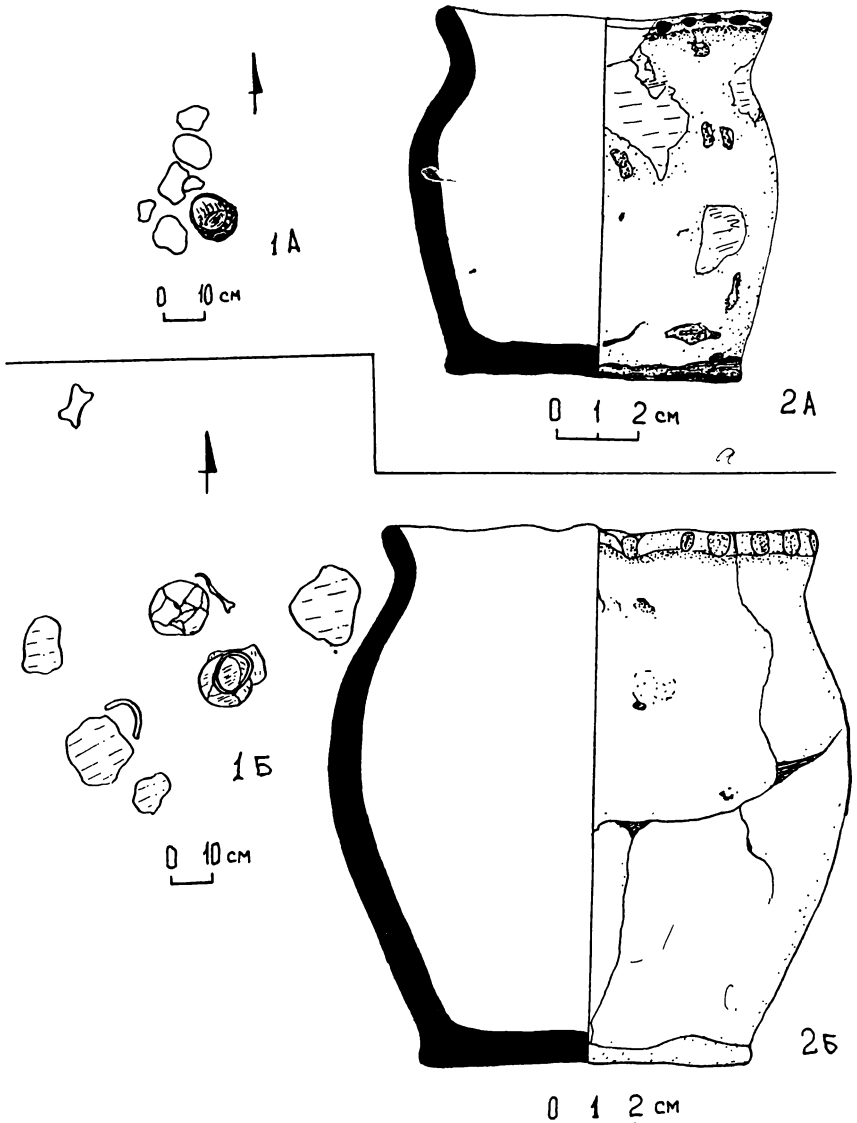


Рис. 6. а) план погребения 4, б) план погребения 5

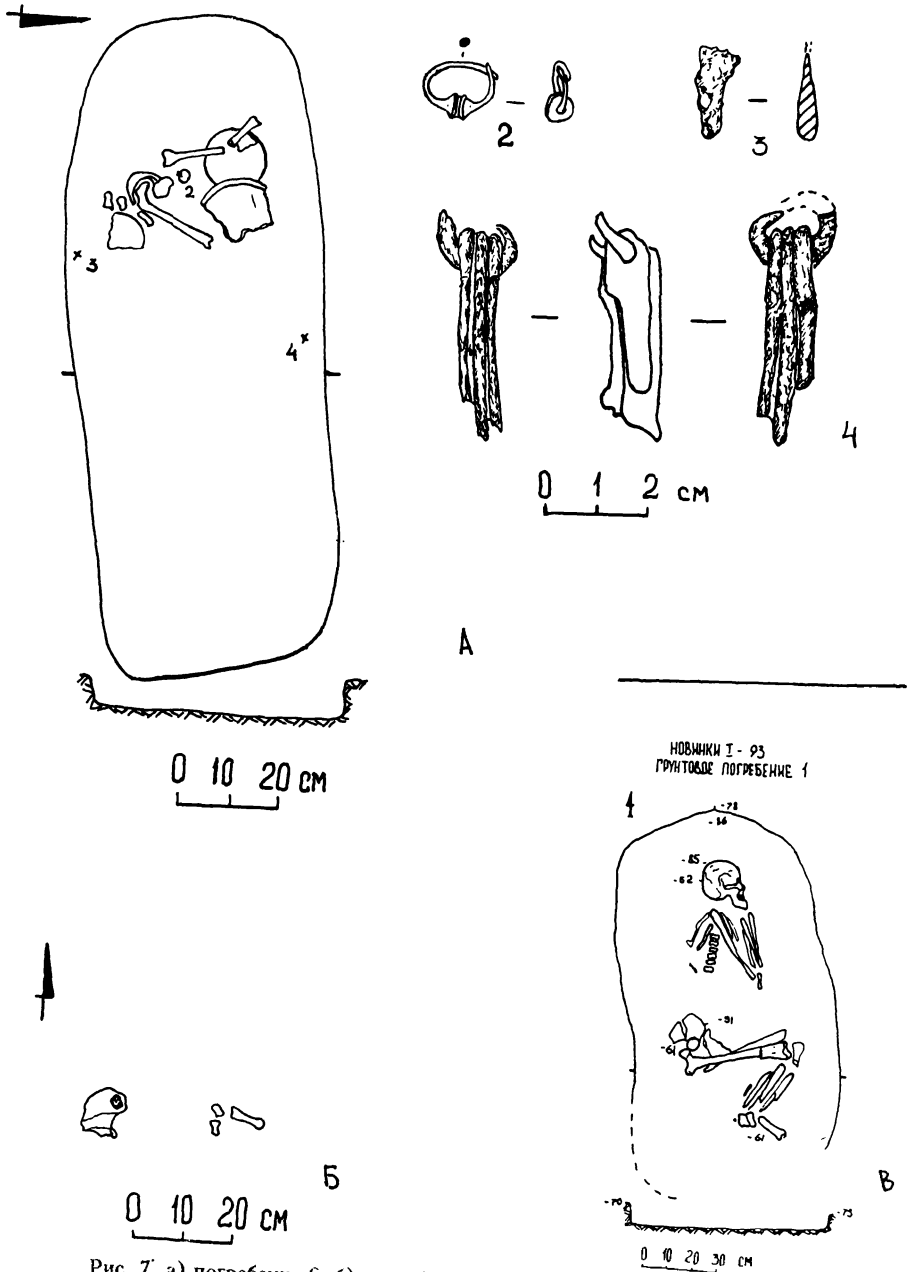
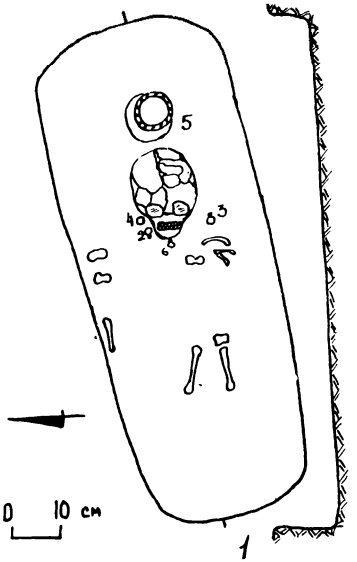
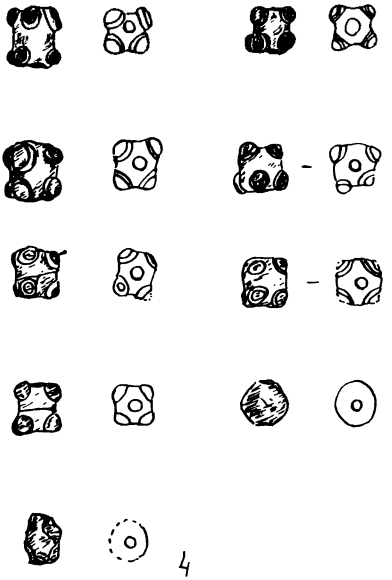
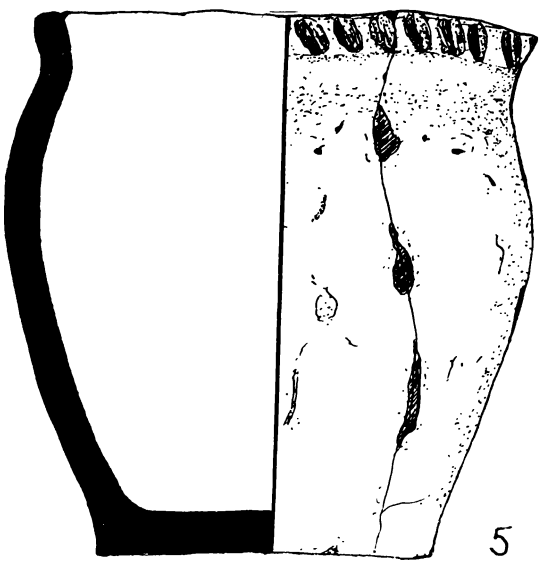


Рис. 7. а) погребение 6, б) погребение 8, в) грунтовое погребение 1







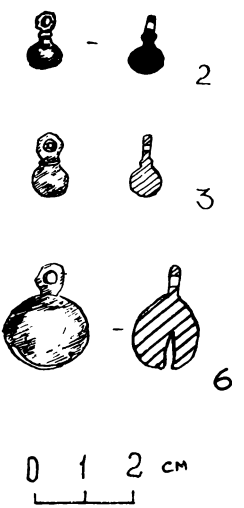


Рис. 8. План погребения 7

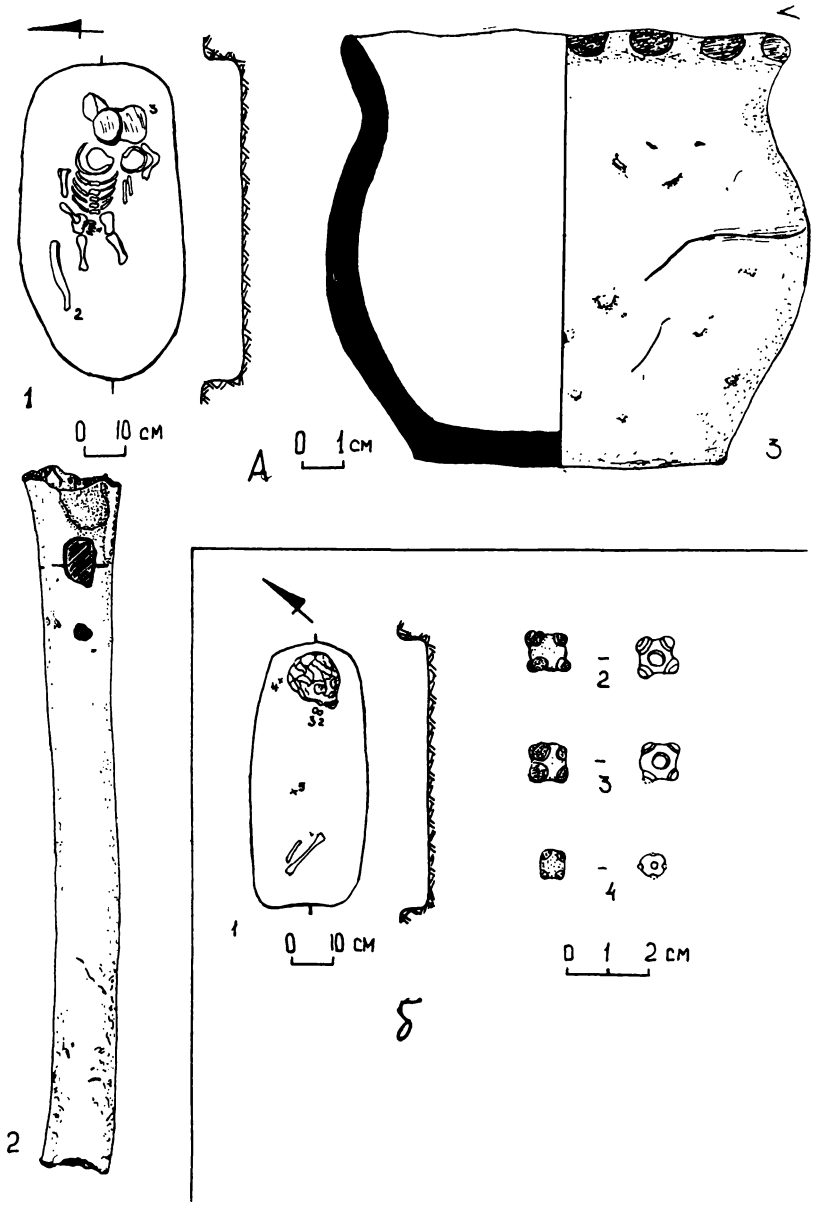


Рис. 9. а) погребение 9, б) погребение 10

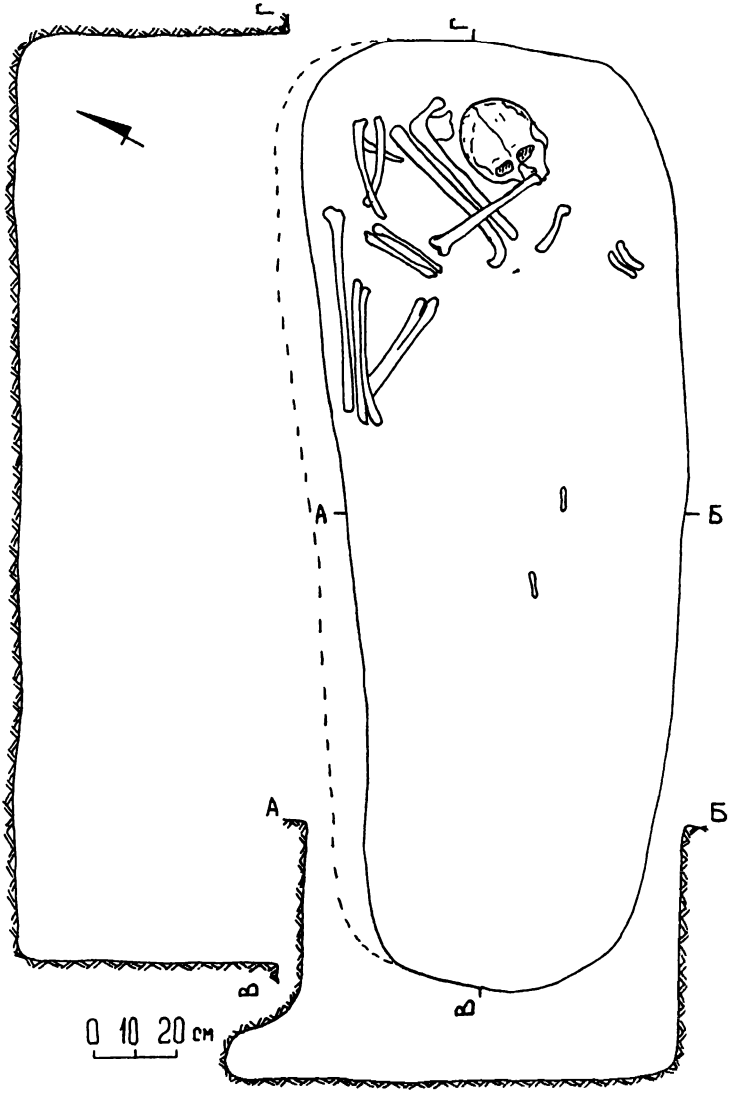


Рис. 10. План погребения 11 Новинковского I курганного могильника

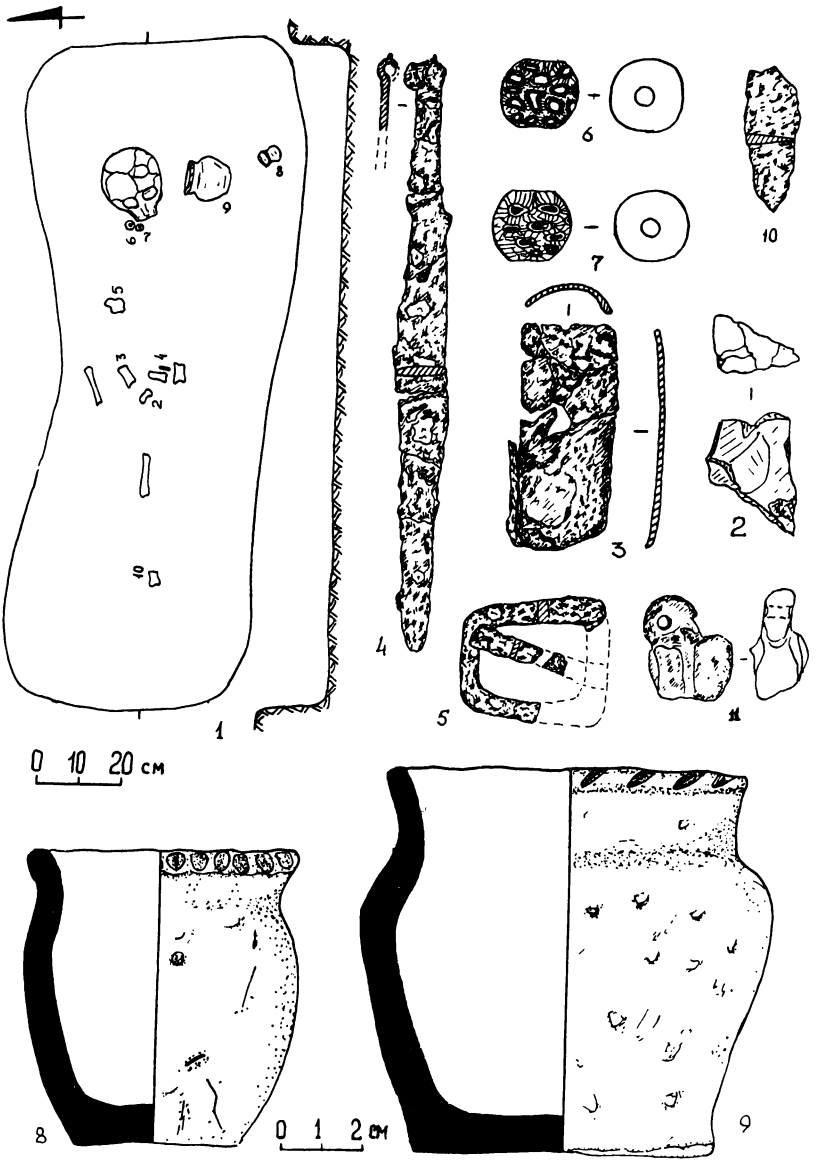


Рис. 11. Погребение кургана 9 Новинковского I курганного могильника

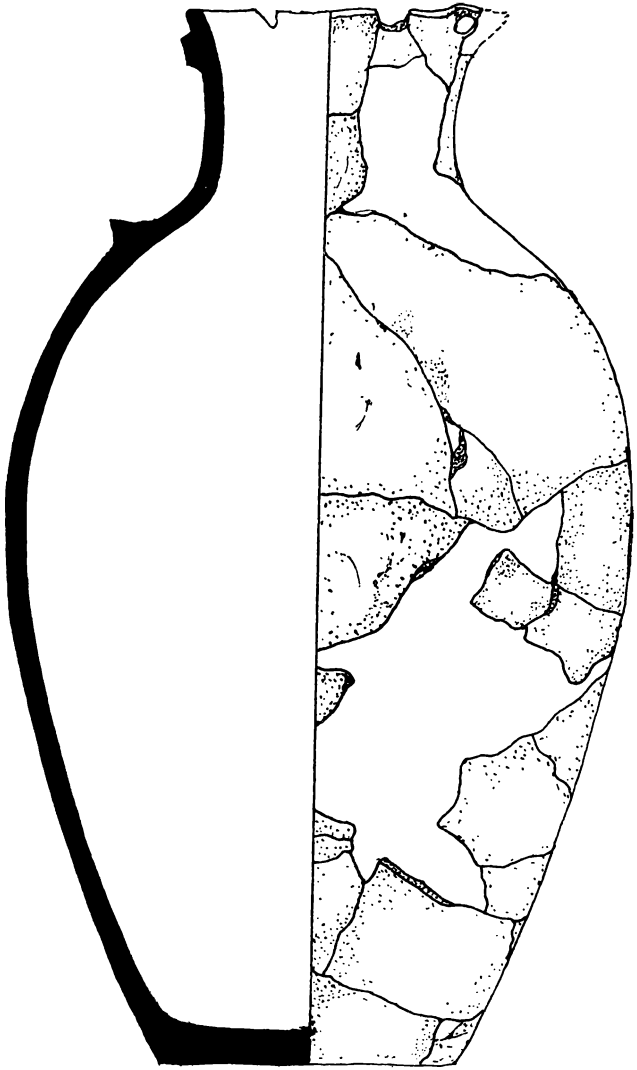


Рис. 12. Лепной кувшин из насыпи кургана 9

Таблица 1. **Результаты спектрального анализа бус Новинковского I курганного могильника (выполнен С.И.Валиулиной, Казанский гос. университет)**

	Be	As	P	Sb	Mn	Sn	Nb	Ga	No	V	Cu	Cd	Ag	Zn	Ti
1	-	0,002	0,83	-	0,03	0,74	-	-	-	-	0,37	-	-	-	0,15
2	-	0,002	0,02	-	0,02	1,07	-	-	-	-	1,12	-	0,003	-	0,01
3	-	0,006	0,03	-	0,03	0,02	-	-	-	-	0,9	-	0,003	-	0,16
4	-	0,008	0,003	-	0,03	7	-	-	-	-	1,5	-	0,006	0,14	0,16

	Co	Ni	Zi	Sr	Ba	Na	K	B	Mg	Ca	Al	Fe	Si	Cr
1	-	-	-	0,03	0,02	12,15	9,6	0,02	1,32	14	2,83	2,86	57,7	0,013
2	-	-	-	0,07	0,02	12,15	4,8	0,02	1,49	12,6	1,7	0,28	55,6	0,004
3	-	-	-	-	0,05	8	3	0,03	1,75	11,12	5,66	1,2	64,2	0,003
4	-	-	-	-	0,04	6	3	0,03	1,66	7,7	3,8	2,1	43	0,006

М.С.Седова
(г.Самара)

ИССЛЕДОВАНИЕ ШЕЛЕХМЕТСКОГО II КУРГАННО-ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА

Курганно-грунтовой могильник Шелехметь II находился в 1,5 км к западу от села Шелехметь в урочище Холодный овраг, между горами Ош-Пандо-Нерь и Львовой, на южной оконечности селища Ош-Пандо-Нерь II. Могильник был открыт Г.И.Матвеевой в 1980 году во время исследования селища. В раскопе обнаружено пять погребений - четыре совершенных по обряду трупоположения, одно - трупосожжения. Погребения были отнесены ею к новинковскому типу и датированы концом VII - первой половиной VIII века [1, с.143].

В 1993 году раскопки могильника были продолжены. Было заложено четыре раскопа общей площадью 190 кв. м. Стратиграфия раскопов примерно одинаковая: сверху залегал слой дерна мощностью 5-7 см, отдельные корни достигали глубины 50-70 см. Второй слой - гумусированная супесь темно-серого цвета. В раскопе III этот слой перемежался с ленточными осадковыми отложениями, вероятно, в этом месте в древности была водомоина. В остальных раскопах слой имеет комковатую структуру с острыми гранями. На границе с нижележащим фиксируется тонкая прослойка промытого песка, образованная вследствие разности второго слоя и подстилающего его. Видимо, территория памятника подвергалась распашке и слой II является старой пашней. Третий слой - гумусированная супесь светло-серого с палевым оттенком цвета. По мере понижения оттенок усиливается. Четвертый слой материковый - суглинок рыже-коричневого цвета.

Как уже отмечалось выше, могильник располагался на южной окраине селища именьковской культуры, поэтому слой памятника состоял из двух стратиграфических горизонтов: подстилающего именьковского и перекрывавшего его собственно могильника. Описание древностей именьковского селища не входит в задачи данной работы, поэтому остановимся на характеристике погребений.

Всего было обнаружено восемь погребений.

Погребение 6 находилось в СЗ части раскопа I. Костяк обнаружен под слоем дерна, на глубине 0,15 м от поверхности. Это погребение взрослого человека, лежащего на груди, головой на СВ, лицом к СЗ. Правая нога была согнута в колене, левая отсутствовала. Правая рука вытянута вдоль туловища и несколько отодвинута от него, кисть сжата в кулак. Левая рука отсутствовала. Сохранность костяка плохая, кости фрагментированы. Вещей при погребенном не было. В засыпи могилы встречались угольки.

Погребение 7 находилось на раскопе II. Погребенный обнаружен под слоем дерна на глубине 0,19 м от поверхности. Погребение представляло собой

плохо сохранившийся костяк маленького ребенка, лежащего на спине, головой на СВ. Вещей при погребенном не было.

Погребение 8 находилось на раскопе II, на глубине 0,42 м от поверхности. Погребенный, взрослый, лежал на спине, головой на СВ, лицом вверх. Ноги были слегка согнуты в коленях и завалились на левую сторону. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте и лежала кистью на тазовых костях. Вещей при погребенном не обнаружено. В засыпи костяка встречались угольки, кальцинированные косточки, мелкие фрагменты костей животного.

Погребение 9 находилось на раскопе II на глубине 0,54 м от поверхности. Представляло собой плохо сохранившийся костяк ребенка, лежащего на спине, головой на СВ, лицом вверх. Плечевые кости рук вытянуты вдоль тела. В области груди находился наконечник ремня, изготовленный из бронзовой пластины шириной 5 мм и толщиной около 0,5 мм, согнутой пополам. Во внутрь была вставлена еще одна пластина. В месте сгиба имеется отверстие. Диаметр отверстия около 1 мм. Общая длина изделия 30 мм. На плоскости сохранились следы органического вещества коричневого цвета (рис.8.2), видимо, кожи. В засыпи костяка обнаружены фрагменты человеческих костей и зубы.

Погребение 10 находилось на раскопе I на глубине 0,5 м от современной поверхности. На глубине 0,3 м над погребением обнаружено несколько небольших камней. Оно представляет собой парное погребение взрослых людей в вытянутом на спине положении, головой на восток, лицом вверх. Предположительно, это костяк мужчины и женщины. Женский костяк находился севернее мужского, по его правую руку, и был частично растащен грызунами. Руки, видимо, были вынятуты вдоль тела, кисть левой руки перекрывалась костью правой руки мужского костяка. Череп слегка развернут на юг, в сторону мужского костяка.

Правая рука мужчины была, видимо, вытянута вдоль тела, левая слегка согнута в локте и лежала кистью на тазовых костях. Между большими берцовыми костями ног лежал осколок бронзового зеркала, изготовленного из округлой пластины диаметром примерно 85 мм (рис.8.4). В области тазовых костей мужчины найдены железный нож (рис.8.5) и сильно коррозированная железная пряжка прямоугольной рамчатой формы без щитка с подвижно закрепленным язычком (рис.8.1). В ногах погребенных лежали ребра и позвонки барана.

Погребение 11 находилось на раскопе I. По слоем дерна была обнаружена наброска из камней. Под слоем камней, на глубине 0,35 м от современной поверхности, находился костяк взрослого человека, лежащий на спине головой на восток, лицом вверх. Правая рука была вытянута вдоль туловища, левая слегка согнута в локте и лежала кистью на тазовых костях. В засыпи погребения встречались угольки и кальцинированные косточки. Вещей не было.

На раскопе I обнаружена наброска камней, вытянутая с СВ на ЮЗ. Камни начинались под слоем дерна и прослеживались на глубину до 0,2 м (0,03-0,23 см от современной поверхности). Под камнями были сложены кости животных:

лопатки и челюсти коровы, позвонки и ребра барана или козы, зубы барана. Засыпка костей имела примесь золы.

Погребение 12 находилось на раскопе IV на глубине 0,66м от современной поверхности. Представляло собой плохо сохранившийся костяк ребенка, лежащего на спине головой на СВ, лицом к С. За затылком стоял сосуд в форме слабопрофилированного горшка, украшенный ямочными вдавлениями по венчику (рис.7.3). В области шеи - бронзовый бубенчик с петелькой для подвешивания (рис.8.6).

Погребение 13 находилось на раскопе IV. Над погребением обнаружена наброска мелких камней, лежащих под слоем дерна. Погребение совершено в нижнем слое погребенной почвы. Очертание могильной ямы фиксировалось слабо, она имела форму овала размером 180х57 см, вытянутого по линии СВ-ЮЗ. В заполнении ямы встречались мелкие камни и угольки. На дне ямы на глубине 0,89м от современной поверхности лежал костяк взрослого человека в вытянутом на спине положении, головой на СВ, лицом вверх. Руки были вытянуты вдоль тела, левая лежала кистью на бедренной кости ноги. В районе черепа обнаружена трехсоставная серьга, состоящая из бронзового кольца в форме вытянутого вертикального овала. На уровне трети высоты кольцо было несомкнуто. Рядом найдены две реберчатые бусины, сделанные из зеленоватой стекловидной массы, покрытые белой краской. Внутри бусин находились бронзовые стерженьки, утолщенные с одного конца (рис.8.3). На тазовых костях лежала сильно коррозированная железная пряжка прямоугольной рамчатой формы с подвижно укрепленным язычком. У юго-западной стенки могилы был положен керамический грузик круглой в плане формы со сквозным отверстием (рис.8.7).

Все погребения могильника, видимо, одновременны, их отличает бедность инвентаря, упрощенность погребального обряда, ориентировка на СВ или В, угольки и кости животных в засыпи костяков. Черты погребального обряда и находка сосудика из погребения 11 позволяют отнести их к новинковскому типу. Бедность могильника и упрощенность обряда по сравнению с подкурганными захоронениями характеризуют социальную неоднородность населения.

Датировать древности Шелехметского грунтового могильника достаточно сложно, обнаруженный там вещевой материал имеет довольно широкий хронологический диапазон. Стратиграфическая ситуация позволяет определить нижнюю дату памятника временем прекращения существования Ош-Пандинского селища. Исход именьковской культуры приходится, по мнению Г.И.Матвеевой, на время не позднее второй половины VII века [2, с.24]. К этому же времени она относит появление памятников типа Новинок [2, с.24]. Культурная принадлежность этих памятников связана с волной кочевого населения болгарского круга. Г.И.Матвеева, А.В.Богачев и ряд других исследователей считают их ранними болгарами и определяют время существования как наиболее раннее в волне болгарской миграции, называя верхней датой существования памятников новинковского типа - первую половину VIII века [2, с.24; 3, с.19, 24, 32].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ключникова Р.М., Матвеева Г.И. Селище Ош-Пандо-Нерь // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985.

2. Матвеева Г.И. Древности Самарского края // Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX в. Книга I/ Под ред. П.С.Кабытова, Л.В.Храмкова. Самара, 1993.

3. Богачев А.В., Зубов С. Брусянский II могильник ранних болгар // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.

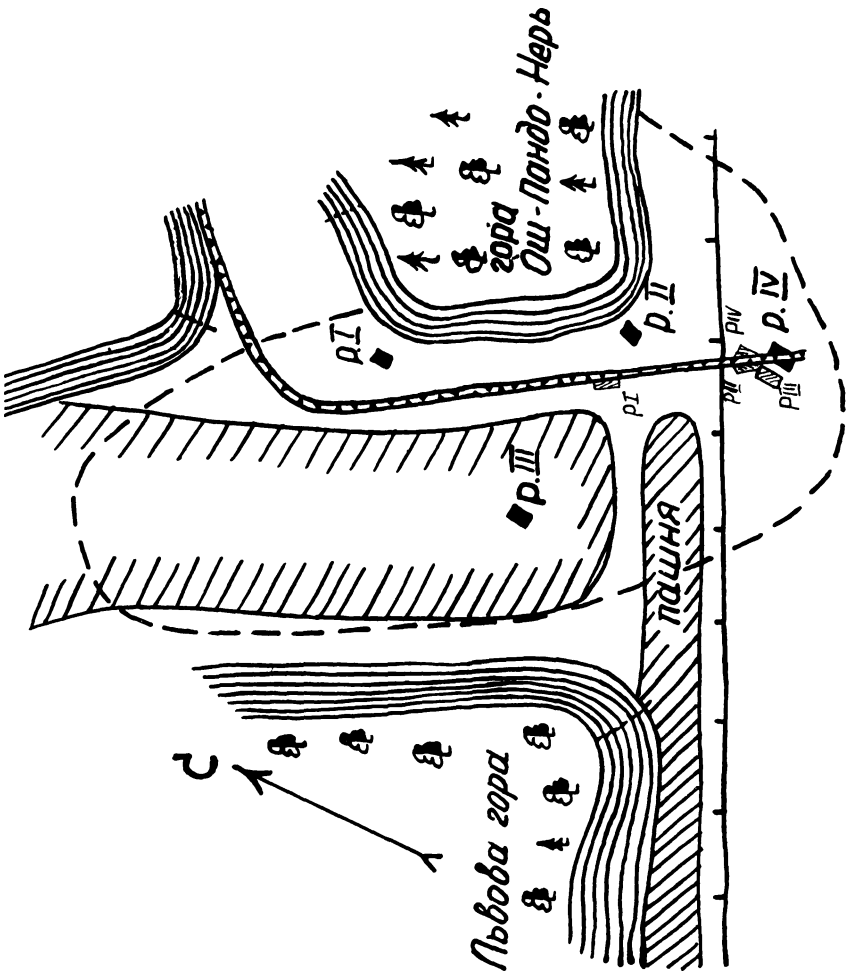


Рис. 1. Селище Ош-Пандо-Нерь II Шелехметский II курганно-грунтовой могильник

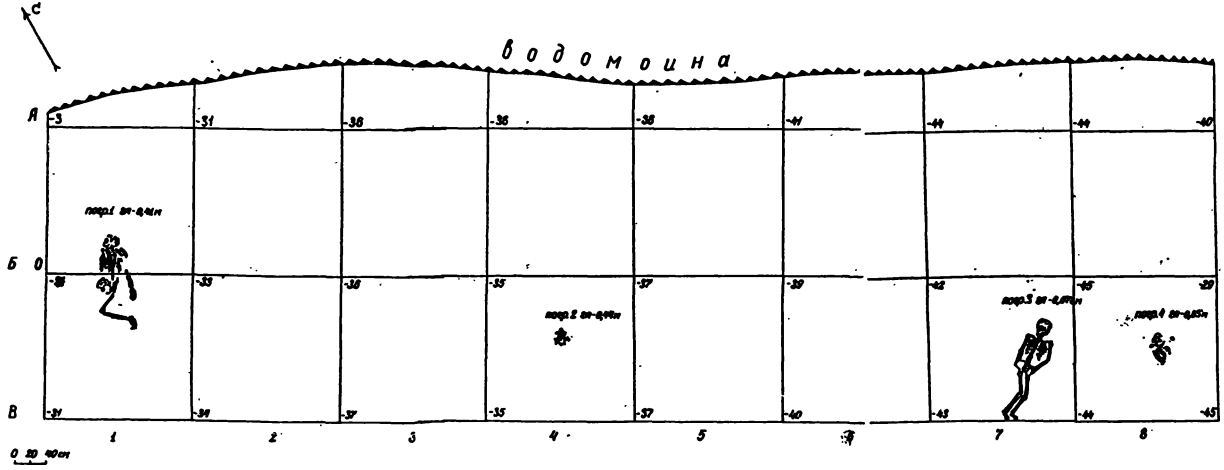


Рис. 2. Курганно-грунтовой могильник Шелехметь II. Раскоп I.
Глубина 0,2-0,9 м от 0

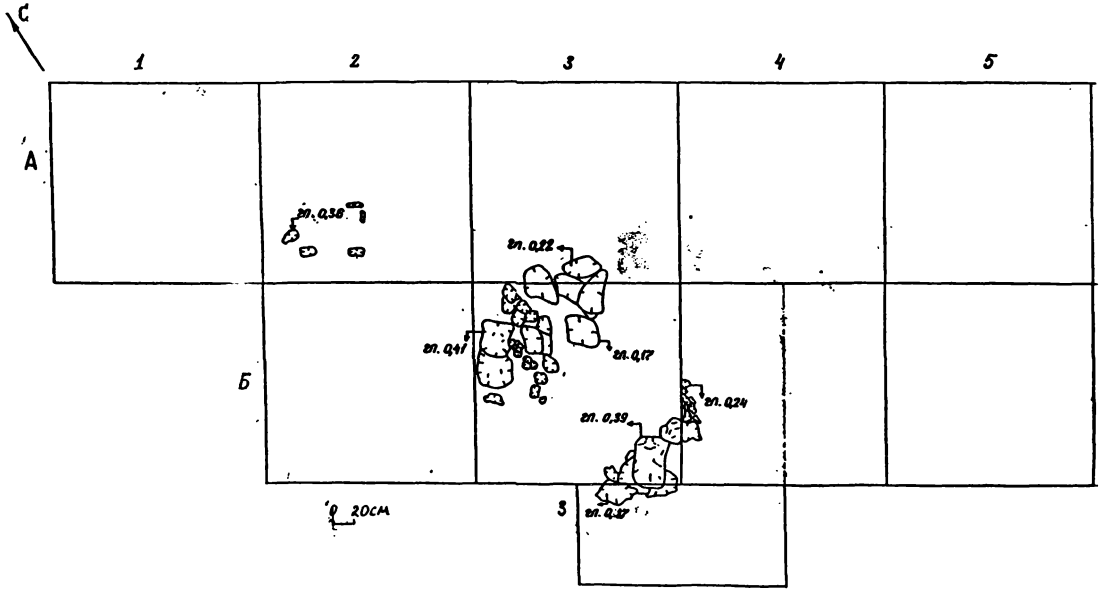


Рис. 3. Курганно-грунтовой могильник Шелехметъ II. Раскоп II. Глубина 0-0,4м

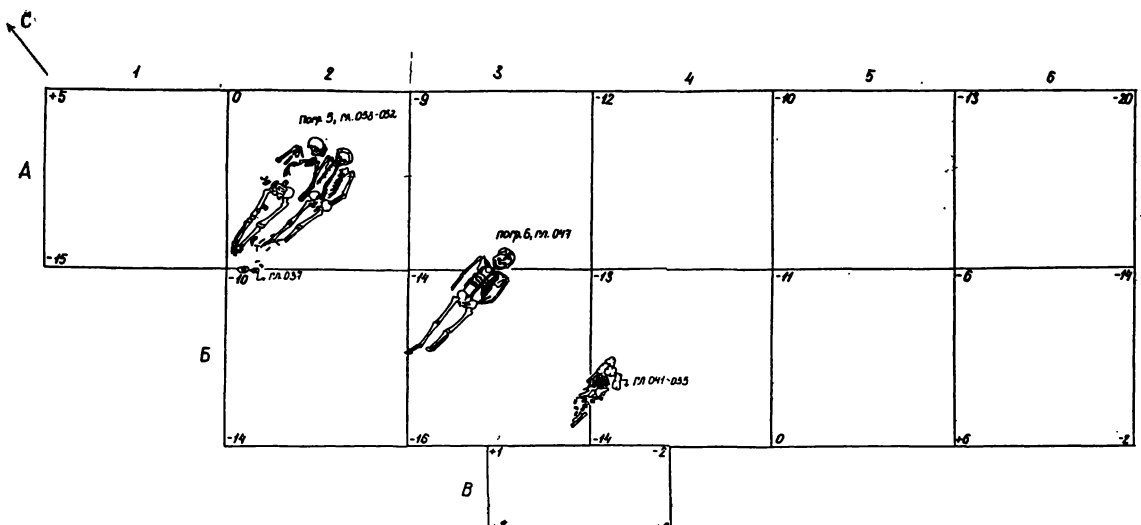


Рис. 4. Курганно-грунтовой могильник Шелехметь II. Раскоп II.
Глубина 0,4-0,6м

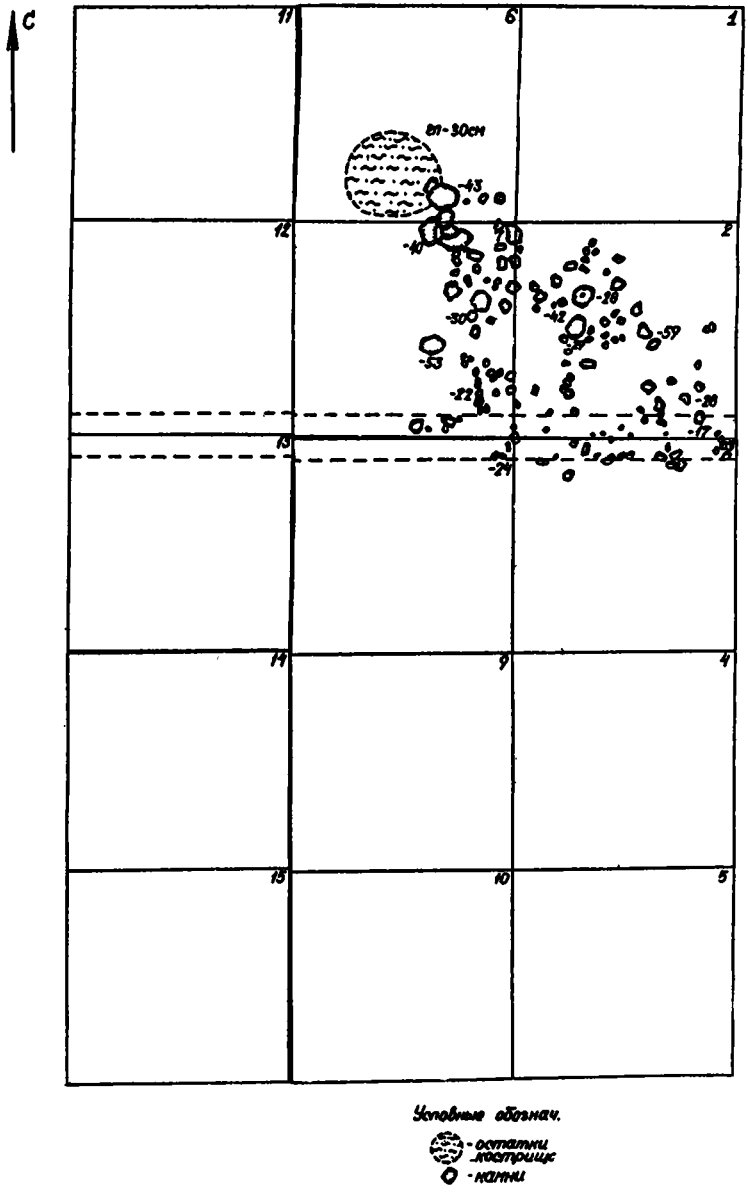


Рис. 5. Грунтовой могильник Шелехметь II. Раскоп III

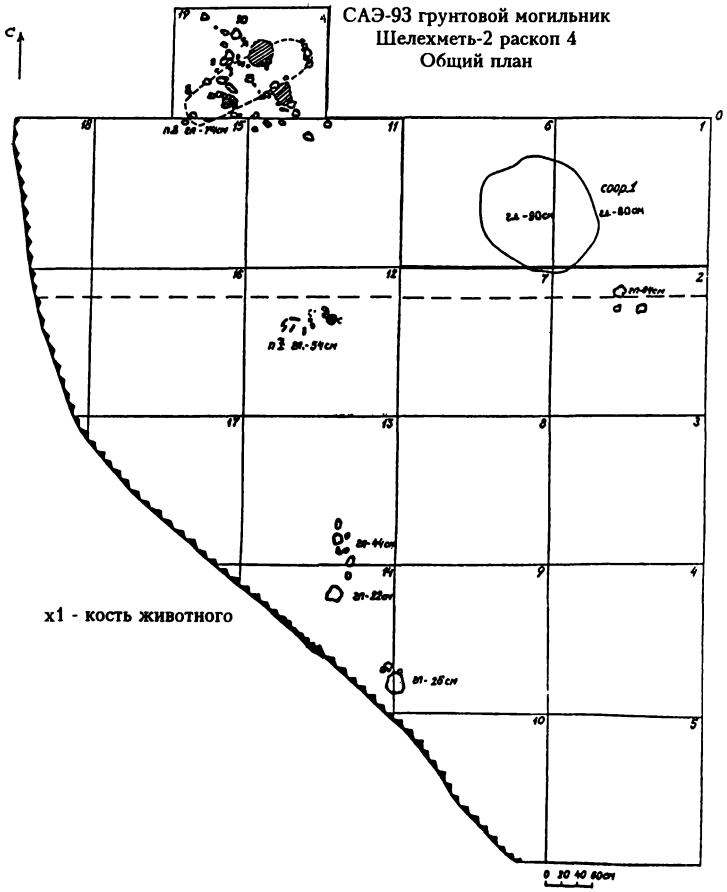
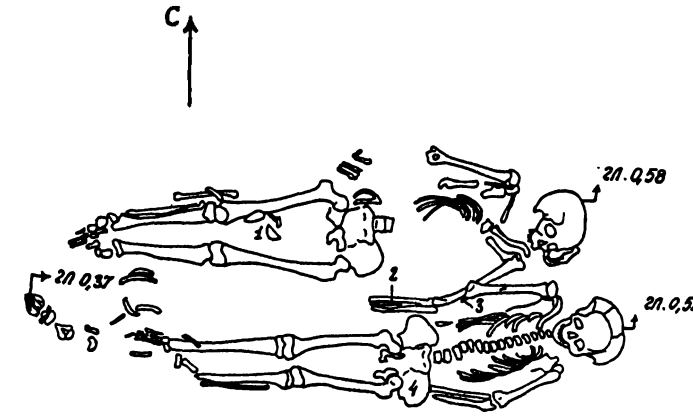
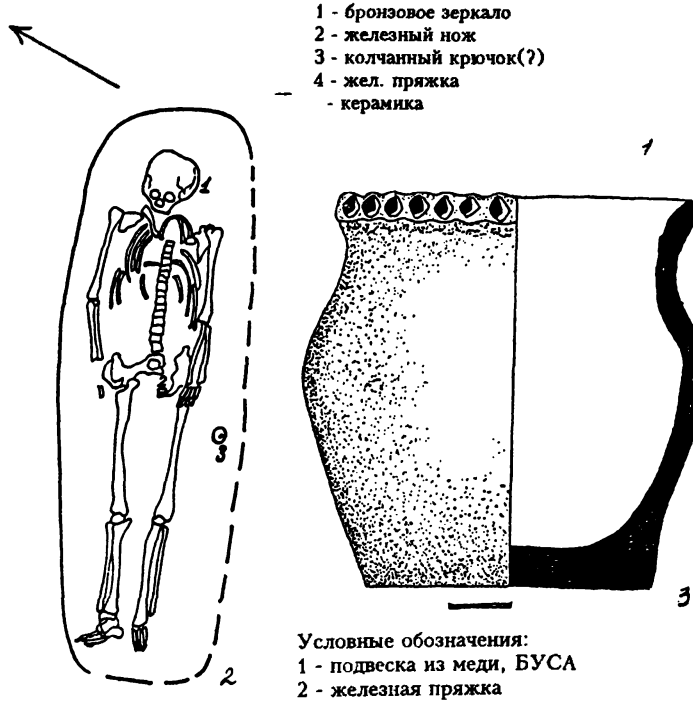


Рис. 6. Грунтовой могильник Шелехметь II. Раскоп IV



Условные обозначения:
1 - бронзовое зеркало
2 - железный нож
3 - колчанный крючок(?)
4 - жел. пряжка
- керамика



Условные обозначения:
1 - подвеска из меди, БУСА
2 - железная пряжка
3 - керамическое грузило

Рис. 7. Грунтовой могильник Шелехметь II: 1 - погр. 5; 2 - погр. 8, 3 - погр. 7

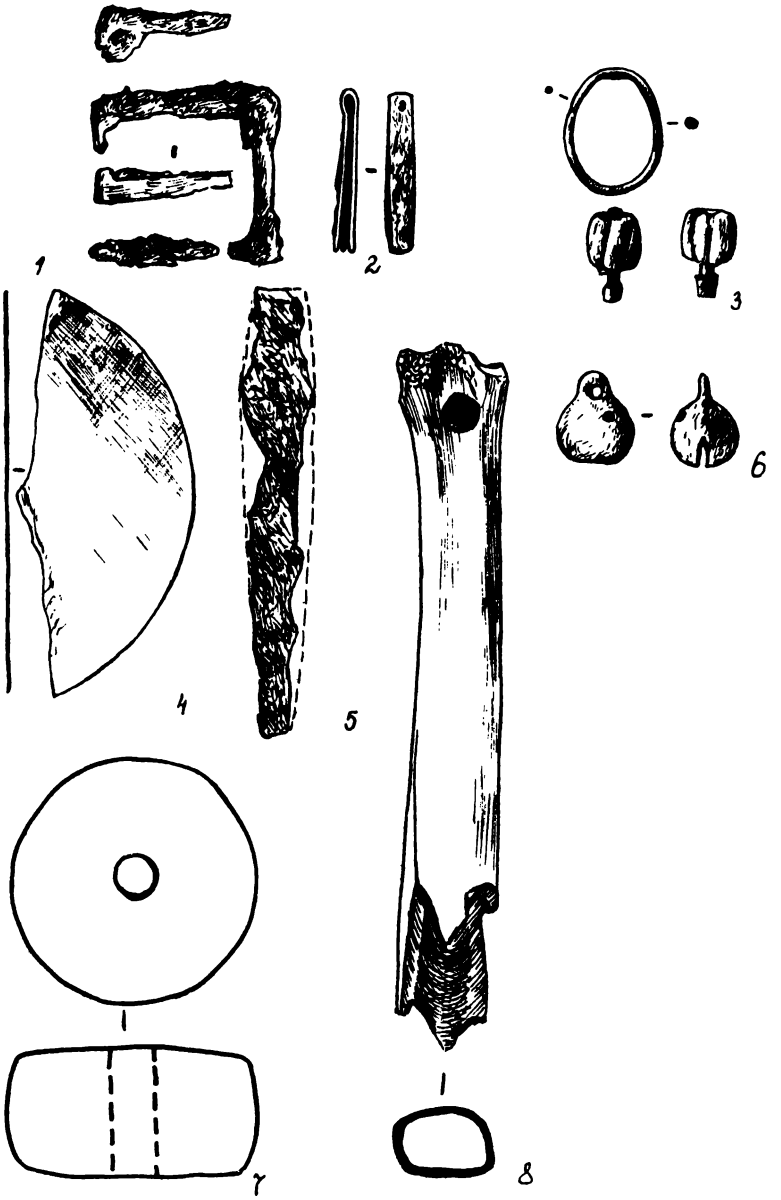


Рис. 8. Грунтовой могильник Шелехметь II: 1,4,5 - погр; 2 - погр. 4; 3,7 - погр. 8, 6 - погр 7

А.В.Богачев, В.Н.Мышкин

(г.Самара)

РАННЕБОЛГАРСКИЙ КУРГАН У с. ОСИНОВКА

В 1993 году археологической экспедицией Самарского педагогического института был исследован один из курганов III курганного могильника у с.Осиновка Ставропольского района Самарской области. Памятник расположен в 2 км к СЗ от северо-западной окраины села на возвышенности и состоит из 7 бессистемно расположенных, распахивающихся курганов, содержащих камни в насыпях (рис.1). Могильник был обнаружен в 1987 году разведочным отрядом под руководством В.И.Пестриковой [1].

Исследованный курган N 7 имел высоту 0,38 м и диаметр 12 м. В результате регулярной распашки каменная насыпь его была разрушена. Остатки ее в виде отдельных скоплений камней сохранились лишь у края южной полы и в северо-западном секторе над могилой. Отдельные камни попадались на всей площади кургана. Все камни залегали на уровне древней поверхности (рис.2.1).

В насыпи кургана были найдены кости животного и фрагмент стенки неорнаментированного лепного сосуда.

Курган был одномогильным. Большая могильная яма (максимальная длина – 3,2 м, ширина – 1,8 м) прямоугольной в плане формы ориентирована длинной осью по линии ВСВ-ЗЮЗ (рис.3). Наибольшая глубина ямы от уровня древней поверхности составляла 1,72 м. Заполнение могилы – гумусированный суглинок серо-черного цвета. В верхнем горизонте заполнения (вплоть до глубины -0,92 м от 0) были камни, которые попали в яму, вероятно, из насыпи. В нижнем слое заполнение состояло из желтой глины с вкраплениями гумуса. Наиболее мощная прослойка глины в заполнении (25-35 см) фиксировалась в северной половине ямы. Могила имела широкую (0,87-1,5 м) ступеньку (высота – 0,2-0,28 от уровня дна) вдоль длинной южной стенки. Таким образом, дно могилы было оформлено в виде углубления (своеобразного "погребального ложа") длиной 3,22 м, шириной – 0,67-0,85 м. В северо-восточном и юго-восточном углах погребения имелись ниши, углубленные в стенки на 0,12 м – первая и 0,3 м – вторая. Дно могилы было покрыто слоем угольков мощностью 0,5-0,7 см.

Человеческие кости (кости рук, ног, позвонки, ребра, лопатки, фрагменты черепа) лежали кучей на ступеньке в юго-западном углу ямы. Среди них было обнаружено несколько железных коррозированных предметов, обломок изделия из обработанной кости (рис.4.6), срединные лучные костяные накладки (рис.4.1) и серебряный наконечник пояса (рис.4.12). Наконечник пояса состоит из двух литых щитков (квадратного и полуовального), скрепленных между собой при помощи петель-шарниров и проходящего через них металлического стерженька. Обе пластины украшены литым ажурным спиралевидным орнаментом. В четырех

углах квадратного щитка проделаны отверстия, в которые вставлялись штырьки, закреплявшие наконечник на ремне.

На ступеньке в юго-восточном углу могилы, частично в небольшой нише, лежала задняя часть скелета лошади. Лошадиная туша, судя по расположению костей, была положена на брюхо с подогнутыми ногами. В непосредственной близости от костей левой задней ноги коня были найдены три костяные трапецевидные путовые пряжки (рис.4.13). В районе лошадиных ребер у стенки могилы обнаружены пряжка и обойма (рис.4.10-11). Обе вещи изготовлены из железа и сильно коррозированы, в силу чего многие детали их формы не совсем ясны. Пряжка была изготовлена из округлого в сечении прута (d=8 мм), изогнутого в виде арки, разомкнутая сторона которой соединялась прямым железным штырем. На второй железный штырь, разделяющий рамку пряжки на две части, накидывался подвижный язычок.

На дне ямы, в западной ее части, в непотревоженном состоянии лежали кости человеческих стоп. Судя по их положению, погребенный был положен на спину головой на ВСВ. Рядом со стопами был найден железный нож (рис.4.8). В средней части могилы у ее северной стенки лежали тазовая кость и фрагмент черепной крышки человека. Южнее находились концевые лучные накладки (рис.4.2) из кости, каменный брусковидный оселок (рис.4.7), кусок кремня, обломок каменного предмета неясного назначения и сильно коррозированный железный предмет с несколькими бронзовыми деталями из его оформления. Здесь же стоял бронзовый стакановидный предмет (рис.4.5) с сохранившимися на внешней стороне его придонной части кусочками кожи (остатки чехла или мешочка?). Предмет этот изготовлен из прямоугольного листа бронзы, свернутого в цилиндр. Места взаимоналожения концов листа скреплены бронзовыми скобами. Стенки нижнего края цилиндра, слегка отогнутые наружу, образовывали закраину. Бронзовый лист дна стакановидного предмета был приложен к концу цилиндра, а края его загнуты таким образом, что плотно зажимают закраину цилиндра. Толщина бронзовых листов стакана составляла 1 мм.

В северо-восточном углу погребальной камеры, наполовину в нише стоял сероглиняный гончарный кувшин (рис.2.2). Сосуд изготовлен из опесоченной глины с примесью органики. Тулово его приплюснутое (наибольшее его расширение приходится на нижнюю треть), дно плоское, высокое горло имело отогнутый наружу венчик и четко выраженный носик-слив. Округлая в сечении ручка кувшина была украшена ложбинками. Поверхность изделия залощена, а в верхней и средней частях тулова находились две пары горизонтальных желобков. Основание горловины также украшено желобками, зона между которыми заполнена полосой вертикальных насечек.

В 0,3 м западнее кувшина лежал предмет, являвшийся, по всей видимости, горлышком бурдюка. Он был изготовлен из рога лося, поверхность его и изнутри, и снаружи была тщательно отполирована (рис.4.3). В непосредственной близости от него найдены четыре бронзовых скобки, изготовленные из подпрямоугольной в сечении проволоки (рис.4.9).

ДАТИРОВКА КОМПЛЕКСА

Ряд вещей из Осиновского кургана имеет достаточно широкий круг аналогий в материальной культуре раннесредневекового населения Евразии. Причем, одни из них датируются достаточно широко – VI-Хвв., другие позволяют сузить эту дату до второй половины VII - третьей четверти VIIIвв.

Срединные и концевые накладки на сложносоставной лук, так называемого "гуннского" ("тюркского") типа, достаточно широко представлены в культурах тюркского населения VI-X вв. Сибири, Тувы, Казахстана и Саяно-Алтая: Кудыргэ [2, табл.XXXI, 8, 11], Курай IV [2, табл.XXXI, 44], Узунтал [3, рис. 3, 3, 5, 10-12], Кокэль [4, рис.19, 60, 61], Бобровский могильник [4, рис.20, 42], погребение в Чуйской долине [4, рис.20, 42], Орловка [4,рис.26, 35], Сростки I [4, рис.27, 33], Бай-Даг [4, рис.30, 48], Успенская [4, рис.30, 84], Терен-Хол [5, рис.77]. На территории европейской части России подобного рода накладки встречены в материалах середины VIII-IXвв. салтово-маяцкой культуры (Маяцкий [6, рис.16, 3-5, 19, 8-13] и Дмитровский могильники [7, рис.32], погребение на Маяцком селище [8, рис.22, 1-8]), в кушнаренковско-караякуповских памятниках VIIв. Башкирии (Маняк I [9, рис.3, 14, 15, 18], Ново-Биккинский курган [9, рис.8, 26, 29, 32, 34, 35]), а также в степных подкурганных хазарских (?) захоронениях второй половины VII IXвв. юга Восточной Европы (Авиловский [10, рис.44, 1], Новоаксайский [11, рис.2, 7, 14, 19], Чиковский [11, рис.2, 8-9] могильники, комплекс у с.Портовое [12, с.199-201]. Единичные находки костяных лучных накладок известны в материалах второй половины VIII первой половины IXв. поломской культуры Прикамья [13, табл.XIX, 18, 19] и в древностях второй половины VIв. коренного населения Абхазии [14, рис.1, 29-31]. Ближайшие, в территориальном и хронологическом отношении, аналогии накладкам происходят из раннеболгарских подкурганных погребений второй половины VII-VIIIвв. Среднего Поволжья: Брусяны II (раскопки А.В.Богачева 1991г.), Новинки (раскопки Г.И.Матвеевой 1981г.), Золотая Нива [15, рис.4, 5-14].

Путовые костяные пряжки у тюрок Саяно-Алтая известны в материальной культуре кудыргинского – VI-VIIвв. [2, табл. XXXI, 25], катандинского VII-VIIIвв. [2, табл.XXXI, 69; 3, рис.4, 5; 4, рис.19, 66-67] и сросткинского – VIII-IXвв. [2, табл.XXXI, 69] этапов их эволюции. Такие же пряжки найдены в сибирских древностях IX-Хвв. кимаков и карлуков [4, рис.26, 16], а также в материалах салтово-маяцкой культуры VIII-Хвв. [4, рис.36, 39-40].

Костяные горлышки от бурдюков известны в древностях салтово-маяцкой культуры VIII-Хвв. К настоящему времени найдено 15 экземпляров этого рода изделий из кости [16, с.89]. Однако, горлышек с тремя "носиками", аналогичных нашему, встречено немного [16, рис. 7, 37; 17, рис.42, 10; 18, рис.6].

Бараньи бабки у населения салтово-маяцкой культуры использовались, как правило, как изделия для игры [19, рис.7].

Железные рамчатые пряжки, подобные пряжке из Осиновского кургана, найдены на памятниках салтово-маяцкой культуры [4, рис.36, 36], в материалах

культуры чаатас (утинский этап - VI-VIIвв.) в Хакасско-минусинской котловине [4, рис.28, 34], в Новинковском могильнике конца VII-VIIIвв. на Самарской Луке (раскопки Г.И.Матвеевой). В погребальных комплексах тюрок Саяно-Алтая [2, табл. XXXI, 52; 3, рис.4, 2-4; 4, рис.19, 75], согласно периодизации А.А.Гавриловой, такие пряжки являются характерными для памятников катандинской эпохи VII-VIIIвв. [2, табл.XXXI, 52].

Двусоставные шарнирные наконечники поясов в материалах средневековых комплексов Евразии явление достаточно редкое. Известные наконечники достаточно индивидуальны. Вместе с тем, все эти изделия объединяет то, что они: 1) литые, 2) две их части скреплены при помощи шарнирного соединения, 3) украшены растительным или спиралевидным литым орнаментом. Совокупность всех этих признаков является определяющей для изделий поясной гарнитуры брусянского этапа (конец VII первая половина VIIIвв.) эволюции средневолжских поясов [20, рис.29]. Этой дате не противоречат находки такого рода наконечников в погребениях неволинской стадии (конец VII-VIIIвв.) неволинской культуры Прикамья [21, табл.XXXV, 18-22], в слоях середины и третьей четверти VIII в. Пенджикента [22, рис.5, 18-19] и в Новинковском могильнике конца VII-VIIIвв. (раскопки Г.И.Матвеевой).

Определяя время возведения Осиновского кургана рамками второй половины VII - третьей четверти VIIIвв., мы ориентировались прежде всего на относительно узкие даты поясных принадлежностей, которые для эпохи раннего средневековья являются одними из наиболее устойчивых хронологических индикаторов.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КОМПЛЕКСА

Территориально, хронологически и типологически курган у с.Осиновка близок раннеболгарским курганным могильникам Самарской Луки: Брусянскому II [23], Мало-Рязанскому [24], Рождественскому III [25], Новинковскому [26].

Все эти памятники характеризуются рядом общих черт: курганный обряд захоронения; наличие камней в насыпях курганов; кости животных (в частности – лошади) в насыпях курганов; наличие керамики (в частности – целых сосудов) в насыпях курганов; форма и конструктивные особенности могильных ям (с учетом социальных, поло-возрастных и хронологических групп погребенных на каждом из могильников); положение и ориентировка костяков (с учетом названных особенностей погребенных); наличие следов огня в ряде могил; состав погребального инвентаря и прочие.

Вместе с тем, в Осиновском комплексе присутствовал новый признак, не известный ранее на названных могильниках Самарской Луки, – наличие в могиле целой туши коня, лежащей на длинной южной ступене погребальной камеры, ориентированной в сторону, противоположную ориентации человеческого скелета.

В раннеболгарских курганах (без камней в насыпях) Среднего Поволжья были найдены конские черепа и конечности – Урень II [27], а также целые туши лошадей – Брусяны III (раскопки А.В.Богачева 1991г.).

Как известно, кочевническое раннеболгарское население в регионе Среднего Поволжья было пришлым. Помимо специфических элементов бытовой материальной культуры (в частности – кувшинов "салтовского" типа, подобных найденному в Осиновском кургане), ранние болгары "привнесли" и свои погребальные обычаи, не отличающиеся единообразием, что могло быть обусловлено этническими различиями входивших в раннеболгарский союз племен. Нам представляется, что истоки погребального обряда Осиновского комплекса следует искать в среде тюркоязычных кочевников Евразии.

В степях Восточной Европы погребений VII – первой половины VIIIвв. с конем немного. Интересная подборка таковых была опубликована А.И.Айбабиным [12]. Тюркское (хазарское?) захоронение второй половины VII в. близ с.Портовое [12, рис.9] по многим признакам погребального обряда коррелируется с Осиновским. Однако основная масса раскопанных погребений с конем этого времени происходит из Сибири. В частности, алтайские погребения катандинского типа из Узунтальской долины (кург. 3, 6) типологически и хронологически (VII-VIIIвв.) наиболее близки Осиновскому кургану [3, с.104-112]. Обряд же кургана 5 алтайского могильника Катанда II [2, с.61] фактически идентичен Осиновскому. А.А.Гаврилова считает погребение из кургана 5 могильника Катанда II наиболее ранней могилой катандинского типа с элементами, близкими к кудыргинским [2, с.61].

Гипотезе об алтайско-тюркских корнях Осиновского погребения не противоречит и содержащийся в нем инвентарь, основная масса аналогий которому также находится в сибирских древностях (см. выше).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пестрикова В.И. Отчет об археологических разведках на территории национального парка "Самарская Лука" в 1987 году // Архив ИЭКА "Поволжье"

2. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.: Наука, 1965.

3. Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу от выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982.

4. Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. М.: Наука, 1981.

5. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. Новосибирск: Наука, 1982.

6. Флеров В.С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. М.: Наука, 1984.

7. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989.

8. Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культовые комплексы Маяцкого селища. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1991.

9. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII - XII вв. М.: Наука, 1981.

10. Максимов Е.К. Позднейшие сармато-аланские погребения V-VIIIвв. на территории Нижнего Поволжья // Археологический сборник. Саратов: Изд-во "Коммунист", 1956.

11. Круглов Е.В. Хазарские погребения на р.Аксай // Древности Волго-Донских степей. Волгоград: Изд-во "Перемена", 1992.

12. Айбабин А.И. Погребение хазарского воина // СА. 1985. N 3.

13. Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1980.

14.Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV-VIIвв. // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. М.: Наука, 1982.

15.Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Куйбышев: КГПИ, 1979.

16.Савченко Е.И. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Вып.I. М.: Наука, 1986.

17.Плетнева С.А. От кочевий к городам. М.: Наука, 1967.

18.Плетнева С.А. Подгоровский могильник // СА. 1962. N 3.

19.Красильников К.И. Изделия из кости салтовской культуры // СА. 1979. N 2.

20.Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования. Самара, 1992.

21.Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990.

22.Распопова В.И. Основания для датировки металлических изделий из Пенджикента // КСИА. 1979. Вып. 158.

23.Богачев А.В., Зубов С.Э. Брусянский II могильник ранних болгар // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.

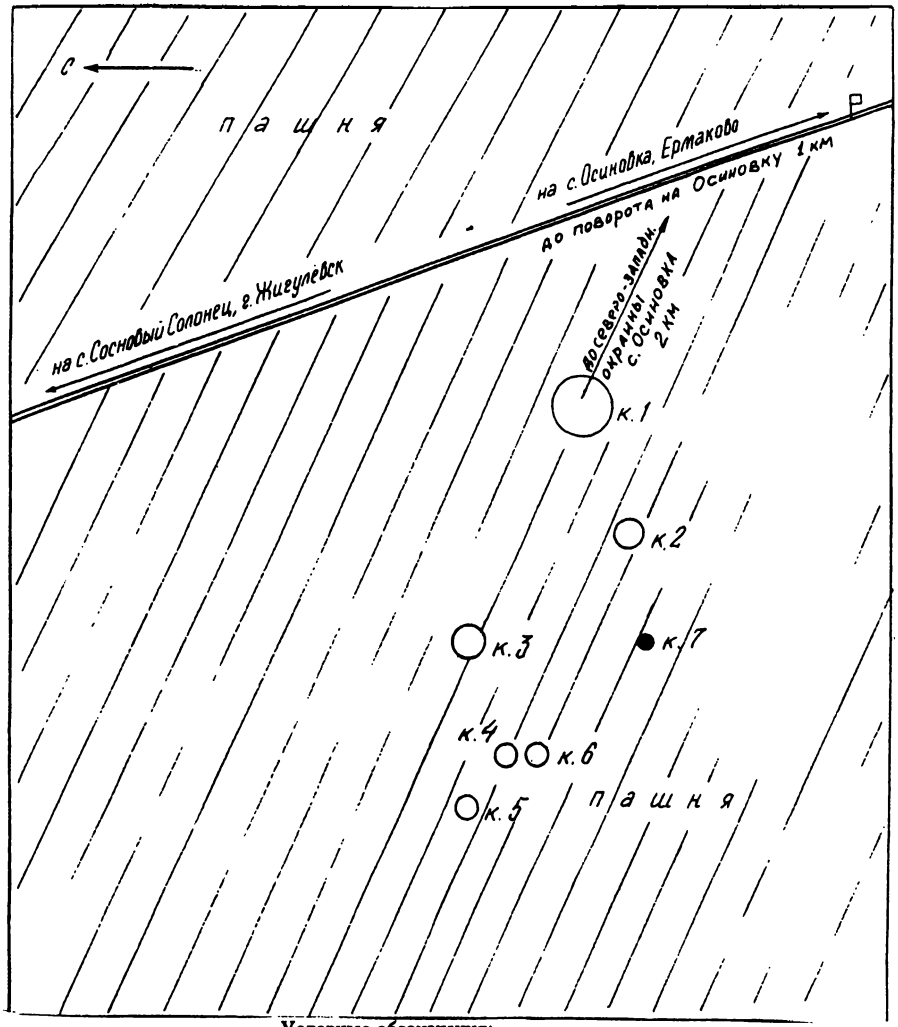
24.Богачев А.В., Зубов С.Э. Новый могильник эпохи переселения народов на Средней Волге // Congressus septimus internationalis Fenno-Ugristarum. Sessiones sectionum. Debrecen, 1990.

25.Рутто Н.Г. Рождественский III курганный могильник // Самарская Лука в древности. Куйбышев: Куйб. кн. изд-во, 1975.

26.Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Куйб. кн. изд-во, 1986.

27.Багаутдинов Р.С., Набоков А.В. Новые материалы о погребальном обряде ранних болгар на Волге // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.

ПЛАНИГРАФИЯ III ОСИНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА



Условные обозначения:

– шоссе

Р – километровый указатель "4/6 км

– курган, исследованный в 1993г.

пашня

Рис. 1. III Осиновский курганный могильник

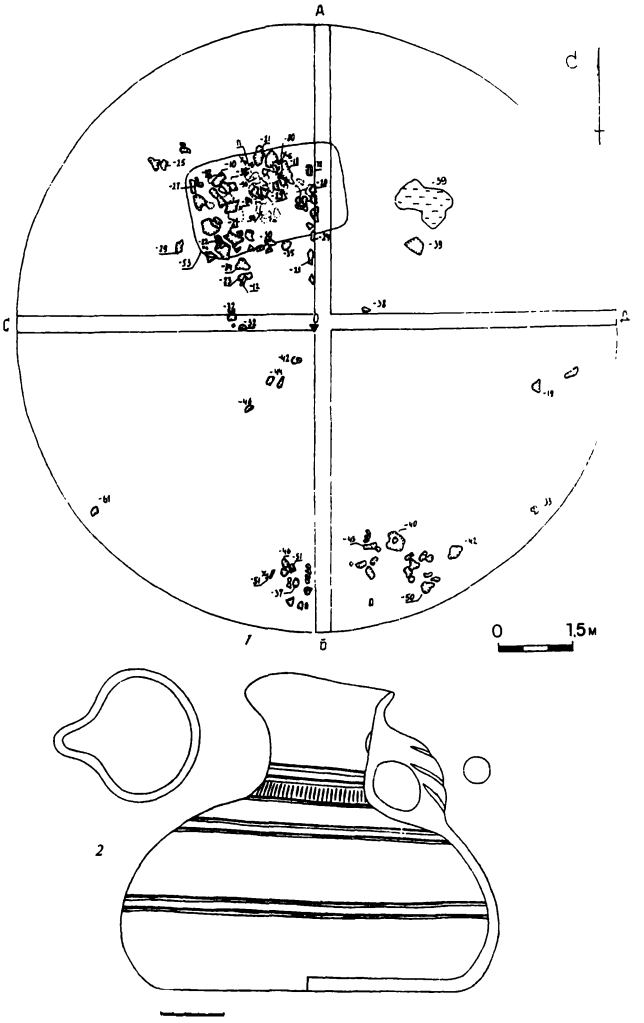
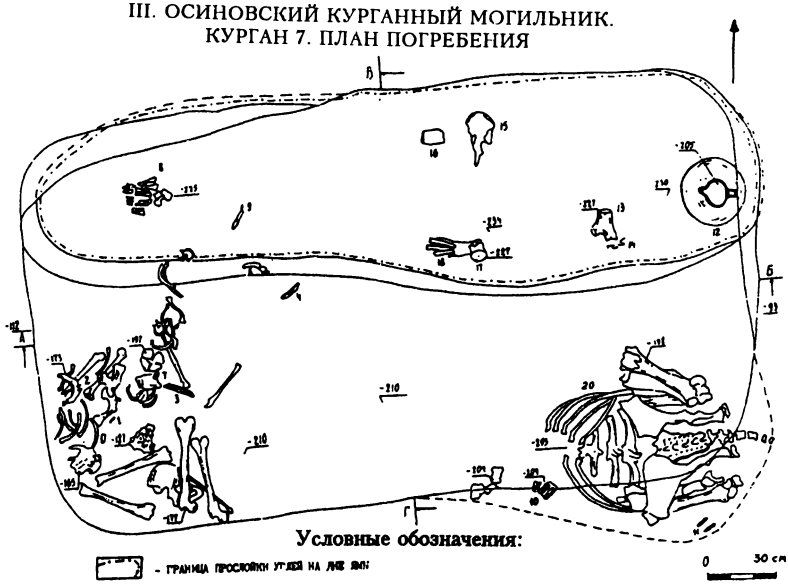


Рис. 2. Осиновский III курганный могильник. Курган 2: 1 - план кургана, 2 - сосуд из погребения

III. ОСИНОВСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК.
КУРГАН 7. ПЛАН ПОГРЕБЕНИЯ



Граница прослойки углей на дне ямы

1-2 - фрагменты железных предметов, 3-4 костяные лучные накладки, 5 - фрагм. железного предмета, 6 - костяной предмет, 7 - серебряная поясная накладка, 8 - кости стоп человека, 9 - жел. нож, 10 - жел. пряжка и обойма, 11 - костяные путовые пряжки, 12 - глиняный кувшин, 13 - изделие из рога лося, 14 - бронзовые скобки, 15 - тазовая кость человека, 16 - фрагм. черепн. крышки человека, 17 - бронзовый стакан, 18 - оселок, кусок кремня, бабка барана, красный минерал, костяные концевые лучные накладки, железное изделие, 19 - задняя половина скелета лошади

РАЗРЕЗ МОГИЛЬНОЙ ЯМЫ ПО ЛИНИИ Г-В

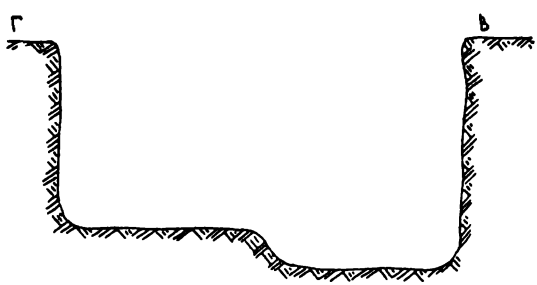


Рис. 3. Осиновский III курганный могильник. Курган 7.
План и разрез погребения

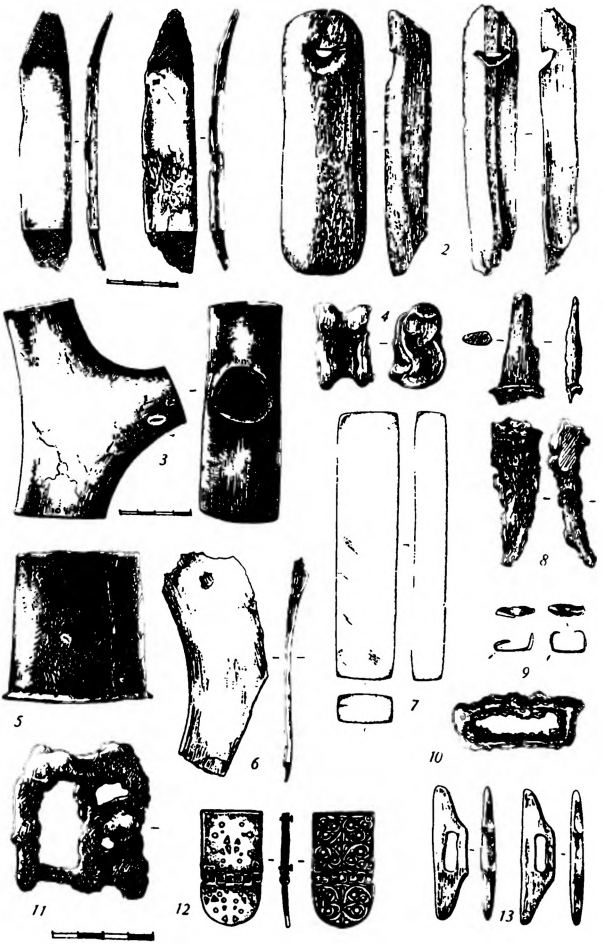


Рис. 4. Осиновский III курганный могильник. Вещи из погребения в кургане 7 (1-4,6,13 кость, 5-9 бронза; 7 камень, 8,10,11 железо, 12 - серебро

И.Н.Васильева

(г.Самара)

К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИИ КЕРАМИКИ I НОВИНКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В средневековой археологии Поволжья одной из самых актуальных и сложных является проблема формирования населения региона в период, предшествовавший образованию Волжской Болгарии и получивший в археологической литературе название "раннеболгарский" Особенность изучения данного периода состоит в его относительной кратковременности: если исследование археологических памятников X-XIVвв. и обсуждение проблем археологии и истории Волжской Болгарии продолжается уже в течение двух столетий, то открытие памятников ранних болгар произошло только в начале 50-х годов XX в. Существование подобных памятников до этого предполагалось лишь гипотетически[1]. После выявления материалов данного времени последовательно шел процесс накопления и расширения источниковой базы, связанной с раннеболгарской проблематикой. Важнейшим открытием последнего десятилетия было обнаружение памятников "новинковского" типа, которые датируются авторами раскопок концом VII первой половиной VIIIвв.[2] и следовательно являются более ранними по отношению к известным материалам Больше-Тарханского могильника второй половины VIII-IXвв.[3]. В настоящее время новинковская группа является наиболее ранней в Восточной Европе среди всей совокупности раннеболгарских памятников и связывается исследователями с "первой волной" болгар, пришедших в Поволжье с юго-запада[4].

Представляется, что конкретизация исходной территории и этнокультурная характеристика населения, оставившего могильники новинковского типа, должны быть результатом всестороннего и тщательного анализа всех видов источников по данной проблематике.

Предлагаемая работа посвящена результатам изучения технологии изготовления глиняной посуды, обнаруженной в погребениях кургана N 9 Новинковского I могильника, материалы которого были предоставлены автором раскопок Д.А.Сташенковым. С его разрешения сосуды были подвергнуты технико-технологическому анализу по всем ступеням гончарного производства, доступным для исследования на современном уровне разработки методики, в том числе и по ступеням конструирования сосудов. К сожалению, у нас пока отсутствует методика изучения приемов конструирования посуды без ее разрушения. Поэтому керамика II Новинковского, Больше-Тарханского, Танкеевского и других могильников, находящаяся в музейном хранении и привлекаемая нами для сравнительного анализа, изучена в основном на уровне приспособительных навыков труда (отбор исходного сырья, составление формовочных масс, обработка поверхностей).

Микроскопическому исследованию было подвергнуто девять сосудов кургана N 9 I Новинковского могильника, расположенного рядом со II Новинковским могильником (раскопки Г.И.Матвеевой и В.Н.Зудиной) у с.Новинки на Самарской Луке. Сосуды происходят из погребений NN 3, 4, 5, 7, 9, 10, 12 и один из разрушенной обрывом части кургана. Восемь сосудов горшковидной плоскодонной формы с насечками по краю венчика, а один сосуд представляет собой кувшин со сливом. Их поверхность имеет светло-коричневый, буроватый, иногда с темными пятнами, цвет. В изломе черепок трехцветен: в середине видна черная прослойка. Все сосуды изготовлены без помощи гончарного круга. Внутренняя поверхность горшков частично покрыта слоем нагара сажисто-черного цвета.

Вся информация о технологии глиняной посуды кургана N 9 представлена в таблице 1. Данная таблица сделана с целью получения характеристики каждого отдельного сосуда и удобства сравнения их между собой. Для этого сгруппированы и обозначены цифровыми символами исходные данные, полученные в результате микроскопического анализа, по определенным ступеням гончарного производства и некоторым морфологическим признакам:

I. Отбор исходного сырья:

1 – высокопластичная ожелезненная глина, в которой практически отсутствует видимый под бинокулярным микроскопом естественный песок;

2 – пластичная ожелезненная глина с незначительным содержанием песка (менее 30%);

3 – среднепластичная ожелезненная глина с мелким песком, количество которого несколько превышает 30%.

II. Рецепты формовочных масс:

1 – Ш+О (шамот размером 1-4 мм в концентрации 1:4, т.е. на 4 части глины 1 часть шамота. Органика навоз жвачных животных, условно – в среднем количестве);

2 – Ш+О (шамот размером 1-4 мм в концентрации 1:3, органика – навоз жвачных животных в среднем количестве);

3 – Ш+О (шамот размером в основном 1-2 мм, отдельные включения достигают 3 мм, в концентрации 1:4-5; органика – навоз жвачных животных в большом количестве);

4 – Ш+О (шамот размером 1-6 мм в концентрации 1:3, органика в среднем количестве);

5 – Ш+О (шамот размером 0,5-1 мм в концентрации 1:3, органика в среднем количестве).

* – этим знаком обозначены факты присутствия в шамоте, кроме шамота и органики, зерен песка, мелкого кварцевого, окатанного, в значительной концентрации.

III. Конструирование начина и полого тела, формообразование:

1 – начин полный, донно-емкостный, выполненный спиралевидным лоскутным налепом на форме-основе, по-видимому, с кожаной прокладкой (рис.1.1).

2 – начин донный, выполненный спиральным налепом, с выбиванием. Полое тело изготовлено на плоскости, на основе сделанного начина, спиральным налепом из коротких жгутов (длиной 7-8 см). Формообразование связано со скульптурной лепкой на плоскости (рис.1. 2).

3 – начин неполный, донно-емкостный, выполненный спиралевидным лоскутным налепом на форме-основе, возможно с кожаной прокладкой. Начин небольших сосудов достигал уровня "плечиков", у сосуда средних размеров - до середины тулова. Конструирование полого тела производилось следующим образом: начин снимался с модели и ставился дном на плоскость, после чего шло наращивание лоскутов по спиральной траектории до необходимой высоты. Таким образом, конструирование полого тела и дальнейшее формообразование происходило в рамках скульптурной лепки на плоскости (рис.1.3).

IV. Следы на внешней поверхности днищ сосудов:

1 – обстругивание твердым предметом поверхности днища посредством прямолинейного движения рук;

2 – заглаживание мягким материалом (кожей) посредством круговых движений рук;

3 – незаглаженные днища со следами подсыпки золы.

V. Техника нанесения орнамента по краю венчика:

1 – "насечки" – имитация защипов, нанесенных кончиками пальцев. Орнамент наносился деревянным орудием в виде ножа с округлым или уплощенным острием (рис.1.4)

2 – "нарезки" – наносились тонким краем деревянного орудия в виде наклонных, параллельных друг другу прямых линий или таких же линий, соединенных друг с другом в виде углов (рис.1.5).

Таблица 1. Результаты изучения технологии изготовления сосудов из кургана 9 Новинковского I курганного могильника

№	№ погр.	ИС	ФМ	К	Следы на днищах	Орнамент
1	12	1	2	1	1	1
2	7	1	2*	3	3	2
3	4	3	1	3	3	1
4	3	2	3	3	2	2
5	10	1	1*	2	2	1
6	п/м	3	4*	3	3	1
7	7	1	1	3	3	1
8	5	2	3	2	3	1
9		3	5	3?	3	-

ИС – исходное сырье; ФМ – формовочные массы; К – конструирование; погр. – погребение; п/м – подъемный материал.

Таблица показывает, что в исследуемом материале нет даже пары совершенно идентичных сосудов. Объяснение этого факта можно видеть, во-

первых, в небольшом объеме выборки сосудов, а во-вторых, в отсутствии стандартизации в гончарном производстве населения новинковской группы, что является признаком доремесленной формы организации гончарства. Определенные взаимосвязи начнут выявляться, если мы перейдем со столь дробной ступени учета информации к более общей. Общую характеристику гончарной технологии населения, оставившего I Новинковский могильник, следует начать с субстратных, очень консервативных навыков труда, к которым относятся приемы конструирования начина, полого тела и формообразования. Наше исследование выявило три группы традиций конструирования: две условно несмешанные и одну смешанную.

I группа характеризуется использованием форм-основ и лоскутного налепа. Сосуд изготавливался полностью на модели-основе по донно-емкостной программе, и только после снятия с модели оформлялся край сосуда – путем сжатия шейки сосуда, выдавливания края венчика и вертикального обстругивания внешней поверхности шейки сосуда. Следы основы или прокладки из кожи с гладкой поверхностью фиксируются внутри сосудов в виде вертикальных складок и морщин на участках, незаглаженных во время обработки поверхностей. Предварительное заглаживание внешней поверхности сосудов производилось еще на основе: деревянным орудием обстругивались днище и стенки посредством прямолинейных движений, что придавало дну и стенкам угловатые очертания. Окончательная обработка поверхностей происходила после снятия с модели: куском смоченной кожи поверхность сосуда изнутри и снаружи заглаживалась горизонтально или наклонно по отношению к днищу. В соответствии с описанной технологией сделан один сосуд из погребения N 12, который выделяется из общей массы сосудов также еще своими малыми размерами: высота 7 см, диаметр венчика – 6 см.

II группа традиций конструирования и формообразования связана с приемами скульптурной лепки на плоскости. Вначале спиральным налепом из лоскутов или коротких жгутов (характер строительных элементов, из которых сделаны днища, не поддается различению) изготавливались днища, после чего они выбивались кулаком, о чем свидетельствуют такие факты, как неровности внутренней поверхности днищ, характер спаев строительных элементов и меньшая толщина днищ, сделанных по данной технологии, – 6-8 см, в отличие от других – 10-12 см. На основе донного начина конструировалось полое тело посредством спирального налепа из коротких жгутов длиной 7-8 см. Формообразование совмещалось с конструированием, горловины сосудов слегка выдавливались, а венчик отгибался наружу. Внешняя поверхность придонной части сосудов подвергалась обстругиванию деревянным ножом в виде вертикальных мазков, а затем заглаживанию кожей посредством круговых движений руки. Внутренняя поверхность сосудов заглаживалась куском кожи, смоченным в воде, вертикально и наклонно. По данной технологии сделано два сосуда: из погребения 5 и 10. Интересно, что днище сосуда из погребения N 5 имеет следы подсыпки золы, т.е. оно не подвергалось заглаживанию, что характерно для конструирования на плоскости. Днище же сосуда из погребения

N 10 заглажено, как у сосуда из погребения N 12, однако не ножом, а кожей, т.е. во время окончательной обработки поверхностей.

III группа приемов конструирования и формообразования имеет признаки смешения: начин конструировался лоскутным налепом на модели-основе, как в первой группе, а полое тело наращивалось спиралевидным лоскутным налепом на начин, снятый с основы и поставленный дном на плоскость, поверхность которой предварительно посыпалась золой. Отпечатки ее фиксируются на днищах всех сосудов. Высота начина достигала уровня "плечиков" или середины тулова сосудов. На днищах и внутренней поверхности придонной части сосудов, которые заглаживались очень небрежно, хорошо заметны трещины и наплывы строительных элементов, а также участки с отпечатками гладкой поверхности кожаной основы или прокладки. Довольно четко прослеживаются следы скрепления строительных элементов в месте перехода к горловине: на внутренней поверхности большинства сосудов имеются отпечатки пальцев, оставленные при нажиме. Заглаживание производилось аналогично I и II группам: вначале деревянным орудием вертикально и наклонно, а затем куском кожи горизонтально и наклонно. К сосудам, сделанным подобным образом, относится большая часть керамики кургана N 9 из погребений 3, 4, два из погребения 7 и один сосуд из обрыва. Кувшин, обнаруженный в данном кургане, по-видимому, также можно отнести к III группе: на внутренней поверхности его придонной части фиксируются следы какой-то основы, а верхняя часть "плечиков" и горловины носят следы наложения строительных элементов. Сосуд склеен из небольших фрагментов, поэтому получение достоверной информации о способе налепа по излому черепка невозможно.

В рамках характеристики приспособительных навыков труда можно отметить следующие особенности. Массовой и устойчивой была традиция отбора в качестве исходного сырья ожелезненных глин с небольшим содержанием естественного песка: 70% от общего числа изученных образцов. Зафиксирована также и традиция использования ожелезненных глин с более значительным содержанием песка, условно названных среднепластичными: 30% от общего числа образцов. По-видимому, данная традиция также была устойчивой: в шамоте 4 сосудов зафиксировано наличие песка. Единственной и устойчивой традицией составления формовочных масс была следующая: глина+ шамот+ органика (навоз жвачных животных). На уровне видовых и подвидовых особенностей формовочных масс (концентрация и размерность зерен шамота) обнаруживаются определенные различия (табл.1), суммировав которые, можно предполагать распространение в новинковском гончарстве рецептов с крупным некалиброванным шамотом (размер зерен шамота от 1 до 6 мм) и с мелким, калиброванным в пределах 0,5-2 мм, шамотом. Соотношение шамота с глиной было вариабельным: от 1:3 до 1:5. Спецификой рецептов с мелким шамотом было наличие органики в большей концентрации. Интересно, что кувшин из I Новинковского могильника и два кувшина из II Новинковского могильника сделаны из среднепластичной глины с добавкой органики и мелкого шамота. Однако, известны и горшки с таким рецептом.

Попытка выяснить взаимосвязь между традициями отбора разных глин с рецептами формовочных масс дала следующие результаты: использование высокопластичных глин довольно четко объединяется с традицией добавки крупного шамота; добавление мелкого шамота обнаруживает связь с отбором пластичных глин; среднепластичные глины смешивались как с мелким, так и с крупным шамотом. Каких-либо взаимозависимостей между группами приемов конструирования и особенностями приспособительных навыков труда не выявлено.

Переходя к историко-культурной интерпретации данных по технологии керамики I Новинковского могильника, необходимо отметить их предварительный характер. Количество наблюдений еще столь незначительно, особенно по субстратным навыкам труда, что дальнейшие исследования вполне могут выявить новые факты по истории гончарства населения "новинковской" группы и уточнить уже полученную информацию.

Керамика I и II Новинковских могильников имеет признаки изготовления ее в рамках домашних, доремесленных производств, которые характеризуются существованием тесных родственных связей между потребителями и производителями посуды. Глиняная посуда производится и используется, в основном, в пределах одной или нескольких семей, находящихся в кровнородственных отношениях. Этот факт подтверждается многочисленными этнографическими данными. Культурные традиции в гончарстве представляют собой устойчивые навыки труда, передаваемые в доремесленную эпоху из поколения в поколение посредством непосредственного обучения, в основном, по родственным каналам. Поэтому общее состояние и изменения гончарных традиций, которые мы фиксируем по археологическим материалам, могут свидетельствовать об изменениях в составе населения, изготавливавшего изучаемую керамику.

По способности реагировать на процессы смешения различных в культурном отношении групп населения все навыки труда в гончарстве разделены на приспособительные и субстратные[5]. Приспособительные навыки – отбор исходного сырья, составление формовочных масс, обработка поверхностей, – способны чутко отзываться на само начало смешения. Признаками данного процесса является их смешанное состояние: смешанные рецепты формовочных масс, сочетание разных способов обработки поверхности на одном сосуде и т.д. Субстратные навыки (приемы конструирования и формообразования) могут сохраняться неизменными очень долгое время в условиях смешения. Зафиксированное смешение в субстратных навыках указывает на глубоко зашедший процесс смешения, который затронул самую устойчивую часть гончарной технологии.

Таким образом, изучая субстратные навыки труда, можно получить информацию о предыстории и истории сложения культурных традиций в гончарстве. Состояние же приспособительных навыков отражает современные события, происходящие в момент изготовления посуды: если население, ее

изготавливавшее, однородно в культурном отношении, то данные навыки тоже однородны. Смешанное их состояние отражает современные носителям гончарных традиций контакты с другими группами населения[6].

А.А.Бобринским выделено шесть последовательных этапов смешения носителей разных гончарных традиций. Ситуация, зафиксированная по материалам кургана 9 I Новинковского могильника, соответствует пятому этапу[7]. Керамика данного памятника одинакова по форме, орнаменту и однородна, в целом, по глинам, рецептам и способам обработки поверхностей. Наиболее общие различия прослеживаются только в приемах конструирования. Выделяются две несмешанные группы приемов конструирования, причем первая представлена только одним, очень маленьким сосудиком, вряд ли имевшим утилитарное назначение, а вторая – двумя сосудами. Наиболее многочисленна третья смешанная группа с начинами I группы и приемами конструирования полого тела, а также формообразования II группы. Представляется логичным предположить далеко зашедший процесс смешения между носителями традиций I и II групп, а также направление развития гончарства "новинковского" населения – по линии перерождения традиций I группы и доминирования II группы.

Сравнительный анализ керамики "новинковского" типа и керамики других памятников Среднего Поволжья предпринимается в данной работе с двумя целями: во-первых, выявить черты преемственности в технологии гончарства раннеболгарских племен более позднего времени – второй половины VIII-IXвв.; а во-вторых, попытаться найти "корни" новинковских гончарных традиций в предшествующих культурах Поволжья.

Таблица 2. Результаты изучения формовочных масс керамики II группы (по Т.А.Хлебниковой) раннеболгарских памятников

Памятники	Формовочные массы								
	О+Ш	О	О+П	О+П+Ш	ДР	О+ДР	О+ДР+Ш	О+ДР +П+Ш	Всег
I Новинковский	9								9
II Новинковский	11								11
Тетюшский	1								1
III Рождественский	1								1
Кайбельский				1					1
Б.-Тарханский	3	13	8	1					25
Танкеевский	2	3	1		1	5	1	1	14
Саркел	36	4		1					41
Итого	**63**	**20**	**9**	**3**	**1**	**5**	**1**	**1**	**103**

ДР – дробленая раковина; П – песок; О – органика; Ш – шамот

Данная таблица, по нашему мнению, довольно убедительно отражает определенную стабильность приспособительных навыков населения, изготавливавшего плоскодонные горшки с насечками по краю в новинковское время; сохранение их и вместе с тем размывание однородности в более поздний период, что говорит о начавшихся процессах смешения с иными культурными

группами. Данные о приемах конструирования сосудов Больше-Тарханского, Танкеевского и других памятников, как уже упоминалось, немногочисленны. Удалось зафиксировать наличие донной и донно-емкостной программ конструирования начинов, а также спирально-жгутовой налеп полого тела. В керамике раннеболгарского времени Саркела выявлены признаки использования спирально-жгутового и спиралевидного лоскутного налепов и донно-емкостная программа для начинов. Эти факты позволяют предполагать некоторую близость гончарных традиций населения, оставившего вышеуказанные памятники. Однако, необходимо расширение технологической информации для подтверждения данного предположения.

Обращение к керамике более ранней по отношению к новинковской группе памятников – именьковской культуры показывает большую близость не только в морфологии сосудов, но и в технологии. Выявляется большое сходство в приспособительных навыках труда: более 90% изученных Н.П.Салугиной сосудов именьковских памятников Самарской Луки сделано по рецепту: глина + шамот + органика. Устойчивой была также традиция использования высокопластичной ожелезненной глины. Шамот, как и в новинковском гончарстве, был различным по размерам: от мелкого до очень крупного, и смешивался с глиной в различных соотношениях: в диапазоне от 1:3 до 1:5. Проведенное исследование выявило тенденцию уменьшения размера шамота: в именьковском гончарстве традиция введения в формовочные массы шамота, достигающего 5-6 мм, была распространена; в новинковской керамике также фиксируется такой шамот. Сосуды с крупным шамотом найдены в III Рождественском могильнике (Самарская Лука) и Тетюшском могильнике. В материалах же Больше-Тарханского и Танкеевского могильников преобладают сосуды данного типа с более мелким шамотом – до 3 мм.

Приемы конструирования керамики новинковского типа находят наиболее близкие аналогии именно в именьковском гончарстве. В результате проведенного Н.П.Салугиной исследования технологии изготовления керамики именьковских поселений Самарской Луки было выявлено наличие донной программы начинов посредством спирально-жгутового налепа, а также донно-емкостной программы, связанной со спиралевидным лоскутным налепом. Кроме того, именно в самарской группе обнаружены факты использования коротких жгутов при наращивании стенок сосудов и выявлены признаки применения форм-основ, что является довольно специфичным явлением для восточноевропейского гончарства. Все эти факты указывают на большую близость именьковского и новинковского гончарных производств.

Таким образом, значительная степень сходства в морфологии и технологии именьковской культуры и новинковской группы, территориальная близость именьковских поселений и новинковских курганов в пределах Самарской Луки хронология данных культурных феноменов убеждают в необходимости проведения более тщательного исследования, направленного на поиск комплексов материальных остатков новинковского типа в поздних слоях именьковских поселений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Смирнов А.П. О возникновении государства Волжских Булгар // ВДИ. 1938. N 2 (3). С.103-110.

[2]Матвеева Г.И. Итоги исследования могильников новинковского типа в Среднем Поволжье // Всесоюзная археологическая конференция. Баку, 1985. С.237; Богачев А., Зубов С. Брусянский II могильник ранних болгар (раскопки 1988-1989 гг.) // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С.19-33.

[3]Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние булгары на Волге. М., 1964.

[4]Матвеева Г.И. Итоги исследования могильников... С.237.

[5]Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978. С.242.

[6]Там же.

7Там же. С.243-244.

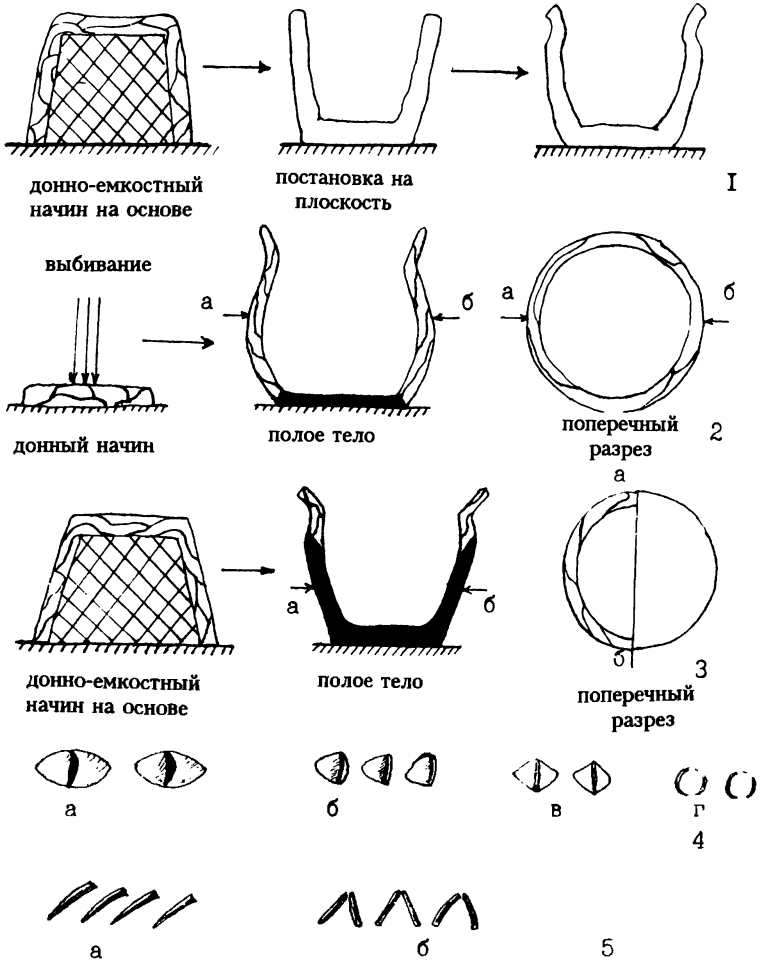


Рис. 1. Схема конструирования сосудов и виды орнамента

Р.С.Багаутдинов

(г.Самара)

НОВЫЕ РАННЕБОЛГАРСКИЕ КУРГАНЫ САМАРСКОЙ ЛУКИ

Летом 1994г. на южной окраине огромного именьковского поселения, располагавшегося в Холодном овраге у горы Ош-Пандо-Нерь, выявлена и исследована курганная группа, состоявшая из двух насыпей с каменными набросками. Ранее в этих местах находили только грунтовые раннеболгарские погребения с редкими каменными выкладками. Курганы обнаружены впервые, и впервые появилась возможность сравнить их с аналогичными сооружениями новинковского типа.

В 1993 году В.А.Скарбовенко, обследуя небольшое песчаное всхолмление у восточной окраины села Новинки, обнаружила развал лепного раннеболгарского сосуда (рис.5. 2). Поэтому решено было исследовать это всхолмление, которое оказалось курганной насыпью с интересным обрядом погребения.

Целью данной работы является скорейшее введение в научный оборот материалов вновь раскопанных насыпей, в некоторой степени изменяющих и дополняющих наши знания о культуре ранних тюрок на Волге.

Шелехметский II курганно-грунтовой могильник (*рис.1*)

Курган 1 имел диаметр около 8 м и высоту до 0,6 м от уровня погребенной почвы. Насыпь сооружена из остатков культурного слоя именьковского поселения и насыщена обломками именьковской посуды, преимущественно стенками. Среди находок этого времени следует отметить глиняное пряслице и обломок бусины (рис.2.9,12), бронзовую пронизку (рис.2.10) и железный крюк (рис.2.11), который, впрочем, мог быть и более позднего времени. Под дерном и частично выступая из него, весь центр насыпи занимал сплошной каменный панцирь, состоящий из обломков белого известняка, самые крупные из которых в длину достигали от 0,7 до 0,9 м. Каменный панцирь в плане имел форму неправильного овала, вытянутого с СЗ на ЮВ. Длина выкладки свыше 6 м, ширина около 5 м. Камни уложены без определенной системы, в один слой. Лишь над центральной могилой камни располагались в несколько слоев. Примерно в полуметре от северной стенки центральной могилы под камнями лежали остатки черепа лошади – зубы и обломки челюстей. Еще один обломок челюсти лошади найден в заполнении центрального захоронения под камнями. В северо-западном секторе, за пределами каменного панциря, на глубине 0,56 м возле бровки З-В найдены вотивные (?) железные стремена и удила прекрасной сохранности (рис.2.7-8). Под каменным панцирем располагались четыре захоронения: три – у краев выкладки, одно – в центре (погр.4).

Остатки погребения I расчищены возле южной бровки ЮВ сектора. Могильная яма не прослежена. Кости младенца лежали большей частью в беспорядке, но по оставшимся на месте костям черепа, правой руки и правой ноги видно, что погребенный был помещен вытянуто на спине, головой на СВ. Вещей не было.

Погребение 2 найдено в том же секторе, что и первое, но ближе к восточному отрезку бровки З-В. Здесь также не прослежена могильная яма. Грунт изрыт норами грызунов. Все кости скелета, кроме черепа, стронуты с места, но общее их расположение позволяет говорить о том, что погребенный, судя по размерам костей – ребенок, лежал вытянуто, головой на СВ. У костей ног находился череп жеребенка. У черепа и вокруг шейных позвонков погребенного найдены остатки ожерелья из пастовых пронизок и бочонковидных бусин плохой сохранности (рис.2.1,3), причем пронизки состоят из соединенных торцами по 7 штук пастовых бусин. Всего зафиксировано две почти целых пронизки, одна разрушенная и пять бочонковидных бусин, в т.ч. одна целая.

Среди костей найден небольшой железный стерженек (рис.2.5), видимо, остатки шильца, а у черепа – железный пинцет (рис.3.3). Судя по набору вещей, погребение принадлежало девочке.

Погребение 3 найдено в центре северо-западного сектора. Могильная яма достигала материка, поэтому удалось установить примерные очертания могильной ямы, несмотря на многочисленные норы грызунов. Она представляла собой в плане неправильный овал, вытянутый по линии СВВ-ЮЗЗ размерами 1,5х0,8 м. На дне в беспорядке были разбросаны кости молодого человека, среди которых, в центре ямы, найдены сильно коррозированные остатки двух железных пряжек (рис.2.13,14). У северной стенки, в заполнении норы, лежал железный стержень длиной 6,8 см (рис.2.15), возможно, остатки шила.

Могильная яма центрального погребения 4 (рис.3.1) на четверть метра прорезала материк, имела подпрямоугольную форму и была ориентирована на В-З с отклонением к северу. Также был ориентирован скелет взрослого человека, скорее всего, женщины, лежавшей вытянуто, на спине, кисти рук на тазу. Череп повернут на правый бок. В ногах – остатки скелета младенца. Вокруг шейных позвонков зафиксированы пастовые бусы и пронизки, сходные с образцами на рис.2.1-3. К ним только прибавился еще один тип пастовых бусин в форме вытянутого прямоугольника (рис.2.4). Над черепом, в заполнении норы, найдена светлая пастовая бусина с темными, слегка выпуклыми глазками. Все пастовые украшения плохой сохранности, многие при расчистке рассыпались. Кроме того, в низке было две округлых сердоликовых бусины (рис.3.7,8). Под черепом и у левой лопатки найдены две бронзовые пуговицы грушевидной формы, составленные из двух продольных половинок (рис.3.9,10). У левого крыла таза находились остатки небольшого железного ножа плохой сохранности. У лучевой кости правой руки лежала железная, трапециевидная пряжка (рис.3.5). Под черепом и под правой лопаткой обнаружены две бронзовые серьги в виде несомкнутого кольца с двумя стерженьками (рис.3.11,12). На одной из них

сохранились шарики из материала, похожего на глину, надетые на стерженьки (рис.3.12). У локтевого сочленения левой руки лежал сунак – приспособление для детской люльки, сделанное из трубчатой кости животного (рис.3.2). Еще одна костяная трубочка, но уже отполированная и открытая с обоих концов, найдена у правой берцовой кости (рис.3.4).

Курган 2 располагался в 20 м к ЮЗ от кургана 1 и представлял собой пологое всхолмление, нарушенное следами давней распашки. Диаметр всхолмления около 10 м, высота до 0,4 м от уровня современной поверхности. Здесь также прослежена каменная наброска, но в отличие от кургана 1 не сплошная. Наибольшая концентрация камней зафиксирована в северо-западном секторе. В центре камней почти не было, что давало повод предположить, что курган был ограблен. Обломки белого известняка, мелкие и крупные, достигали длины свыше 1 м и ширины около 0,5 м. Насыпь состояла из культурного слоя именьковского селища, насыщенного обломками лепной керамики. В центре кургана находились остатки единственного погребения. Могильная яма в форме неправильного овала ориентирована длинной осью на СВВ-ЮЗЗ. Стенки ее расширялись к СВВ. В заполнении, начиная с уровня погребенной почвы, встречались отдельные мелкие кости человеческого скелета. Ближе ко дну, находившемуся на глубине 1,29 м от поверхности кургана, зафиксированы немногочисленные обломки более крупных костей взрослого человека. Видимо, часть скелета вытащена грабителями, часть растащена грызунами. Вещей не было. Длина могильной ямы до 2,35 м, ширина до 0,87 м.

Новинковский II одиночный курган

Последний курган был исследован примерно в 20,0 м к востоку от восточной окраины с.Новинки Волжского района рядом с шоссе Новинки-Рождествено на высоком старичном берегу. Это небольшое песчаное всхолмление, округлое в плане, диаметром около 6 м и высотой 0,3-0,4 м. Очевидно, насыпь была сооружена на месте более раннего поселения, т.к. в насыпи и погребенной почве зафиксированы немногочисленные фрагменты лепных сосудов двух типов. Первый тип представлен обломками стенок и венчиком сосуда, грубо заглаженных и бугристых из-за крупных включений в тесте. Черепок плотный и тяжелый. Своим обликом эта керамика напоминает именьковскую. Керамика второго типа более легкая, гладко заглаженная; судя по обломкам венчика и орнаментированной стенки (рис.5.3,4), относится к эпохе поздней или даже финальной бронзы. Под насыпью находились остатки двух захоронений взрослых людей (рис.4.1).

Погребение 1 располагалось примерно в 1 м к востоку от центра насыпи на уровне материкового песка. Сохранность костяка плохая, однако поза и ориентировка определимы. Погребенный был помещен на спину, вытянуто, руки вдоль туловища, головой на ССЗ, лицо повернуто на ЮЗЗ.

Под остатками черепа, в области грудной клетки и у остатков локтевых костей найдены три пастовые глазчатые бусины, две из которых сохранились. Одна из них имела темную и светлую полосы, зеленые и белые выпуклые глазки (рис.4.2), другая – коричнево-красного цвета с белыми глазками (рис.4.3). У обеих бусин конусовидные отверстия. Третья бусина имела голубые глазки. К востоку от остатков черепа, на уровне материка, найдено глиняное пряслице (рис.4.4).

Погребение 2 находилось в западной половине кургана и прорезало материковый песок примерно на 0,2 м. Однако очертания могилы не прослежены из-за обилия нор грызунов. Судя по неистлевшим костям скелета, погребенный был положен вытянуто на спине, головой на ССЗ. Кисти рук находились на тазу. У правой бедренной кости обнаружены остатки железного ножа (рис.4.5). У пяточных костей левой ноги – обломок трубчатой кости животного.

На уровне погребенной почвы расчищены несколько обломков сожженных деревянных плашек, лежавших и над остатками человеческих скелетов. Расположение их заставляет предполагать наличие деревянных конструкций вроде рам, положенных на древнюю поверхность. Наблюдения над профилями бровок выявили, что дерево клали на уже засыпанные могилы и потом поджигали. После того, как дерево сгорало, на остывшее кострище, на правый край могилы у изголовья ставили лепной горшок. Один из них, найденный в 1993г. в небольшой ямке среди сгоревшего дерева (рис.4.1), принадлежал погребению 1. Другой (рис.5.1) был найден в бровке на остатке сгоревших плах справа от изголовья второго скелета (погр.2). Сосуд имеет два близкорасположенных конических отверстия под венчиком, скорее всего, для скрепления стенок.

Материалы Шелехметских курганов с каменной наброской аналогичны курганам ранних болгар, исследованным Г.И.Матвеевой[1], А.В.Богачевым и С.Э.Зубовым[2]. Об этом говорит и сходный обряд погребения, и набор вещей. Надо полагать, что и предварительная дата их будет аналогична – конец VII-VIII вв.

Шелехметская курганная группа состояла из двух насыпей, под одной из которых, в центре, была захоронена женщина и вокруг нее – дети. Другая же насыпь (к.2) была одномогильна, и, несмотря на факт ограбления, можно предположить, что в двух курганах захоронены члены одной семьи – муж, жена и дети. Патриархальный характер этой семьи подчеркивается отделением главы семьи от остальных ее членов. Нельзя не отметить и некоторые отличия в составе инвентаря кургана 1 от остальных раннеболгарских курганов Самарской Луки. Так, в них пока не было пинцетов, хотя бронзовые пинцеты находят на поселениях именьковской культуры. Не встречены еще и многосоставные пастовые пронизки.

Много вопросов порождает насыпь у села Новинки. Но сейчас уже можно сказать, что состав новинковского населения был неоднороден. Иначе как объяснить такие факты, как отсутствие в насыпи камней, деревянные

конструкции на уровне погребенной почвы и помещение сосудов у края могилы на сгоревшее дерево. Различная ориентировка погребенных в шелехметских и новинковском курганах объясняется, видимо, незначительным хронологическим разрывом[3]. Форма сосудов несколько необычна. Раздутое, высокое тулово, высокие плечики, сравнительно узкое горло с отогнутым венчиком, серо-желтый цвет делают их (по крайней мере сосуд из погр.2) похожими на некоторые образцы позднесарматской керамики, например, из Гвардейского курганного могильника (раскопки Скарбовенко В.А. в 1993г.). Единичные аналогии есть и в однокультурных памятниках – в Брусянском II и Новинковском V курганных могильниках[4]

Таковы предварительные впечатления от вышеописанных курганов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Матвеева Г.И. Итоги исследований могильников новинковского типа в Среднем Поволжье // Всесоюзная археологическая конференция. Баку, 1985.

[2]Богачев А.В., Зубов С.Э. Брусянский II могильник ранних болгар // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.

[3]На Самарской Луке уже была раскопана в 1993 г. А.В.Богачевым одна земляная насыпь в III Брусянском курганном могильнике. Земляные раннеболгарские насыпи исследованы автором статьи в Ульяновской области, см.: Багаутдинов Р.С., Набоков А.В. Новые материалы о погребальном обряде ранних болгар на Волге //Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. Следует отметить, что в земляных раннеболгарских курганах Ульяновской области близкая к новинковскому кургану ориентировка погребенных - СЗ-ЮВ. Ульяновские насыпи, на мой взгляд, позднее новинковских – не ранее VIII века, скорее IX век н.э.

[4]Богачев А.В., Зубов С.Э. Указ. соч. С.41, рис.7; раскопки Сташенкова Д.С. V Новинковского курганного могильника в 1993 году.

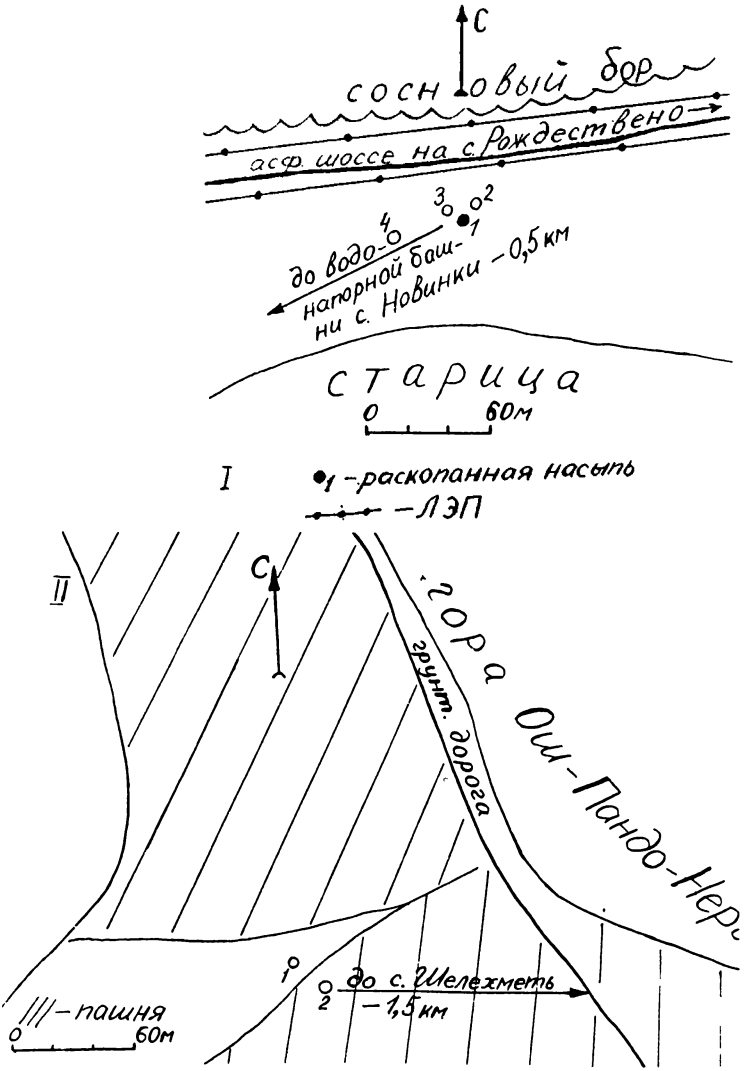


Рис. 1. I - схема расположения курганов у с.Новинки, II - схема расположения курганов у с.Шелехметь

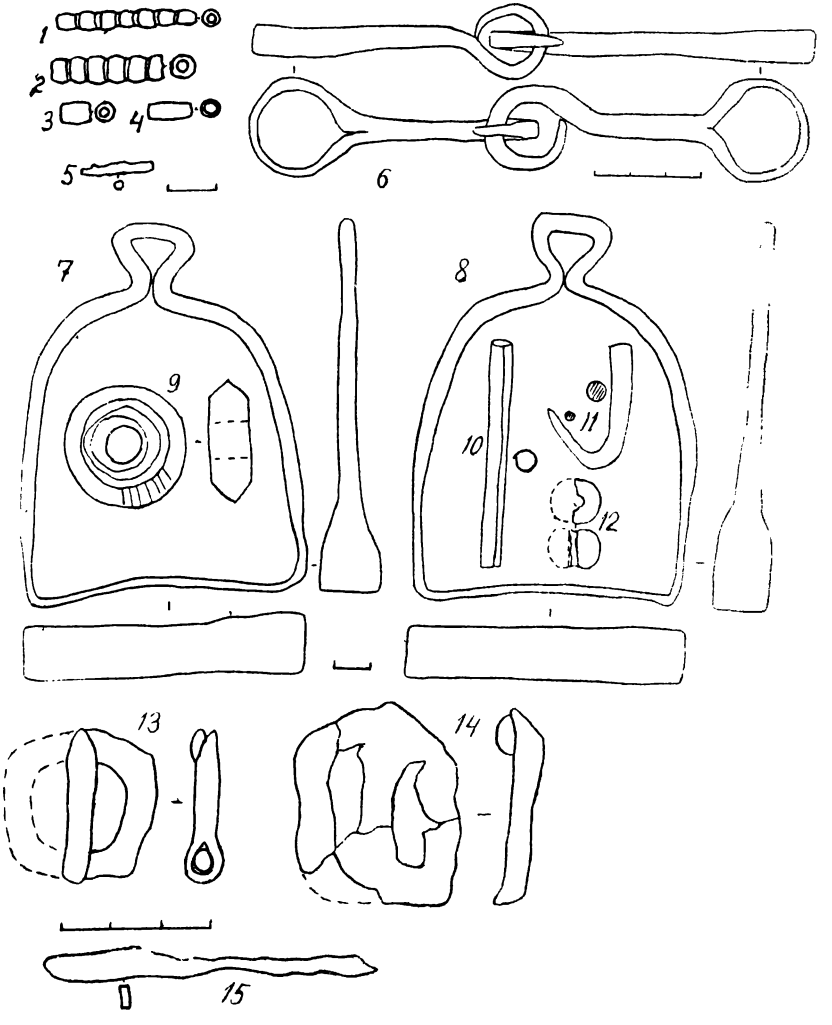


Рис. 2. С.Шелехметь. Курган 1: 1 образцы пастовых бусин и прон **2,4; 6,7,8 -** жел. удила и стремена, п.2. 9-12 находки из насыпи; 13,14 об. . **пряжек; п.3; 15 -** жел. стержень, п.3

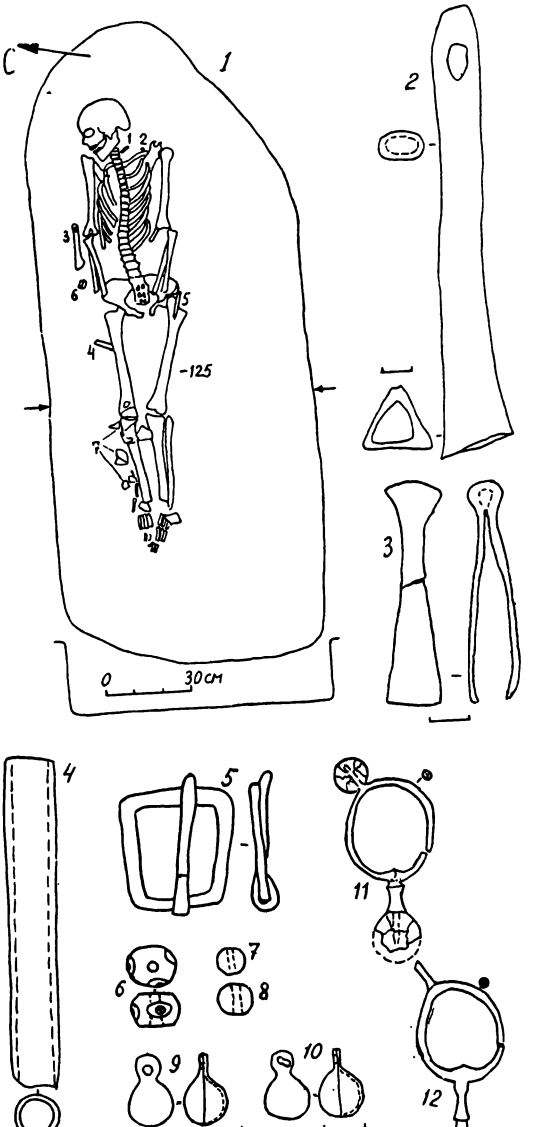


Рис. 3. С. Шелехметь. Курган 1: 1 - погреб 4; 2 - рисунок; 3 - жел. пинцет, п.2; 4 - кост. трубочка; 5 - жел. пряжка; 6 -8 - пастовая и сердоликовые бусины; 9,10 - бронз. пуговицы, 11,12 - бронз. височные кольца

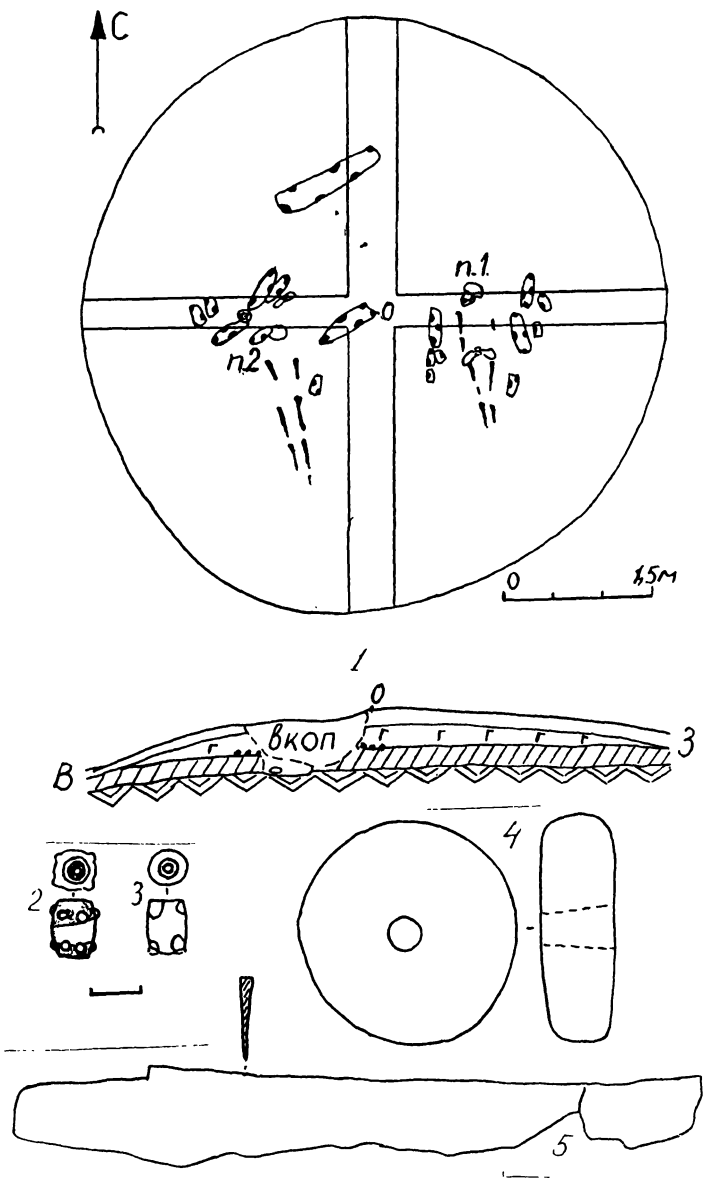


Рис. 4. С.Новинки. Курган 1: 1. план и профиль северной стенки кургана 1; 2,3 - пастовые бусины; 4 - глиняное пряслице; 5 - остатки жел. ножа, п.2

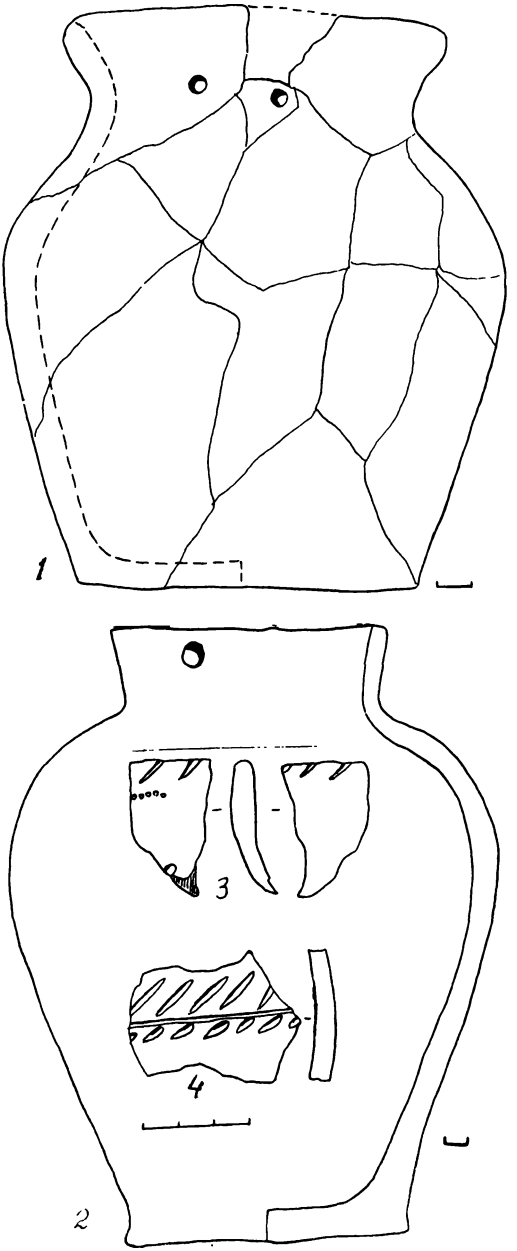


Рис. 5. С.Новинки. Курган 1: 1-2 сосуды из погр. 1,2; 3,4 обломки лепной керамики из насыпи

И.Р.Газимзянов

(г.Казань)

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АНТРОПОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В наше распоряжение были переданы небольшие антропологические коллекции из раскопок последних лет раннесредневековых курганных и грунтовых захоронений на территории Самарского Поволжья. Черепной материал происходил из I курганно-грунтового могильника у села Новинки (раскопки Д.А.Сташенкова) и курганных погребений у деревни Малая Рязань и села Брусяны (раскопки А.В.Богачева и С.Э.Зубова). Все указанные могильники географически локализуются в пределах Самарской Луки. Погребальные комплексы датируются авторами раскопок эпохой раннего средневековья и относятся по погребальному инвентарю и обряду захоронения к кругу археологических памятников так называемого "новинковского" типа. По мнению Г.И.Матвеевой, памятники "новинковского" типа оставлены первой волной тюркоязычных болгар в Среднем Поволжье [1, с.161]. С этим мнением не согласен Е.П.Казаков, считая, что восточная ориентировка погребенных, каменные обкладки, подсыпка мела, вещевой инвентарь совершенно не характерны для болгарских комплексов, которые он увязывает с салтовской культурой [2]. Поэтому было бы интересным сопоставить антропологический тип населения Самарского Поволжья второй половины I тыс. н.э. с раннеболгарским, антропологический тип которого известен по материалам Зливкинского, Кайбельского, Большетарханского могильников [3; 4, 5].

I Новинковский курганно-грунтовой могильник

Впервые памятник был открыт в 1991 году, а в 1992-93 годах он исследовался археологической экспедицией под руководством Д.А.Сташенкова. В километре от I Новинковского могильника находится другой курганный могильник у села Новинки (II), известный по раскопкам Г.И.Матвеевой в начале 80-х годов. Из первого курганного могильника мы имеем три черепа, один череп из грунтового захоронения и один череп из разрушенного карьером погребения. По мнению автора раскопок, все погребения синхронны и датируются концом VII VIIIвв. Учитывая малочисленность краниологического материала и его плохую сохранность, остановимся на морфологической характеристике каждого черепа. Индивидуальные данные приведены в приложении.

Курган 1, ***погребение 1***. Череп средней сохранности принадлежал женщине старческого возраста (50-60 лет). Мозговая коробка средней длины была широкая и высокая, лоб узкий и средненаклонный. Микрорельеф развит умеренно. Лицо по абсолютным размерам широкое и высокое, уплощено на уровне орбит. Визуально нос выступает слабо, переносье профилировано несильно. Череп имеет монголоидный облик.

Курган 9, *погребение 2*. Череп женский (возраст 18-20 лет), сильно разрушен и посмертно деформирован. По сохранившимся фрагментам можно определить, что череп был брахикранным со среднешироким лбом и ослабленной профилировкой на уровне орбит. Орбиты низкие, неширокие. Переносье и носовые косточки выступают умеренно. Нижний край грушевидного отверстия заостренной формы. Антропологический тип определить трудно.

Курган 9, *погребение 11*. Череп мужской (возраст 25-35 лет), сохранность плохая. Мозговая коробка посмертно деформирована, но визуально определяется как короткая, сфероидной формы, лоб широкий. Лицевой отдел неширокий (по верхней ширине лица) и невысокий. Ширина и высота орбит средняя. Горизонтальная профилировка средняя на уровне орбит и сильная на уровне скул. Переносье высокое, нос выступает достаточно сильно. Череп европеоидного типа.

Грунтовой могильник, *погребение 1*. При идентификации пола возникли определенные затруднения: по развитию микрорельефа череп можно отнести к мужским, а по строению тазовых костей – к женским. Исходя из последнего, костяк определен нами как женский (возраст 25-35 лет). Мезокранный череп ромбоидной формы имел узкий, средненаклонный лоб. Лицо достаточно широкое, высота его средняя, слабопрофилировано на обоих уровнях. По углам вертикальной профилировки череп ортогнатен, но отмечается небольшой альвеолярный прогнатизм. Выступание носа слабое, переносье широкое. Череп имеет монголоидные особенности.

Череп из разрушенного карьером погребения определяется как мужской (возраст 35-45 лет). У черепа отсутствовали правая скуловая кость, часть верхней челюсти и нижняя челюсть. Мозговой отдел по поперечно-продольному указателю относится к брахикранным формам, высота свода небольшая. Скуловая ширина большая, верхняя ширина лица средняя. Рельеф развит умеренно. Имеется небольшая уплощенность на уровне орбит. Переносье сильно профилировано. Визуально нос выступает сильно. В целом череп можно отнести к европеоидным широколицым формам.

Таким образом, из приведенных морфологических характеристик можем отметить, что мужские черепа в целом имеют европеоидный облик, а на женских черепах достаточно отчетливо проявляются признаки, характерные для монголоидных типов.

При сравнении наших материалов с материалами из II Новинковского могильника оказалось, что они однородны по многим признакам, и, по всей видимости, раннесредневековые могильники у села Новинки были оставлены населением, имевшим общие генетические истоки. Этому выводу не противоречат и археологические параллели. Поэтому все краниологические материалы из двух курганных групп и грунтовых захоронений были объединены в одну общую серию (см. таблицу 1), при этом суммарная характеристика новинковских черепов, данная Н.М.Рудь, не изменилась. Однако, большой размах вариабельности основных расово-диагностических признаков и величин их

квадратичных отклонений свидетельствуют, что серия по антропологическому составу неоднотипна в обеих группах. Это связано с наличием в серии черепов с монголоидной примесью, которая более всего проявляется в женской группе.

Курганный могильник у д.Малая Рязань. Небольшая серия состояла из четырех мужских черепов и одного женского. Все они были довольно хорошей сохранности. Мужские черепа по морфологическому типу были однородны, поэтому мы даем их суммарную характеристику. Индивидуальные и средние показатели приведены в приложении и в таблице 2.

Мужская серия по черепному указателю относится к брахикранным формам, высота свода черепного отдела большая как от базиона, так и от порионов. Лоб среднеширокий и средненаклонный. Лицевой отдел относительно широкий при небольшой его высоте. По углам горизонтальной профилировки серия умеренно уплощена на уровне орбит и слабо – на уровне скуловых костей. В вертикальной плоскости мужские черепа – мезогнатны. Угол наклона носовых костей характеризуется малыми величинами, переносье среднепрофилировано. Микрорельеф выражен не сильно. Глубина клыковых ямок небольшая. В строении нижнего края грушевидного отверстия преобладают формы предносовых ямок.

В целом мужские черепа из курганного могильника у д.Малая Рязань можно отнести к смешанным формам с нерезко выраженными европеоидными признаками. На некоторых черепах отмечаются монголоидные особенности: прогнатизм, слабое выступание носа и переносья и т.д.

Женский череп из кургана 3, погребение 5 (возраст 30-40 лет) характеризуется брахикранной формой черепа, небольшой высотой свода, широким и прямым лбом. Лицо широкое и относительно высокое, среднепрофилированное. Высота и ширина носа большая, орбиты низкие. Переносье широкое и невысокое, угол наклона носовых костей средний. Череп относится к смешанному типу. На нем выявляются как европеоидные, так и монголоидные признаки, но с учетом полового диморфизма он морфологически однотипен с мужскими.

Курганный могильник (II, III) у села Брусяны. В нашем распоряжении имелись черепа из II Брусянского могильника: три мужских и три женских (раскопки 1992-1993гг.), и два мужских и три женских черепа из III Брусянского могильника (раскопки 1993г.). По мнению авторов раскопок – С.Э.Зубова и А.В.Богачева, эти курганные группы синхронны и однотипны по погребальному обряду и вещевому инвентарю. Общая их датировка укладывается в пределах конца VII первой половины VIII вв. [7, с.32]. Учитывая единую культурную принадлежность этих комплексов и единовременное функционирование, мы объединили все черепа в одну серию. Сохранность материала плохая. Морфологическая характеристика дана суммарно, отдельно по мужским и женским черепам. Индивидуальные и средние данные приведены в приложении и в таблице 2.

Из пяти мужских черепов по полной краниологической программе удалось измерить лишь один, поэтому некоторые средние показатели в мужской группе

даны по одному наблюдению, что несомненно снижает достоверность наших цифровых выкладок. Суммарно мужские черепа характеризуются средними продольными и поперечными диаметрами, очень большой высотой свода, средненаклонным и среднешироким лбом. Широтные размеры лицевого отдела попадают в категорию больших величин. Высота лица большая. Высота и ширина носа средняя, орбиты широкие и низкие. По углам горизонтальной профилировки мужские черепа уплощены на уровне орбит и умеренно профилированы на уровне скул. В вертикальной плоскости – серия ортогнатна.

Носовые кости выступают слабо. Глубина клыковых ямок средняя, нижний край грушевидного отверстия в основном антропинной формы.

В целом мужские черепа можно отнести к смешанному типу. В этом отношении они по многим абсолютным размерам и пропорциям близки к мужским черепам из М.Рязанского могильника. Возможно, антропологическая близость между ними объясняется общими генетическими истоками, а небольшие расхождения по некоторым признакам – малой численностью сравниваемых серий. Для увеличения численности выборки при межгрупповом анализе мужские черепа из двух курганных могильников были объединены. Рассмотрение эмпирических величин квадратичного отклонения в объединенной серии по отношению к стандартным показывает, что серия по многим параметрам однородна [8].

Женские черепа из Брусянских II, III могильников по морфологическому строению, с учетом полового диморфизма, мало чем отличались от мужских. Они также по многим размерам близки к женскому черепу из могильника у д.Малая Рязань и к некоторым женским черепам из Новинковских I, II могильников. Их объединяет прежде всего монголоидная примесь, которая встречается на черепах в виде отдельных признаков или в комплексе.

Таким образом, из приведенного краткого морфологического обзора краниологических серий из раннесредневековых захоронений на Самарской Луке можно отметить, что все они относятся к смешанным европеоидным типам, вариации которых зависят от доли монголоидной примеси. Если в серии из Новинковских могильников она выражена незначительно, то в других рассматриваемых сериях наблюдается тенденция к ее нарастанию. Для оценки монголоидной примеси в каждой серии была рассчитана ее условная доля по формуле Г.Ф.Дебеца [9]. Так, в Новинковской серии индекс уплощенности лица (УЛС) составил 22.0, что в целом характерно для европеоидных групп, а в объединенной серии черепов из Брусянских и М.Рязанского могильников условная величина УЛС – 54.2 указывает на то, что в этих группах населения Самарского Поволжья раннесредневекового времени монголоидный элемент был более значителен.

При сравнении мужских серий из раннесредневековых могильников Самарского Поволжья с синхронными сериями с территории степной, лесостепной зоны Евразии (табл.3) выяснилось, что они по некоторым признакам (строение мозговой коробки, широтные размеры лицевого отдела и др.) близки, но различны по другим параметрам (профилировка лица, угол носа,

высота лица и т.д.). Поэтому, чтобы оценить степень сходства или различий между отдельными сериями по совокупности признаков был применен метод вычисления расстояний по формуле Пенроуза [10].

Из анализа полученных значений (к сожалению, из-за ограниченности рамками статьи таблица этих величин не приводится) можно сделать следующие предварительные выводы:

1. Суммарное расстояние между сериями из Новинковских могильников и могильников у д.М.Рязань и с.Брусяны довольно большое (C_R^2 – 0,46), что может свидетельствовать о различных генетических истоках у данных групп населения.

2. Наиболее близкими к мужским черепам из Новинковских могильников была сборная серия венгров "эпохи завоевания родины" (C_R^2 – 0,21) и серии из Большетарханского (0.29) и Большетиганского (0.30) могильников.

3. Объединенная серия из курганных могильников у д.М.Рязань и с.Брусяны обнаруживает большую близость с мужскими группами из раннеболгарских могильников: Кайбелы (C_R^2 – 0.13), Б.Тарханы (0.14), Зливки (0.19), а также с сериями из города Сариел "Большой курган" (0.20), венграми X в., "кочевниками Башкирии" (0.24) и примыкают к ним мужские черепа из Бирского могильника и Лимбаря (0.25).

Из приведенных рядов попарного сравнения отметим, что две группы населения из Самарского Поволжья (разные по морфологическому типу) имеют сходство (почти на одном уровне) с венграми "эпохи завоевания родины" Возможно, формирование физического облика этих групп шло на основе какого-то общего, более древнего антропологического пласта. Отмеченные различия у этих групп связаны, по-видимому, с включением в их состав иноэтничного, морфологически разнородного населения при освоении им новых территорий. Более детальное рассмотрение этих процессов возможно лишь с накоплением новых палеантропологических материалов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Самара, 1986.

2. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М., 1993.

3. Наджимов К.Е. О черепах Зливкинского могильника // Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР. 1955. Т.24.

4. Герасимова М.М. Скелеты древних болгар из раскопок у с.Кайбелы // Труды Ин-та этнографии АН СССР. М., 1956. Т.33.

5. Акимова М.С. Материалы к антропологии ранних болгар // Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.

6. Рудь Н.М. Антропологические исследования средневекового населения из Новинковского курганного могильника // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Самара, 1987.

7.Богачев А.В., Зубов С.Э. Брусянский II могильник ранних болгар // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.

8.Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.

9.Дебец Г.Ф. О путях заселения северной полосы русской равнины и Прибалтики // СЭ. 1961. N 6.

10.Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.

Таблица 1. Средние величины краниологической серии из средневековых захоронений у села Новинки

Признаки (по Мартину)	Мужские			Женские		
	N	x		N	x	
1	2	3	4	5	6	7
1. Продольный диаметр	9	182.6	5.45	8	170.5	8.12
2. Поперечный диаметр	10	149.0	8.80	8	141.8	6.34
17. Высотный диаметр	7	139.0	7.74	5	129.6	2.51
5. Длина основания черепа	7	104.9	3.58	6	97.8	3.25
9. Наименьшая ширина лба	10	99.1	4.15	10	91.7	4.83
11. Ширина основания черепа	8	127.5	3.02	5	120.4	7.02
45. Скуловой диаметр	8	136.3	3.01	5	126.0	6.67
40. Длина основания лица	5	96.8	5.67	4	96.5	11.2
48. Верхняя высота лица	7	70.7	3.73	8	65.9	5.77
43. Верхняя ширина лица	9	107.4	2.24	7	101.1	2.91
46. Средняя ширина лица	7	94.7	5.08	4	92.0	2.83
55. Высота носа	7	52.3	2.87	8	48.4	5.01
54. Ширина носа	7	23.9	1.46	7	24.0	1.63
51. Ширина орбиты (от mf)	9	42.4	0.99	9	40.7	1.25
52. Высота орбиты	9	33.1	1.54	9	31.9	2.15
77. Назомолярный угол	8	140.1	5.59	6	144.2	5.63
Zm. Зигомаксиллярный угол	7	125.1	6.12	5	129.8	6.83
SS. Симотическая высота	6	4.8	1.49	7	3.0	0.72
SC. Симотическая ширина	6	8.0	0.89	7	7.7	2.14
DS. Дакриальная высота	5	12.3	1.21	6	9.2	1.24
DC. Дакриальная ширина	5	22.9	2.85	6	21.0	3.11
Глубина клыковой ямки	6	5.65	1.16	6	3.08	0.53
32. Угол профиля лба	5	79.4	5.89	4	84.8	3.77
72. Общий лицевой угол	4	87.8	1.50	3	85.7	2.08
73. Средний лицевой угол	2	88.5	2.12	3	88.3	4.16
74. Угол альвеолярной части	3	81.0	6.55	2	75.0	-
75(1) Угол выступания носа	3	27.7	1.53	4	24.3	8.66
71(a) Наим. ширина ветви	5	31.4	1.34	6	32.8	2.71
65. Мыщелковая ширина	3	127.3	3.21	4	114.0	10.2
66. Угловая ширина	3	108.0	3.00	4	99.3	7.72
69. Высота симфиза	6	33.8	2.14	7	29.4	2.76
Надпереносье (1-6)	9	3.89	0.99	7	1.71	0.69
Надбровные дуги (1-3)	9	2.28	0.44	7	1.21	0.39
Нижний край грушевидного отверстия (Antr.%)	6	84%	-	8	50%	-
8:1 Черепной указатель	9	82.3	5.89	8	83.3	6.23
9:8 Лобный указатель	10	66.7	4.33	8	65.1	2.67
48:45 Верхне-лицевой указ.	6	52.2	3.02	5	52.6	3.40
SS:SC Симотич.указ.	5	53.1	9.69	7	39.4	7.93
DS:DC Дакриальный указ.	5	54.3	8.24	6	44.0	3.92
54:55 Носовой указатель	6	45.4	4.80	7	51.1	9.08
52:51 Орбитный указатель	9	78.2	4.35	9	78.4	6.45

Таблица 2. Средние значения мужских черепов из раннесредневековых курганных могильников у д.Малая Рязань и с.Брусяны

Могильники	Малая Рязань		Брусяны (II, III)		Объединенная серия*		
Признаки (по Мартину)	N	x	N	x	N	x	
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Продольный диаметр	3	108.8	3	177.3	11	178.4	4.45
8. Поперечный диаметр	3	144.8	1	144.0	10	146.1	5.46
17. Высотный диаметр	2	138.3	1	144.0	7	138.1	5.16
5. Длина основания черепа	2	97.8	1	103.0	6	100.0	2.28
9. Наименьшая ширина лба	4	97.4	15	98.1	13	97.2	4.58
11. Ширина основания черепа	3	130.0	1	133.0	10	131.4	4.91
45. Скуловой диаметр	3	136.3	2	141.0	10	138.2	4.65
40. Длина основания лица	2	99.5	1	99.0	6	97.8	3.69
48. Верхняя высота лица	4	71.0	2	75.8	9	72.9	3.85
Верхняя ширина лица	4	107.5	4	107.8	13	106.7	3.05
46 редняя ширина лица	3	98.5	4	101.0	9	97.9	6.06
5 сота носа	[illegible]	[illegible]	3	[illegible]	[illegible]	51.6	2.69
ирина носа	4	24.8	3	25.3	11	25.9	1.81
Ширина орбиты (от mf)	4	42.3	3	43.3	10	43.0	1.61
Высота орбиты	4	32.4	3	31.7	10	32.2	1.88
77. Назомолярный угол	4	144.8	4	146.0	12	145.2	2.52
Zm. Зигомаксиллярный угол	3	126.3	2	129.0	8	129.3	4.77
SS. Симотическая высота	3	4.2	3	4.2	9	4.1	1.34
SC. Симотическая ширина	4	9.3	3	9.3	10	9.7	1.91
DS. Дакриальная высота	3	11.4	1	12.2	7	11.1	1.29
DC. Дакриальная ширина	3	21.3	1	23.0	7	23.3	2.85
Глубина клыковой ямки	4	4.30	2	5.00	10	3.58	2.03
32. Угол профиля лба	3	83.0	1	85.0	7	84.0	3.73
72. Общий лицевой угол	3	80.3	1	85.0	6	84.2	2.64
73. Средний лицевой угол	3	82.0	1	86.0	6	5.8	2.32
74. Угол альвеолярной части	3	74.3	1	83.0	7	6.4	7.11
75(1) Угол выступания носа	2	20.0	3	23.0	8	22.3	[illegible]09
Надпереносье (1-6)	4	2.63	4	4.63	13	2.85	1.59
Надбровные дуги (1-3)	4	1.50	5	2.30	14	1.96	0.53
Нижний край грушевидного отверстия (Antr.%)	4	25%	4	75%	12	50%	
8:1 Черепной указатель	3	80.1	1	79.6	9	81.3	[illegible]
9:8 Лобный указатель	3	66.5	1	65.3	8	65.6	3.88
48:45 Верхне-лицевой указ.	3	52.4	2	53.8	8	52.5	3.46
SS:SC Симотич.указ.	3	44.9	3	44.3	9	41.6	8.48
DS:DC Дакриальный указ.	3	53.2	1	53.0	7	47.9	7.09
54:55 Носовой указатель	4	47.7	3	49.8	10	50.4	4.53
52:51 Орбитный указатель	4	76.7	3	73.0	10	74.9	4.24

** Примечание: для увеличения объединенной серии в нее включены женские черепа, пересчитанные в мужские с помощью коэффициентов полового диморфизма; череп из кургана А погр.1 в подсчет средних не вошел*

Таблица 3. Сравнение краниологических серий из раннесредневековых захоронений Самарского Поволжья с другими синхронными сериями

Могильники	Новинки VIII	М.Рязань Брусяны II, III	Б.Тарханы VIII-IX вв.	Кайбелы VIII-IX вв.	Танкеевский IX-XI вв.	Б.Тиганы IX-XIвв.	Зливки VIII-IX вв.
Автор исследования	Рудь, Газимзянов	Газим.	Акимова	Герасимова	Акимова	Фаттахов	Наджимов
1. Продольный диаметр	182.6(9)	178.4(11)	182.0(37)	180.2(10)	178.4(30)	181.6(7)	177.8(7)
8. Поперечный диаметр	149.0(10)	146.1(10)	147.9(38)	146.3(9)	140.6(31)	145.6(7)	147.8(9)
17. Высотный диаметр	139.0(7)	138.1(7)	137.3(32)	134.8(5)	133.6(20)	138.3(3)	136.0(6)
8:1 Черепной указатель	82.3(9)	81.3(9)	81.2(37)	81.2(9)	78.8(29)	80.3(7)	83.0(9)
5. Длина основания черепа	104.9(7)	100.0(6)	103.8(32)	103.2(5)	103.0(19)	105.0(3)	102.3(6)
9. Наименьшая ширина лба	99.1(10)	97.2(13)	98.8(41)	97.7(10)	96.2(38)	100.7(7)	95.6(9)
40. Длина основания лица	96.8(5)	97.8(6)	96.9(33)	97.2(5)	95.8(15)	101.3(3)	97.5(6)
45. Скуловой диаметр	136.3(8)	138.2(10)	138.9(39)	138.6(8)	133.2(21)	139.8(6)	137.3(8)
48. Верхняя высота лица	70.7(7)	72.9(9)	70.9(39)	72.8(10)	70.3(27)	69.0(7)	72.1(9)
51. Ширина орбиты (от mf)	42.4(9)	43.0(10)	43.5(39)	44.3(10)	42.1(30)	43.0(6)	43.5(9)
52. Высота орбиты	33.1(9)	32.2(10)	33.5(40)	32.8(10)	32.8(20)	32.3(6)	32.5(9)
55. Высота носа	52.3(7)	51.6(10)	52.3(39)	53.2(10)	52.4(28)	50.6(7)	53.3(10)
54. Ширина носа	23.9(7)	25.9(11)	25.9(40)	25.2(10)	24.7(28)	25.8(6)	26.4(10)
32. Угол профиля лба	79.4(5)	84.0(7)	83.4(37)	80.4(8)	82.9(28)	86.0(4)	83.1(8)
72. Общий лицевой угол	87.8(4)	84.2(6)	86.5(37)	87.8(8)	85.0(20)	87.0(4)	88.0(8)
75(1) Угол выступания носа	27.7(3)	22.3(8)	26.2(28)	31.6(9)	27.6(21)	31.7(3)	25.9(7)
77. Назомолярный угол	140.1(8)	145.2(12)	141.8(38)	141.9(9)	141.1(29)	143.3(7)	140.0(9)
Zm. Зигомаксиллярный угол	125.1(7)	129.3(8)	132.2(36)	129.1(9)	129.6(21)	131.8(6)	132.8(9)
SS:SC Симотич.указ.	53.1(5)	41.6(9)	48.6(29)	56.3(9)	45.9(28)	60.8(5)	52.6(7)
DS:DC Дакриальный указ.	54.3(5)	47.9(7)	53.5(17)	55.9(9)	55.9(24)	54.6(1)	58.5(7)

Продолжение таблицы 3

	г. Болгар "Четырех-угольник" X-XIIIвв. (Рудь)	Каменка VIII-IXвв. (Кондукто-рова)	Лимбарь XII-XIVвв. (Великано-ва)	"Кочевники" Башкирии IX-XIвв. (Ефимова)	Бирский V-VIIIвв. (Акимова)	Венгры Хв. (Дебец)	В.Салтово VIII-IXвв. (Алексеев)	Саркел, кочевники X-XIвв. (Гинзбург)	Саркел "Бол. курган" X-XIвв. (Гинзбург)
1.	179.2(12)	178.7(13)	181.7(7)	185.1(15)	183.3(27)	183.2(51)	185.2(51)	178.3(27)	181.4(43)
8.	146.4(12)	146.1(13)	143.2(17)	150.4(15)	140.3(28)	147.5(61)	138.8(50)	149.5(26)	142.6(42)
17.	132.6(10)	129.4(11)	135.3(15)	135.6(12)	137.2(20)	136.0(52)	135.8(23)	131.2(19)	135.5(22)
8:1	81.9(12)	81.8(13)	79.2(17)	81.4(15)	76.8(27)	80.5(51)	75.3(44)	84.4(26)	78.9(42)
5.	100.5(10)	104.4(13)	103.3(15)	104.6(11)	104.1(22)	102.9(54)	103.3(21)	100.6(19)	104.0(17)
9.	94.9(12)	99.0(15)	95.7(20)	99.1(18)	96.6(32)	97.9(70)	97.1(54)	96.1(26)	97.8(41)
40.	96.2(10)	98.8(12)	98.8(12)	100.7(11)	97.7(24)	99.4(51)	98.3(18)	97.0(16)	99.9(17)
45.	135.7(11)	135.6(13)	137.3(18)	143.6(16)	135.8(34)	138.4(75)	131.3(29)	141.3(26)	136.8(30)
48.	72.2(11)	72.4(14)	70.3(19)	73.3(15)	72.4(36)	72.5(64)	73.1(36)	74.3(27)	72.1(34)
51.	42.5(11)	41.6(15)	42.5(19)	44.2(15)	42.1(35)	42.4(65)	43.3(34)	42.0(26)	42.2(30)
52.	33.0(11)	32.8(14)	33.2(19)	32.0(15)	33.5(37)	33.0(66)	32.8(36)	34.6(27)	33.6(31)
55.	52.8(11)	52.1(15)	51.1(18)	53.3(14)	53.1(36)	-	53.4	54.1(27)	53.2(34)
54.	26.0(11)	24.9(15)	25.4(18)	26.0(14)	25.7(36)	-	25.5	26.1(26)	26.3(34)
32.	82.3(10)	80.8(14)	82.3(14)	80.6(13)	81.9(27)	82.7(51)	84.4(15)	79.8(26)	81.3(23)
72.	84.8(10)	84.7(14)	84.1(14)	87.8(10)	85.9(34)	86.8(54)	85.0(16)	86.2(25)	83.8(22)
75(1)	26.1(10)	27.4(13)	29.1(15)	27.6(10)	25.4(23)	29.1(51)	31.6(22)	28.3(24)	27.4(20)
77.	135.9(11)	137.3(15)	140.5(17)	143.2(19)	140.4(36)	139.1(59)	136.9(22)	141.9(24)	140.0(28)
Zm.	128.2(11)	128.7(13)	127.4(13)	134.1(15)	131.0(32)	128.2(60)	121.4(44)	132.2(24)	125.6(29)
SS: SC	53.4(11)	51.6(15)	58.4(17)	53.5(13)	44.5(26)	55.7(60)	52.4(28)	47.6(23)	41.0(27)
DS: DC	53.3(11)	59.8(12)	59.7(16)	61.1(11)	51.6(23)	61.1(58)	52.6(22)	54.9(25)	58.9(28)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Индивидуальные измерения черепов из раннесредневековых курганных могильников Самарского Поволжья

Могильник (курган, погребение)	Курганный могильник у д. Малая Рязань					II, III Брусянский курганный могильник										
Признаки (по Мартину)	К.1 П.1	К.1 П.2	К.3 П.2	К.3 П.3	К.3 П.5	К.14 П.3	К.17 П.2	К.1 П.1	К.16 П.6	К.14 П.5	К.14 П.1	К.12 П.1	К.13 П.1	К.2 П.2	К.16 П.2	К.14 П.2
Пол	муж	муж	муж.?	муж	жен.?	муж	муж.	муж	муж.	муж.	детск.	жен.?	жен.?	жен.	жен.	жен.
Возраст (лет)	45-55	20-30	20-22	45-55	30-40	30-40	30-40	35-45	25-30	40-50	14-16	50-60	20-30	25-35	45-55	25-30
1. Продольный диаметр	177	-	183	182.5	169	181	171?	-	-	180	175	174	-	163	173	167
8. Поперечный диаметр	137.5	-	153	144	144	144	-	-	-	-	144	140	147	135	138	147
17. Высотный диаметр	-	-	132	144.5	127	144	-	-	-	-	127	-	133	-	130	131
5. Длина основания черепа	-	-	96.5	99	94	103	-	-	-	-	91	-	-	-	96	96
9. Наименьшая ширина лба	93	101	93.5	102	101	94	101	98?	96.5	101	96	85	-	-	93	93
10. Наибольшая ширина лба	123	-	120	124.5	126	123	131	-	119	-	121	116	-	116.5	109	121
11. Ширина основания черепа	123		135	132	129	133	-	-	-	-	130	122?	131?	118	127	128?
12. Ширина затылка	109	-	115	116	109	120	110?	-	-	-	111	110	111	107	107	110
Высота изгиба лба	лбк 25.0	27.0	26.0	33.2	25.0	24.5	25.7	-	23.0	-	27.3	24.1	-	25.7	24.5	24.1
Высота изгиба затылка	изгиба	-	31.7	27.5	28.8	31.0	29.0	-	-	25.5	22.3	25.0	25.5	24.5	32.7	-

Продолжение таблицы

45. Скуловой диаметр	133	-	136	140	136.5	144	-	-	-	138?	125?	125?	-	123?	130	130
40. Длина основания лица	-	-	99	100	89	99	-	-	-	-	-	-	-	-	98	90
48. Верхняя высота лица	74	70	74	66	69	72.5?	-	-	-	79	-	-	-	-	71	65
47. Полная высота лица	122	112	125.5	112	113	125	-	-	111.5	-	-	-	-	-	-	-
Верхняя ширина лица	105	107	107	111	108	107	108	-	105	111	101.5	95	-	-	106	104
46. Средняя ширина лица	89.5	-	110	96	94	100	-	107?	95	102	-	-	-	-	94	101
60. Длина альвеол-ой дуги		-	53	55	49	-		-	47	57	-	-	-	-	54	-
61. Ширина альвеол-ой дуги	62	-	67	65	62	69	-	-	58	60	-	-	-	65	61	68
62. Длина неба	-	-	46.5	52	44	47	-	-	41	50	-	-	-	49	48	-
63. Ширина неба	-	-	40	-	42	46	-	-	39	-	-	-	-	47	40	-
55. Высота носа	54	55	51.5	48	51	49	-	-	49	55	-	-	-	-	47	48
54. Ширина носа	25	25	23	26	26.5	26	-	-	24	26	-	-	-	24.5	26	28.5
51. Ширина орбиты	42.5	44.5	41	41	41	41	-	-	44	45	-	-	-	-	42	43
52. Высота орбиты	32	33	34.5	90	-	29.5	-	-	32.5	33	-	-	-	-	35	32
77. Назомолярный угол	140	146	146	147	144	147	146	-	147	144	147	148	-	-	147	141
Zm. Зигомаксиллярный угол	129	-	131	125	130	124		-	-	134	-	-	-	-	136	131

Продолжение таблицы

SS. Симоти - ческая высота		3.7	3.5	5.5	2.7	5.5		-	3.3	3.8	-	-	-	-	1.8	5.2
SC. Симотическая ширина	9.0	8.2	8.0	12.0	11.0	10.0	-	-	9.0	9.0	-	-	-	-	7.5	13.5
DS. Дакриальная высота	-	12.3	9.8	12.0	10.0	12.2	-	-	-	-	-	-	-	-	7.8	10.0
DC. Дакриальная ширина		21.3	19.5	23.0	26.2	23.0	-	-	-	-	-	-	-	-	21.0	25.0
32. Угол лба от назиона	80	-	81	88	89	85	-	-	-	-	-	-	-	-	82	90
32. А. Угол лба от глабеллы	76	-	77	82	86	76		-	-	-	-	-	-	-	76	84
72. Общий лицевой угол	83	-	82	76	86	85	-	-	-	-	-	-	-	-	81	88
73. Средний лицевой угол	85	-	83	78	85	86	-	-	-	-	-	-	-	-	86	90
74. Угол альвеолярной части	77	-	79	67	83	83,		-	-	-	-	-	-	-	66	80
75(1) Угол выступания носа		-	16	24	26	25 гр.	-		18 гр.	26		-	-		12	19
Глубина клыковой ямки (мм)	3.7	5.9	2.5	5.0	2.8	3.2	-	-	-	6.8	-	-	-	1.3	3.8	-
Форма черепа сверху	sfen	sfen	sfer	sfen	-	[illegible]en	sfen	-	sfen	-	romb	pent	sfen	sfer	pent	-
Надпереносье (1-6)	4	3.5	1	2	1	4	4.5	-	5	5	1	2	-	3	1	1
Надбровные дуги (1-3)	2	1	1	2	1.5	2	2.5	2.5	2	2.5	1	1	-	1.5	1	1

Продолжение таблицы

Нижний край грушевидного отверстия	F.Pr.	Antr	Inf.	F.Pr.	Antr.	F.Pr.		Antr	Antr.	Antr.	-	-	-	Antr.	F.Pr.	Antr.
Передне-носовая кость (1-5)	3	5	2	4	3	3.5	-	2	-	3	-	-	-	2.5	1	2 .0
8:1 Черепной указатель	77.7	-	83.6	78.9	85.2	79.6	-	-	-	-	82.3	80.5	-	82.8	79.8	88.3
9:8 Лобный указатель	67.6	-	61.1	70.8	70.1	65.3	-	-	-	-	66.7	60.1	-	-	67.4	63.0
48:45 Верхне-лицевой указ.	55.6	-	54.4	47.1	50.5	50.3	-	-	-	57.2	-	-	-	-	54.6	50.4
54:55 Носовой указатель	46.3	45.5	44.7	54.2	51.9	53.1	-	-	48.9	47.3	-	-	-	-	55.3	59
52:51 Орбитный указатель	75.3	74.2	84.1	73.2	73.2	71.9	-	-	73.8	73.3	-	-		-	85.3	74.4
SS:SC Симотич.указ	-	45.1	43.8	45.8	24.5	55.0	-	-	35.6	42.2	-	-	-	-	24.0	38.5
DS:DC Дакриальный указ.	-	57.7	50.3	52.2	38.2	53.0	-	-	-	-	-	-	-	-	37.1	40.0

Индивидуальные измерения черепов из Новинковских I, II могильников

	II Новинковский курганный могильник																I Новинковский К-ГМ				
Признаки	К.1 п.1.	К.3 п.6		К.8. п.8	К.11. п.2	К.13. п.2	К.14. п.3.	К..14. п.5.	К.15. п.3.	К..4 п.2.	К.8. п.7.	К.8. п.8.	К.13. п.1.	К.13. п.3.	К..13 п.4.	К.14. п.5	К.9. п.11	из карьера	К.1. п.1.	К.9. п.2.	грунт погреб
пол	муж	муж	ж	муж	муж	муж	муж	муж	муж	жен	жен	жен	жен.	жен.	жен.	жен.	муж	муж.	жен	жен	жен.?
воз-раст	30	25-30	35-45	30-35	40-45	25-30	30-35	25-30	35-40	25-30	35-40	18-22	35-40	16-17	18-20	17-18	25-35	35-45	50-60	18-20	40-45
1.	192	191	-	181	181	183	177	178?	178?	182	172	162	176	172	156	-	-	182	170	-	174
8.	147	150	-	161	158	131	156	151	150	142	150	136	143	132	150	-	140?	146	143	-	138
17.	151	144?	-	141?	131	138	140	-	-	126	130	129	-	-	-	-	-	128	133	-	130
5.	108	107	-	104	102	110	103	-	-	98	98	92	-	102	-	-	-	100	99	-	98
9.	103	103	-	93	98	93	101	109	99	98	97	84	96	89	96	87	100	96	88	92	90
10.	122	118	-	128	125	113	132	126	130	117	125	113	115	109	125	111	121	122	120?	122	117
11.	126	126	-	132?	130	122	128	127	-	112	125	114	-	-	-	-	-	129	128	-	123
12.	113	112	-	-	120	112	113	114	-	110	116	99	-	-	104	-	-	115	114	-	103
изг. лба	28.0	26.0	-	25.0	23.7	17.3	33.0	27.0	-	23	28	28	-	-	-	-	25.7	24.8	31.3	27.0	27.2
изг. зат.	20.0	23.0	-	24.0	23.6	24.0	20.0	-	-	27	21	21	-	-	-	-	-	32.8	24.6	-	28.3
45.	136	135	-	-	143	134	134	135?	135	123	-	128	-	116	-	112?	-	138	133	-	130
40.	99	99	-	103	88	99	-	-	-	97	-	84	-	111	-	-	-	-	-	-	94
48.	68	67	-	-	72	69	-	77	74	60	-	65	56?	66	70	70	68	-	74	-	66.5
47.	114	115	-	-	122	-	-	126	119	108	-	106	-	-	114	111	-	-	116	-	115
43.	108	107	-	-	109	105	107	111	110	103	-	98	-	-	103	97	105	105	100	105	102
46.	94	93	-	-	85	94	-	99	100	94	-	88	-	-	-	-	98	-	94	-	92
60.	-	53	-	-	53	54	-	60	56	48	-	46	-	-	56	58	-	-	-	-	52
61.	62	63	-	-	67	60	-	67	63	64	-	62	-	63	63	61	63	-	-	-	59
62.	46	47	-	-	49	47	-	52	47	41	-	39	-	-	48	45	-	-	-	-	45
63.	48	40	-	-	43	41	-	42	40	40	-	44	-	38	41	59	42	-	-	-	38
55.	50	50	-	-	53	58	-	53	50	40	-	49	42	51	52	53	52	-	53?	-	47
54.	25	24	-	25	21	23	-	24	25	27	-	23	25	24	24	22	-	-	-	-	[illegible]
51.	41	41	-	-	43	43	43	42	44	41	-	40	42	38	41	40	42	42.5	42	41.5	41
52.	33	33	-	-	34	33	30	36	33	27	-	32	31	34	34	31	33	33	33?	32	33
77.	134	-	-	-	141	134	147	146	134	135	-	151	-	-	142	-	140	145	149	144	144
Zm.	120	120?	-	-	122	130	-	127	136	135	-	133	-	121	124	-	121	-	-	-	136

SS.	-	-	-	-	7.0	6.1	3.5	-	3.4	3.5	-	2.6	-	-	3.0	2.3	5.0	3.8	2.8	4.4	2.3
SC.	-	-	-	-	7.5	9.1	7.3	-	8.3	9.2	-	9.5	-	-	5.5	6.0	9.0	7.0	7.0	11.0	6.0
DS.	-	-	-	-	13.0	13.3	10.4	-	-	10.0	-	8.5	-	-	9.5	7.0	13.0	11.8	-	9.8	10.3
DC.	-	-	-	-	27.7	21.0	23.3	-	-	25.5	-	19.2	-	-	19.0	17.0	21.5	21.0	-	23.0	22.0
32.	84	-	-	-	74	72	-	84	-	80	-	89	-	-	-	-	83	84	-	86	-
32.A.	83	-	-	-	62	62	-	79	-	72	-	80	-	-	-	-	-	75	77	-	79
72.	87	-	-	-	90	87	-	87	-	85	-	84	-	-	-	-	-	-	-	-	88
73.	-	-	-	-	90	87	-	-	-	85	-	87	-	-	-	-	-	-	-	-	93
74.	80	-	-	-	88	75	-	-	-	-	-	75	-	-	-	-	-	-	-	-	95
75.	-	-	-	-	26	29	-	-	-	22	-	20	-	-	37	-	28?	средн	сла-бое	сре дн.	18
71.a	30	-	-	33	-	-	-	30	32	34	30	30	-	-	-	32	32	-	34	-	37
65	126	-	-	131	-	-	-	125	-	-	120	-	-	-	-	103?	-	-	125	-	108
66	108	-	-	111	-	-	-	105	-	92	110	-	-	-	-	96	-	-	99	-	-
69	32	-	-	36	35	-	-	36	31	30	33	27	-	-	-	27	33	-	31	26	32
Гл.кл	7.3	-	-	-	6.3	6.0	-	5.6	4.2	2.5	-	3.2	3.0	-	3.8	2.5	4.5	-	-	-	3.5
Ф. чер.	Ovo id	-	-	Pent	Ovo-id	Ovo-id	Pent	Sfer	Ovo-id	Pe-nt	Pe-nt	Pe-nt	Pent	-	Sfer	-	Sfer	Pent	Sfer	-	Ro-mb
Надп (1-6)	3	-	-	3.5	6	4.5	3.5	3	4	2	-	1	2	-	-	1	3	4.5	2.5	1	2.5
Н.дуг и(1-3)	2	-	-	2.5	3	2	2	2	3	1	-	1	1	-	-	1	2	2	1.5	1	2
Гр. отв.	-	-	-	F.Pr	Antr.	Antr.	-	Antr.	Antr.	F. Pr.	An tr.	F. Pr.	Inf	-	-	Antr.	An tr.	-	F.Pr	Antr	Antr.
Н. ость	-	-	-	3	5	3	-	4	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	2	4
8:1	76.6	78.5	-	88.9	87.3	71.6	88.1	84.8	84.3	78.0	87.2	83.9	81.3	76.7	96.1?	-	-	80.2	84.1	-	79.3
9:8	70.0	68.7	-	57.8	62.0	70.9	64.7	69.5	66.0	71.4	65.8	69.0	64.7	61.8	67.1	67.4	64.0	-	61.5	-	65.2
48:45	50.0	49.6	-	-	50.3	51.5	-	57.0	54.8	-	-	48.8	-	50.8	-	56.8	-	-	55.6	-	51.2
54:55	50.0	48.0	-	-	39.6	39.7	-	45.3	50.0	-	-	67.5	-	46.9	59.5	47.1	46.2	41.5	-	-	48.9
52:51	80.5	80.5	-	-	79.1	76.7	69.8	85.7	75.0	78.8	77.6	65.8	-	80.0	73.8	89.5	82.9	77.5	78.6	77.1	80.4
SS:SC	-	-	-	-	93.7	67.0	47.9	-	40.9	55.5	54.3	38.0	-	27.4	-	-	54.5	38.3	40.0	39.1	38.3
DS: DC	-	-	-	-	46.9	63.3	44.5	-	-	60.5	56.2	39.2	-	44.3	-	-	50.0	41.2	-	42.6	46.8

Ю.А.Семыкин

(г.Ульяновск)

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КУЗНЕЧНОГО ИНВЕНТАРЯ ИЗ НОВИНКОВСКОГО II МОГИЛЬНИКА

В начале 80-х годов экспедиция Куйбышевского государственного университета под руководством Г.И.Матвеевой проводила археологические раскопки Новинковского могильника на Самарской Луке – курганного некрополя раннеболгарского времени. В результате исследования памятника был получен богатый вещевой материал: лепная посуда, наборы вооружения и снаряжения конных воинов, орудия труда и украшения[1].

Анализ погребального обряда и инвентаря из могильника позволил Г.И.Матвеевой датировать памятник концом VII-VIIIвв. н.э. и связывать его происхождение на данной территории с перемещением в Среднее Поволжье каких-то групп кочевого раннеболгарского населения из степных районов Подонья, Приазовья и Крыма[2]. Новинковский могильник является к настоящему времени наиболее древним раннеболгарским памятником в Среднем Поволжье.

Наше внимание привлек кузнечный инвентарь из Новинковского могильника, который является весьма интересным источником для изучения технологии кузнечного производства у кочевых древнеболгарских племен в VII-VIII вв. н.э. как в районах их прежнего обитания, так и на Средней Волге.*

Целью настоящей статьи является изучение технологии изготовления кузнечных изделий из могильника, определение технологического арсенала, использовавшегося древнеболгарскими кузнецами в VII-VIIIвв., уровня квалификации древних мастеров, а также выяснение своеобразия и технологических особенностей исследованной коллекции.

Для решения задач по изучению древнего и средневекового кузнечного производства в настоящее время успешно применяется металлографический метод, адаптированный применительно к археологии Б.А.Колчиным[3]. Наши металлографические исследования коллекции железных предметов из Новинковского могильника проводились в кабинете археологии Ульяновского государственного педагогического института на металломикроскопе МИМ-7, бинокулярном микроскопе МБС-9 и микротвердомере ПМТ-3.

Отобранная для микроструктурного исследования коллекция кузнечной продукции Новинковского могильника состоит из 47 предметов (паспортные данные предметов даны в таблице N 2). По категориям коллекция делится на следующие группы: 1) орудия труда; 2) оружие; 3) предметы конской сбруи; 4) предметы быта.

---

*Автор выражает признательность Г.И.Матвеевой за возможность произвести металлографическое исследование кузнечной продукции из Новинковского могильника.

Орудия труда представлены двумя мотыжками, двумя фрагментами от деревообрабатывающих инструментов – скобелей, одним топором.

Из предметов вооружения в коллекции представлены: оружие дальнего боя (5 наконечников стрел); колющее оружие ближнего боя (2 наконечника копий); рубящее оружие (2 экземпляра сабель). Кроме этого, микроскопически исследованы одно перекрестие от сабли и три экземпляра колчанных крючков.

Снаряжение коня в коллекции представлено пятью экземплярами стремян, пятью экземплярами удил и одной скобой, входящей в комплект к удилам.

Из бытовых предметов были проанализированы пять ножей; два так называемых изделия с волютообразным набершием; девять различных пряжек; один стержень неопределенного назначения и один фрагмент какого-то железного предмета.

Подробный типологический анализ кузнечных изделий из Новинковского могильника – предмет особого исследования Г.И.Матвеевой. Мы же при изложении результатов анализов предметов ограничимся их общим кратким описанием.

Обзор результатов металлографических анализов нам представляется целесообразным дать по отдельным категориям предметов.

Технология изготовления орудий труда*

Две втульчатые мотыжки, изученные металлографически, – разнотипны. Экземпляр мотыжки N 6 имеет расширяющуюся кверху втулку, имеющую 2/3 общей длины орудия, и небольшое, также расширяющееся книзу лезвие (табл.1, N 6). Анализом установлено, что мотыжка была откована из высокоуглеродистой, специально приготовленной стальной заготовки, предварительно пакетованной способом кузнечной сварки. Металл чистый, хорошо прокованный. Качество проведения кузнечной сварки очень высокое. Мотыжка на заключительном этапе своего изготовления подвергалась резкой закалке на мартенсит, имеющий микротвердость 420-572-642 кг/кв.мм. Вторая мотыжка – N 46 (табл.1) имеет слегка расширенную втулку, доходящую до середины орудия, и рабочую часть со слегка расширенными плечиками. Такие мотыжки были широко распространены в степных раннесредневековых древностях. В дальнейшем аналогичные мотыжки получили широкое распространение на территории Волжской Болгарии.

Анализом установлено, что мотыжка N 46 была изготовлена в технологии пакетной сварки двух стальных и одной железной полоосы с выходом на рабочую часть наиболее богатого по содержанию углерода участка. Отмечается, что качество выполнения кузнечно-сварочных работ было средним. Микротвердость перлитовой микроструктуры на рабочей грани = 274-350 кг/кв.мм. Вероятно, здесь была применена нормализация стали.

*Номера предметов соответствуют номерам анализов в таблицах.

В исследованной коллекции оказались два фрагмента от трудноопределимых предметов (таб. 1, NN 18 и 19). Однако результаты металлографических данных позволяют предполагать, что оба фрагмента происходят от деревообрабатывающих инструментов типа скобелей. Фрагменты предметов представляют собой тонкие пластиночки со слегка загнутыми краями.

Микроскопически установлено, что предмет (скобель?) N 18 был откован из специально приготовленной высокоуглеродистой стальной заготовки. Микротвердость незакаленной перлитовой структуры составляет 297-322 кг/кв.мм.

Второй предмет (скобель?) N 19 был изготовлен в технологии пакетования высокоуглеродистых стальных, неравномерно науглероженных железо-стальных пластин. Инструмент прошел закалку в холодной воде на мартенсит. Его микротвердость составляет 572-824 кг/кв.мм. Качество выполнения сварочных работ – высокое. Нам представляется, что применение высокоуглеродистых стальных заготовок для отковки данных предметов, да еще с закалкой на мартенсит, может свидетельствовать об использовании данных предметов в качестве режущих инструментов, вероятнее всего – скобелей.

Топор N 3 (табл. 1) клиновидный, с округлыми щековицами и молотковидным обушком, по данным металлографии, был откован из заготовки, пакетованной способом кузнечной сварки из пяти полос кричного железа, сильно засоренных шлаковыми включениями. Микротвердость феррита = 206 кг/кв.мм. Кузнечная сварка была проведена качественно, а заключительный этап ковки проводился при пониженной температуре и в интенсивном темпе.

Технология изготовления предметов вооружения

Исследованные металлографически черешковые наконечники стрел разнотипны. Наконечник N 34 (рис.1) – с раздвоенным ударным концом – типа срезень. Наконечник NN 10 и 35 сохранились фрагментарно (таб.1). Их современный облик – трехгранные, сильно коррозированные, но в оригинале, вероятно, они были трехлопастными. В результате коррозии лопасти у них отвалились. Два наконечника – NN 8 и 9 – трехлопастные.

Микроструктурный анализ показал, что наконечник N 34 типа срезень был откован из равномерноуглеродистой (процементованной) стальной заготовки. Микротвердость феррито-перлитовой микроструктуры – 236-297-322 кг/кв.мм.

Два трехлопастных наконечника – NN 8 и 9 – оказались изготовленными из обыкновенного кричного железа, мелкозернистого, довольно хорошо прокованного. Микротвердость ферритовой микроструктуры составляет 135-170 (ан N 8) и 193 кг/кв.мм (ан. N 9).

Наконечник №10 был целиком откован из стальной процементованной заготовки. Микротвердость высокоуглеродистой стальной феррито-перлитовой микроструктуры = 274-350 кг/мм^2.

Анализ показал, что наконечник N 35 изготовлен из кричного железа, сильно засоренного шлаковыми включениями. Затем наконечник подвергся поверхностной цементации. Микротвердость мелкозернистого феррита = 151-181 кг/кв.мм, а феррито-перлитовой микроструктуры – 193-206 кг/кв.мм.

Втульчатый, ромбовидного сечения наконечник N 40 (рис.1) был откован из специально приготовленной заготовки, сваренной, в свою очередь, из двух брусков: 1) стального высокоуглеродистого и 2) неравномерно науглероженной сырцовой стали. Микротвердость стальной перлитовой микроструктуры здесь составляет 206-383 кг/кв.мм, а ферритовой полосы с незначительными включениями перлитовых участков – 135-151 кг/кв.мм. Кузнечная сварка на данном экземпляре копья была выполнена не совсем удачно, сварочный шов забит шлаками.

Другое копье – N 41 (рис.1) – четырехгранное, втульчатое, ромбовидного сечения по результатам анализа также было отковано из нескольких специально науглероженных (процементированных) железных заготовок, соединенных способом кузнечной сварки. Кузнец сознательно вывел на боевую грань копья наиболее богатый углеродом участок. Микротвердость феррито-перлитовой высокоуглеродистой микроструктуры = 254-274 кг/мм^2. Кузнечная сварка и на этом копье выполнена некачественно.

Интересны результаты микроструктурного исследования двух сабель из могильника. Сабля № 45 (рис. 1) имеет почти прямой однолезвийный клинок, брусковидное навершие и прямую рукоятку. Сабля N 29 (таб.1) имеет слабо изогнутый клинок, рукоять, слегка скошенную в сторону лезвия, и перекрестие с ромбовидным расширением в середине.

С сабли N 29 было спилено два шлифа – 29а – с режущей грани лезвия, 29б – со спинки лезвия. С сабли N 45 выпил был сделан только с режущей грани у рукояти.

Анализом установлено, что клинок сабли N 29 был откован из обыкновенного кричного железа, изначально сильно засоренного шлаковыми и неметаллическими включениями. Затем клинок сабли подвергся цементации режущей грани и одной из сторон лезвия. Последней кузнечной операцией при изготовлении этой сабли была резкая закалка в холодной воде, отчего на кончике лезвия образовалась мартенситовая закаленная микроструктура с микротвердостью 824 кг/кв.мм. Остальную же часть шлифа занимает структура кричного мелкозернистого железа и незакаленной стали. Микротвердость их составила соответственно 193 и 221-287 кг/кв.мм.

Иной оказалась технологическая схема сабли N 45. Ее лезвие было отковано из неравномерно науглероженной заготовки сырцовой стали. На режущую грань клинка и по его бокам выходит зона мелко- и среднезернистого феррита с микротвердостью 143-160-170 кг/кв.мм. А в центре клинка наблюдается зона феррито-перлитовой стальной микроструктуры с микротвердостью 181 кг/кв.мм.

Из-за мягкости металла на режущей грани эта сабля обладала невысокими боевыми качествами. Правда, не исключено, что место для выпила шлифа рядом

с перекрестием рукояти было выбрано нами неудачно, и специальная технология, улучшающая боевые качества сабли, сохранилась на других участках клинка сабли.

Металлографический анализ перекрестия от сабли (ан.N 33, рис.1) показал, что оно было отковано из обычного кричного железа с неравномерным размером ферритного зерна и микротвердостью 206 кг/кв.мм. При его изготовлении кузнец применил операцию кузнечной сварки и осуществил ее довольно умело. Сварочный шов чистый, хорошего качества. Но заключительный этап ковки проведен был при повышенной температуре, о чем свидетельствует увеличенный местами размер ферритных зерен.

К различным типам относятся исследованные микроструктурно колчанные крючки из Новинковского могильника (рис.1, NN 16, 25, 27).

У одного из них (N 27) петля для продевания ремешка сформована перегибом и кузнечной сваркой одного из концов. У двух других эти части предмета были, судя по всему, пробиты на расплющенной пластине (NN 16 и 25). У крючка N 25 шишечкообразное окончание крючка было окончательно изготовлено опиловкой напильником.

Металлографически установлено, что для изготовления колчанных крючков были использованы заготовки металла различного качества в отношении шлаковых включений. Крючок N 27 откован из сильно засоренного металла, металл крючка N 25 средней степени чистоты, а для крючка N 16 использована хорошо прокованная, чистая заготовка.

Колчанные крючки NN 25 и 27 изготовлены из неравномерно науглероженной мягкой сырцовой стали. Микротвердость феррита на них составляет 170-181 кг/кв.мм, а микротвердость феррито-перлита колеблется в пределах 206-221- и до 322 кг/кв.мм. А колчанный крючок N 16 оказался откованным из стальной, насквозь процементованной заготовки с микротвердостью феррито-перлита 206-236 кг/кв.мм.

Технология изготовления предметов конского снаряжения

Металлографически изученные предметы конского снаряжения разнотипны. Два стремени (NN 4 и 5, рис.2) имеют арочную форму с расплющенным и сомкнутым верхом. Широкая подножка у стремян вогнута внутрь. Три других стремени (NN 14, 15 и 39, рис.2) имеют полуовальную форму и расплющенную подножку. Рамка с петлей для прикрепления ремня в верхней части стремян выкована из одной заготовки с самим стременем и имеет подпрямоугольную форму.

Анализами установлено, что все пять экземпляров стремян откованы из обычного кричного мелкозернистого железа различной степени чистоты в отношении шлаковых и неметаллических включений. Микротвердость ферритовой микроструктуры на шлифах колеблется от 135 до 170-181 кг/кв.мм^2. Только на стремени N 4 отмечена необычно высокая для феррита микротвердость

– 274 кг/кв.мм^2, что могло быть следствием повышенного содержания в железе фосфора.

На двух экземплярах стремян – NN 14 и 39 – наблюдаются следы науглероженности, произошедшей, вероятно, непреднамеренно в результате кузнечного нагрева при контакте с углеродом древесного угля в горне. На внешних участках шлифов с этих стремян наблюдается перлитовая микроструктура с эвтектоидной концентрацией углерода. Микротвердость перлита составляет здесь 206-322-350 кг/кв.мм.

Исследованные структурно удила относятся к следующим типам:

1) двусоставные с неподвижными кольцами (рис.2, NN 42, 43);

2) двусоставные с двойными кольцами (таб.2, NN 1, 37);

3) двусоставные с изогнутыми S-овидными псалиями (рис.2, N 2).

Шлифы с удил выпиливались преимущественно с тех участков, где можно было ожидать обнаружения следов кузнечной сварки.

Установлено, что для поковки удил использовалось обычное кричное железо и сырцовая малоуглеродистая сталь. Три отдельных экземпляра удил NN 37, 42, 43 – выкованы из металла, сильно засоренного шлаковыми и неметаллическими включениями. На удилах N 2 металл средней степени чистоты, а экземпляр удил N 1 изготовлен из очень чистого, хорошо прокованного металла. На всех пяти удилах наблюдается мелкозернистая ферритная микроструктура с микротвердостью 154-160-221 кг/кв.мм.

На шлифах с удил NN 1, 2, 37 наблюдаются участки феррито-перлитовой микроструктуры с микротвердостью 181-221-254 кг/кв.мм. Это, вероятно, результат науглероживания кричного железа в горне в процессе его восстановления.

А вот участки феррито-перлитовой микроструктуры по краям шлифов с удил N 24 и 43 с микротвердостью 274-350 кг/кв.мм, скорее всего, являются следами цементации грызел, которая могла быть применена вполне целенаправленно для предохранения изделий от преждевременного износа.

Как и предполагалось, на двух шлифах с удил NN 42 и 43 выявлены сварочные швы. В обоих случаях отмечено высокое качество выполнения сварочных работ.

Кроме этого, проанализирована микроструктурно одна железная скоба, входившая в комплект к удилам N 37 (рис.2, N 38). Она была откована из кричного железа с незначительными включениями участков феррито-перлитовой микроструктуры. Мелкозернистый феррит имеет микротвердость 221-254 кг/кв.мм. На заключительном этапе ковка велась при пониженной температуре и весьма интенсивно

Металлическое кольцо N 31 (рис.2), которое могло быть принадлежностью уздечного набора, также оказалось откованным из сильно засоренного шлаками и включениями кричного железа с повышенной микротвердостью = 221-254 кг/кв.мм.

Металлографически изученные ножи из Новинковского могильника относятся к различным типологическим группам. Экземпляры NN 12 и 20 (рис.1) – ножи с прямой спинкой, изогнутым лезвием и плавным, без уступчика, переходом от лезвия к черешку. Правда, на ноже N 12 плавный переход в верхней части ножа сочетается с уступчиком в нижней части, у лезвия. Нож N 21 со слегка опущенной вниз спинкой, изогнутым лезвием и резким переходом от лезвия к черешку. Нож N 14 с прямой спинкой, изогнутым лезвием и специальным пояском, приваренным на лезвии на границе с черешком. Фрагмент ножа N 13 (рис.1) сохранил только один типообразующий признак – резкий, уступчатый переход от спинки к черешку.

Анализы свидетельствуют, что ножи из Новинковского могильника были изготовлены с применением трех технологических схем:

1) цельножелезные;
2) цельностальные;
3) из пакетованных заготовок.

Нож N 13 изготовлен был из обычного кричного железа, значительно засоренного шлаками. Микротвердость мелкозернистого феррита составляет здесь 193-235 кг/кв.мм. При его ковке кузнец применил операцию кузнечной сварки однородного металла и осуществил ее довольно качественно. На заключительном этапе ковка велась интенсивно при пониженном температурном режиме.

Нельзя, однако, утверждать безоговорочно, что на ноже N 13 не была применена какая-то другая технология, улучшающая его эксплуатационные качества, так как сильная сточенность лезвия ножа и его фрагментарная сохранность могли эту технологию и уничтожить.

Анализ показал, что нож N 20 целиком был откован из специально приготовленной, высокоуглеродистой стальной заготовки. Металл ножа хорошо прокован и закален на мартенсит с микротвердостью 946 кг/кв.мм (на острие ножа). А в центре и у спинки лезвия микротвердость мартенсита понижается от 624 до 464 кг/кв.мм.

Ножи NN 12, 21 и 44 изготовлены в технологии пакетования заготовок. На ноже N 12 заготовка была приготовлена сваркой воедино стальных сырцовых, малоуглеродных, высокоуглеродистых стальных, а также железных полос металла. При этом кузнечная сварка была выполнена некачественно, сварочные швы грубые и забитые шлаками. Микротвердость ферритовых участков 192 кг/кв.мм, а незакаленной перлитовой микроструктуры – 297 кг/кв.мм.

Лезвие ножа подвергалось резкой локальной закалке, и на участке, приближающемся к его режущей грани, наблюдается мартенситовая микроструктура с микротвердостью 464-514 кг/кв.мм. При закалочном нагреве ножа и во время его ковки мастер допустил перегрев изделия, отчего произошло

обезуглероживание его режущей грани. Микротвердость ферритовой микроструктуры здесь составляет 274 кг/кв.мм.

При изготовлении ножа N 21 кузнец сварил воедино пять полосок металла - железных и из мягкой сырцовой стали. Микротвердость феррито-перлитовой микроструктуры – 236-254 кг/кв.мм. Качество выполнения кузнечной сварки – среднее.

На ноже N 44 был прослежен образец классической технологии пакетного металла. При его изготовлении кузнец воедино сварил пять железных, сильно засоренных шлаками и неметаллическими включениями полос металла, и пять высокоуглеродистых, вероятно, специально приготовленных цементацией стальных пластинок. Микротвердость феррита и феррито-перлита в них составляет 206-297 кг/кв.мм, а ближе к острию прослеживается сорбитовая закаленная микроструктура с микротвердостью 350-383 кг/кв.мм. Однако, качество выполнения кузнечно-сварочных работ неудовлетворительное, сварочные швы забиты шлаками.

Металлографически исследованы два так называемых ножа с волютообразным навершием. Анализ показал, что эти "ножи" были откованы с применением различных технологических схем. Нож N 11 (таб.1) откован в технологии пакетного металла. Заготовку кузнец сварил из двух сильноуглеродистых и трех малоуглеродистых полос металла. Микротвердость феррито-перлитовой микроструктуры на них 206-221 кг/кв.мм. Металл на ноже чистый, хорошо прокованный. Однако кузнечная сварка была выполнена неумело.

Другой экземпляр такого же "ножа" – N 22 (таб.1), по данным анализа, целиком был откован из высокоуглеродистой стальной заготовки, хорошо прокованной и чистой от включений шлаков. Микротвердость стальной перлитовой микроструктуры равна 221-322 кг/кв.мм.

Разнотипны исследованные металлографически пряжки. Среди них есть экземпляры рамочно-трапециевидной формы (таб.1, N 17,24,37), прямоугольной (таб.1, N 23,28,30,32) и овальной (таб.1, N26).

На шлифах с пряжек Новинковского могильника анализами выявлены три технологические схемы.

Пряжка N 28 была откована из кричного железа с большим количеством шлаков и неметаллических включений. На фоне плохотравящегося феррита с повышенной микротвердостью (до 274 кг/кв.мм) наблюдаются игольчатые включения нитридов железа (Fe_4N).

Из мягкой сырцовой стали откованы пряжки NN 23 и 26. А пряжка N 17 была откована из сильно засоренного шлаками кричного железа. Микротвердость феррито-перлитных участков = 193-297 кг/кв.мм. На пряжке N 17 в результате, очевидно, охлаждения предмета в теплой воде образовалась сорбитовая микроструктура с микротвердостью 350 кг/кв.мм.

Две пряжки – NN 24 и 32 – были откованы из сильно засоренных шлаковыми и немсталлическими включениями стальных заготовок. Микротвердость зернистого и пластинчатого составляет 254-274-322 кг/кв.мм.

И последний исследованный металлографически предмет из коллекции Новинковского могильника – это четырехгранный стержень с загнутым окончанием (таб.1, N 7). Анализ свидетельствует, что стержень был откован из мягкой сырцовой стали с микротвердостью феррито-перлитовых участков 274 кг/кв.мм.

На основе обзора результатов металлографического исследования коллекции кузнечного инвентаря из Новинковского могильника можно сделать следующие выводы.

Черный металл Новинковской коллекции характеризуется в своей основе значительной засоренностью шлаковыми и неметаллическими включениями. При этом такой изначально засоренный металл отмечается как на несложных изделиях (пряжки, кольца, стержни, удила), так и на продукции кузнецов, требующей высокого качества исполнения (топор, ножи, сабли, мотыжки). В процентном отношении сильно засоренный металл составляет 51%. На 31,9% изделий определен металл средней степени чистоты, а на 17% изделий металл чистый, хорошо прокованный. В одном случае отмечено присутствие в металле нитридов железа, что, вероятно, связано с особенностями металлургического процесса восстановления железа.

Основная масса кузнечной продукции из Новинковского могильника (60%) была изготовлена из обычного кричного железа и мягкой сырцовой стали. Из такого мягкого металла изготовлены в преобладающем большинстве изделия, к которым не предъявлялись повышенные эксплуатационные требования (удила, пряжки, стремена и т.д.). Исключение составляют два наконечника стрел и сабля, на которых не выявлены следы специальной технологии. Это может быть свидетельством недостаточно высокой квалификации кузнецов, изготовивших данные изделия.

Что касается специальных технологий, улучшающих эксплуатационные свойства изделий, то в Новинковской коллекции чаще всего встречаются цельностальные изделия (19,15%). При этом наблюдается сознательное использование стальных заготовок для изготовления качественных изделий кузнечного производства. Из пяти наконечников стрел два изготовлены из стальных пластин. Из таких же заготовок откованы скобель, хозяйственный нож и "нож" с волютообразным навершием. А использование качественной стали для ковки колчанного крючка и пряжек, вероятно, следует рассматривать как факт случайный, когда кузнец мог перепутать заготовки металла.

На втором месте по частоте встречаемости в Новинковской коллекции черного металла идет технология пакетного металла (14,9%). Как свидетельствуют результаты металлографического анализа, в этой технологии были откованы исключительно только качественные орудия: три ножа из пяти, один "нож" с волютообразным навершием, один скобель из двух и обе мотыжки. К этой же технологической группе примыкает и топор, изготовленный в технологии пакетования железных полос, а не железных и стальных, как это принято в технологии классического пакета. Использование только железных

полос заготовок для изготовления топора из Новинковской коллекции, конечно, значительно снижало его эксплуатационные характеристики.

На третьем месте по частоте встречаемости стоит технология цементации (8,51%). Использование этой технологии кузнецами Новинковской коллекции было мало распространено и не носило строго дифференцированного характера по отношению к определенным категориям предметов. Из четырех цементованных изделий только для сабли применение цементации лезвия было оправдано и кардинально улучшало ее качество. А для удил и пряжки цементация в сущности была не обязательна.

Реже всего в Новинковской коллекции встречается технологическая схема изготовления предметов способом кузнечной сварки из двух стальных полос (4,25%). Но эта технология не носила строго дифференцированного применения и отмечена только на наконечниках копий.

Мастера Новинковского кузнечного комплекса были хорошо знакомы с операцией термической закалки стали, но применяли ее крайне редко. Из 22 изделий, содержащих сталь, закалены только 6 изделий. Но закалке были подвергнуты только исключительно орудия труда и оружие. При этом предпочтение отдавалось резкой закалке на мартенсит, а мягкая закалка отмечена только в одном случае. В одном случае наблюдается термическая операция нормализации.

Прослежено, что недостаток в твердых закаленных изделиях кузнецы новинковской кузнечной коллекции стремились компенсировать за счет получения мелкозернистой структуры железа на большинстве изделий, что достигалось за счет интенсивной ковки при пониженной температуре на заключительном этапе работы. Этот факт не случаен и свидетельствует об эмпирическом овладении кузнецами тонкостями кузнечной технологии.

Другая важнейшая технологическая операция – кузнечная сварка – также была хорошо известна мастерам Новинковского кузнечного комплекса. И в большинстве случаев эту операцию кузнецы выполняли на среднем и высоком качественном уровне (в 6 случаях из 11). Только в 5 случаях кузнечная сварка выполнена неумело.

Такова обобщенная технологическая характеристика кузнечной коллекции из Новинковского могильника.

К настоящему времени в лабораториях металлографии ИА РАН и кабинета археологии УГПИ проведены исследования коллекций железных изделий из памятников салтово-маяцкой культуры Приазовья, Подонья[4], а также из памятников раннеболгарского времени Среднего Поволжья (Танкеевский могильник)[5]. Кроме того, исследован и опубликован материал по технологии кузнечной продукции именьковской и древнемордовской культур, хронологически близких к Новинковскому могильнику[6]. На этом фоне представляется возможность провести сравнение кузнечной технологии новинковского черного металла с салтовской, именьковской и древнемордовской.

Результаты этого сравнения выглядят так. Кузнечное ремесло ранних болгар на Средней Волге в VII-VIIIвв. значительно отличалось по технологическим особенностям от кузнечной железообработки племен именьковской культуры, занимавшей территорию Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья до прихода сюда ранних болгар. Так, именьковские кузнецы, по данным исследований Л.С.Хомутовой и П.Н.Старостина, практически не применяли технологию пакетования заготовок и цементацию рабочих частей готовых орудий, которые использовались раннеболгарскими мастерами. В свою очередь кузнецы раннеболгарской культуры на Средней Волге, судя по данным новинковской коллекции кузнечных изделий, не применяли технологию трехслойного пакета, известную именьковским мастерам. Близость между именьковским и раннеболгарским кузнечными ремеслами наблюдается только в том, что и те и другие значительную часть изделий ковали из сильно засоренных шлаковыми включениями кричного железа и сырцовой малоуглеродистой стали. В обеих культурах часто использовалась термическая обработка стали.

Сравнение технологии новинковской коллекции железных изделий с результатами исследований кузнечного ремесла салтово-маяцкой культуры, проведенных М.М.Толмачевой, обнаруживает между ними много общих черт, которые, вероятно, объясняются этнокультурной близостью населения, погребенного в Новинковском могильнике, с населением салтово-маяцкой культуры. И салтовцы, и новинковцы активно ковали цельностальные изделия. Как у салтовцев на Правобережном Цимлянском городище, так и у новинковцев для изготовления ножей и мотыжек очень активно применялись пакетованные заготовки. Однако отметим, что на Правобережном Цимлянском городище выявлен и более прогрессивный набор технологических приемов, связанный с активным использованием сварных железо-стальных конструкций.

Сравнение кузнечной технологии Новинковского могильника и древнемордовских памятников позволяет отметить, что между ними сходных, родственных черт было больше, чем между именьковской и древнемордовской железообработкой. Древнемордовская культура, находясь в сфере экономического влияния Хазарского каганата, вероятно, испытывала на себе и некоторое его технологическое влияние, хотя, по результатам М.М.Толмачевой, оно не прослеживается[7]

В нашем распоряжении имеются результаты металлографических анализов кузнечных изделий из Танкеевского могильника – некрополя ранних болгар на Средней Волге IX - первой половины Хвв. Сравнение технологического арсенала новинковской и танкеевской коллекций черного металла показывает, что в Танкеевском могильнике доля изделий, откованных из кричного железа и сырцовой малоуглеродистой стали, снижается. Но основная масса качественных изделий по прежнему ковалась из цельностальных процементованных заготовок. Этот факт, по нашим представлениям, отражает преемственность в развитии технологических традиций в кузнечном производстве складывающегося государства Волжская Болгария с эпохи ранних болгар на Волге. В то же время

в Танкеевском могильнике встречаются изделия, откованные по прогрессивным технологическим схемам с использованием вварных и наварных стальных лезвий на железную основу. В Танкеевском могильнике значительно увеличивается и доля термически обработанных изделий.

В целом сравнение кузнечной металлообработки ранних болгар VII - VIII вв. и IX первой половины Хвв. свидетельствует о явном прогрессе этого важнейшего ремесла.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев, 1986. С.153-161.

[2]Матвеева Г.И. Там же. С.157.

[3]Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. N 32. М. 1953.

[4]Толмачева М.М. Кузнечная обработка в лесостепном регионе Восточной Европы в конце I тыс. н.э. // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тезисы докладов. Суздаль, 1987. С.254-256; Толмачева М.М. Кузнечное ремесло салтово-маяцкой культуры по материалам Правобережного Цимлянского городища // Ранние болгары в Восточной Европе: Тезисы докладов. Казань, 1988. С.12-13.

[5]Семыкин Ю.А. Некоторые результаты металлографического анализа кузнечных изделий из Танкеевского могильника // Ранние болгары в Восточной Европе: Тезисы докладов. Казань, 1988. С.12; Семыкин Ю.А. Отчет о металлографическом исследовании кузнечных изделий из Танкеевского могильника / архив кабинета археологии УГПИ.

[6]Старостин П.Н., Хомутова Л.С. Железообработка у племен именьковской культуры // СА. 1981. N 3.

[7]Толмачева М.М. Кузнечная обработка в лесостепном регионе Восточной Европы... С.256.

Таблица 1 Технологические схемы кузнечных изделий из Новинковского могильника

		Технологические схемы							
N	Категории предметов								
1	Ножи	13			20	12,21,44			12,20
2	Топоры						3		
3	Мотыжки					6, 46			6,46
4	Скобели				18	19			18,19
5	Стрелы	8,9		35	10,34				
6	Наконечники копий							40,41	
7	Сабли		45	29					29
8	Перекрестия от сабель	33							
9	Колчанные крючки		25,27		16				

10	"Ножи" с волютообразным навершием				22	11			
11	Удила		1,2,37	42,43					
12	Стремена	4,5,15,39	14						
13	Кольца от удил	31							
14	Скобы от удил	38							
15	Пряжки	28,30	17,23, 26,36		32,24				
16	Фрагмент железа				47				
17	Стержень	7							
	ВСЕГО:	13	11	4	9	7	1	2	7
	в %	27,6	23,4	8,51	19,15	14,9	2,13	4,25	14,9

- железо ; - сталь; - закалённая сталь.

Таблица 2. Паспортные данные кузнечных изделий из Новинковского могильника, подвергнутых металлографическому анализу

NN	Категория предмета	Паспортные данные
1	удила	
2	удила	
3	топор	курган 8, погреб.5
4	стремя	курган 14, погреб.4
5	стремя	курган 14, погреб.4
6	мотыжка	подъем.материал
7	стержень	курган 23, насыпь
8	наконечник	курган 19, насыпь
	стрелы	
9	наконечник	курган 19, насыпь
	стрелы	
10	наконечник	курган 19, насыпь
	стрелы	
11	"нож" с волютообразным навершием	курган 8, погреб.2
12	нож	курган 24, погреб.5
13	фрагмент ножа	курган 15, погреб.7
14	стремя	курган 8, погреб.5
15	стремя	курган 8, погреб.5
16	колчанный крючок	курган 14, погреб.3
17	пряжка	курган 13, погреб.3
18	скобель (?)	курган 24, погреб.6
19	скобель (?)	курган 14, погреб.3
20	нож	курган 24, погреб.3
21	нож	курган 14, погреб.3
22	"нож" с волютообразным навершием	курган 14, погреб.5
23	пряжка	курган 24, насыпь

24	пряжка	курган 13, погреб.2
25	колчанный крючок	курган 24, погреб.6
26	пряжка	курган 23, насыпь
27	колчанный крючок	курган 14, погреб.3
28	пряжка	курган 13, погреб.2
29	сабля	
30	пряжка	курган 13, погреб.2
31	кольцо от удил	курган 13, погреб.2
32	пряжка	курган 13, погреб.5
33	перекрестие от сабли	курган 24, погреб.5
34	наконечник стрелы	курган 13, погреб.2
35	наконечник стрелы	курган 13, погреб.2
36	пряжка	курган 15, погреб.6
37	удила	
38	скоба	
39	стремя	курган 13, погреб.2
40	наконечник копья	подъем.материал
41	наконечник копья	курган 4, насыпь
42	удила	курган 8, погреб.5
43	удила	курган 13, погреб.2
44	нож	
45	сабля	курган 13, погреб.2
46	мотыжка	курган 8, погреб.5
47	фрагмент железа	курган 19, насыпь

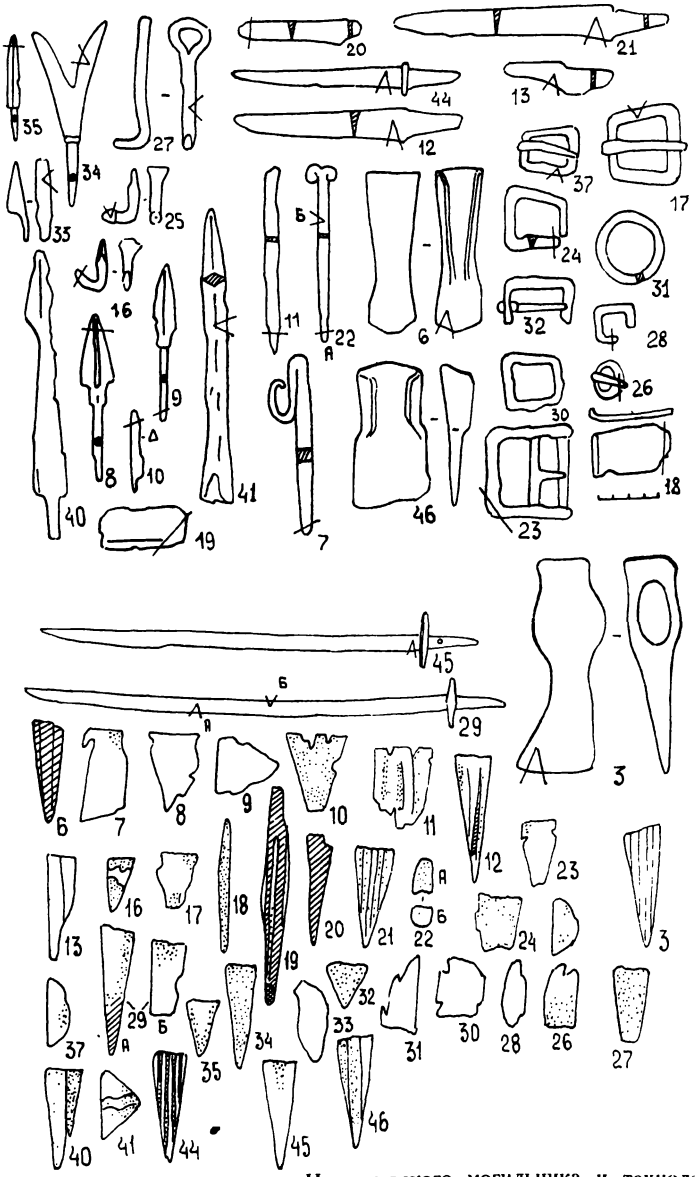


Рис. 1. Кузнечные изделия из Новинковского могильника и технол схемы их изготовления

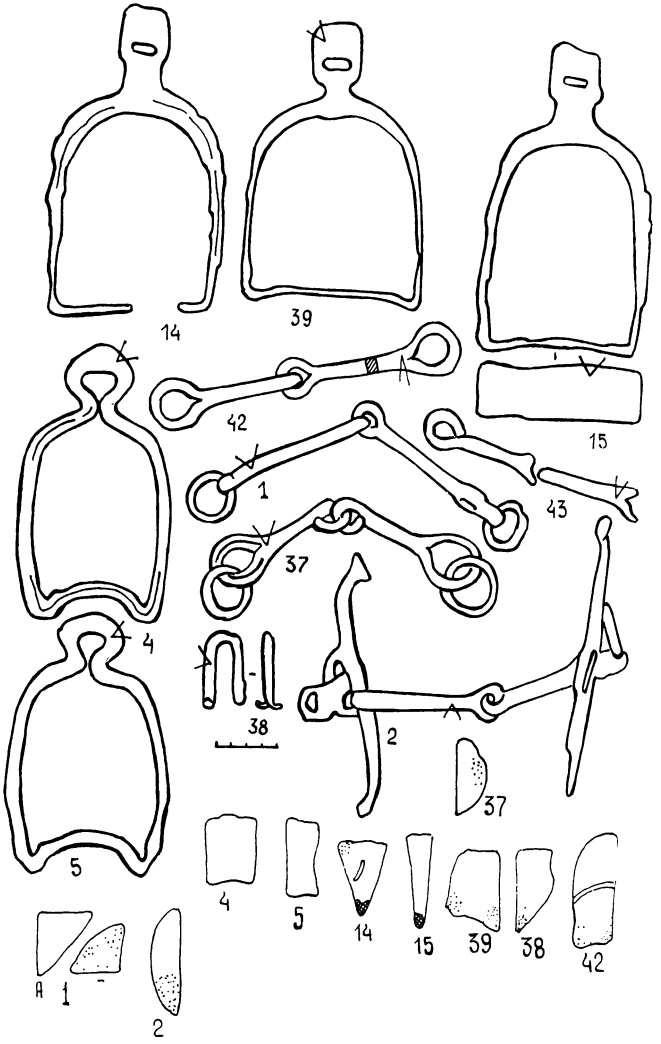
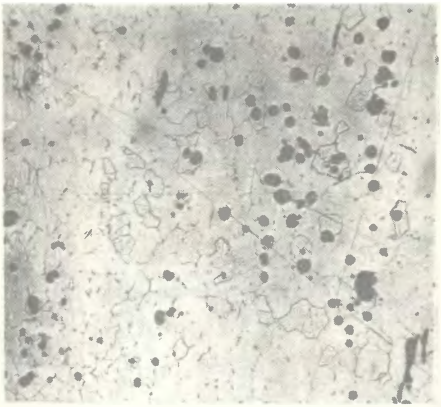
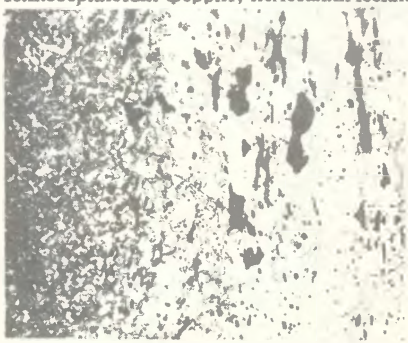


Рис. 2. Кузнечные изделия из Новинковского могильника и технологические схемы их изготовления



1 - ан. №31. Мелкозернистый феррит, неметаллические включения, х-125



2 - ан. №12. Феррит, шлаки, перлит, х-125

3 - ан. №12. Пакетный металл, х-125

Рис. 3. Микроструктуры кузнечных изделий из Новинковского месторождения

4

5

Рис. 4. Микроструктуры заполненной стали с кузнечных изделий Новинковского могильника:

4 - ан. № 29. Крупноигольчатый мартенсит, шлак, х-250

5 - ан. № 12. Мелкодисперсный мартенсит, шлаки, х-300

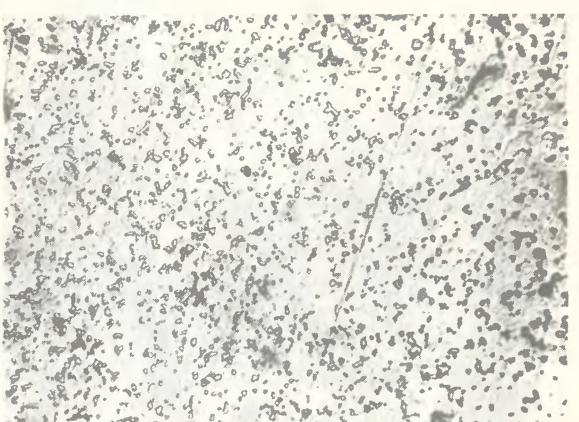
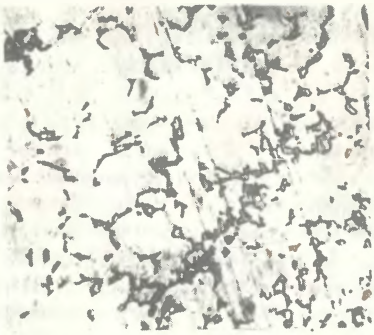


Рис. № 5. Феррито-перлитовые микроструктуры кузнечных изделий из Новинковского могильника:

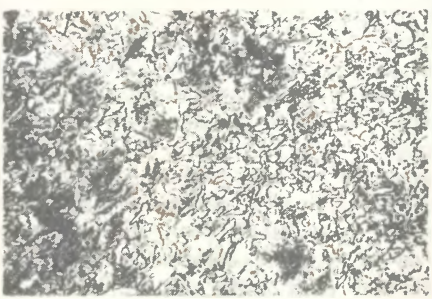
6 - ан. № 27. Пластинчатый перлит на фоне феррита, х-250

7 - ан. № 26. Зернистый перлит на фоне феррита. х-250



8

9



10

Рис. 6. Феррито-перлитовые микроструктуры кузнечных изделий из Новинковского могильника: 8 - ан. № 22А, х-250; 9 - ан. № 16, х-125; 10 - ан. № 17, х-250

А.З.Винников, А.Т.Синюк, М.В.Цыбин

(г.Воронеж)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ С ПОСЕЛЕНИЯ "ДРОНИХА"

Памятники донских славян конца I тыс. н.э. в настоящее время сравнительно хорошо изучены на Среднем Дону и на р.Воронеже[1], но они совершенно неизвестны в более восточных районах бассейна Дона. Поэтому открытие в урочище "Дрониха" у с.Старая Тишанка Таловского района Воронежской области на поселении, известном как памятник неолитической эпохи[2], исследовавшемся экспедицией ВГПИ (рук. А.Т.Синюк), материалов конца I тыс. н.э., а также древнерусского периода (XIII XIV вв.) представляет значительный интерес для освещения истории населения пограничных восточных и юго-восточных районов Руси в эпоху средневековья.

Поселение "Дрониха" занимает южную часть надпойменной террасы левого берега р Битюг (рис.1 1)

К концу I тыс н.э. относятся три полуземляночные постройки[3] (рис.1.3).

Постройка 1 (рис.2 1) почти прямоугольной формы размером 3,5 х 3,8 м, углублена в материк на 0,4 0,5 м. Длинной осью ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Материковый пол котлована почти по всей площади покрыт довольно плотным угольным слоем толщиной 6-8 см, являвшимся остатками деревянного пола. В южной части котлована зафиксированы остатки печи, которая была сооружена из глиняных вальков размером 3-4 х 5-7 х 10-14 см. Очажное углубление представляло собой яму округлой формы размером 0,55-0,6 м, углубленную в материк на 0,2 м. Заполнена она обожженной глиной, золой. Стенки прокалены. В заполнении печи обнаружена славянская лепная керамика последних веков I тыс. н.э. (рис.2.2). Здесь же найдено каменное точило и кусочек бронзы. На полу котлована у юго-восточной стены найден кусок железного шлака. В отдельных местах у стен прослежены углисто-зольные прослойки – остатки деревянной облицовки стен. У северо-восточной стены в полу расчищена хозяйственная яма диаметром 0,5 м, глубиной 0,55 м.

Постройка 2 (рис.2.10) имеет почти квадратную форму 3,3х3,3 м. В материк углублена на 0,17-0,2 м. В северном углу котлована выявлены остатки отопительного устройства, представлявшего собой яму диаметром 1,35 м. углубленную в материковый пол постройки на 0,32 м. Пол и стенки ямы обмазаны обожженной глиной. Она заполнена чередующимися прослойками обожженной глины, золы, угля. Сверху яма перекрыта площадкой обожженной глины высотой 0,4 м, на которой находились камни со следами сильной прокаленности. Эта площадка, вероятно, связана с конструкцией свода печи. В юго-восточном углу постройки на полу лежал лепной сосуд (рис.2.12). Внешняя поверхность его желтого цвета, в тесте примесь песка. Сосуд имеет приземистое

тулово, резко отогнутую шейку, не орнаментирован. Рядом с ним находилось железное орудие труда (рис.2.11).

Постройка 3 (рис.2.13). Котлован постройки выкопан в почвенном слое на 0,5-0,55 м. В материк постройка не углублена. Размеры ее 3,7 х 4 м. В северной части котлована выявлены остатки печи округлой формы. Верхняя ее часть на высоту 0,16 м сложена из глиняных вальков и глины. Нижняя часть печи углублена в материк на 0,25 м, диаметр углубления около 1,5 м. В заполнении печи обнаружена лепная славянская керамика (рис.2.16). Такая же керамика найдена на полу постройки (рис.2.14,15).

Выявленные три полуземляночные постройки обладают некоторыми общими чертами: сравнительно небольшой площадью; срубным характером деревянных конструкций; однотипностью отопительных сооружений; наличием лепной керамики, датируемой в рамках IX - X вв.

К поселению конца I тыс. н.э. относятся и несколько хозяйственных ям, в заполнении которых находилась лепная керамика, аналогичная обнаруженной в описанных выше постройках. Размеры ям 0,7 1,18 м, глубина материкового основания 0,15-0,55 м.

В культурном слое и в постройках встречена небольшая, но довольно интересная коллекция керамики IX X вв. Это, в основном, лепные горшки, орнаментированные по верху венчика пальцевыми вдавлениями или защипами (рис.3.12-16). Лишь два фрагмента горшков имеют орнамент веревочным штампом (рис.3.17, 18). Вылеплены эти сосуды из плотного, хорошо промешанного теста с примесью песка и мелкого шамота. Кроме горшков, встречен один фрагмент сковородки (рис.3.19). По всем своим компонентам рассматриваемая керамика составляет единое целое со славянской керамикой бассейна Дона конца I тыс. н.э.[4], но ближе всего (по характеру теста, обработке поверхностей, орнаментации) она керамике славянских поселений, расположенных на р.Воронеже.

Находок, кроме керамики, бесспорно связанных с поселком IX-X вв., встречено очень мало: железная мотыжка (рис.2.1) и глиняные биконические пряслица (рис.2.2-4).

Поселение конца I тыс. н.э. в ур."Дрониха" на р.Битюге появилось в результате продвижения славян в Левобережье Дона из бассейна Днепра[5]. Необычными для донских славян выглядят отопительные устройства в жилищах. В них соединились традиции славянских жилищ с печами и кочевнических построек с открытыми очагами. В двух полуземлянках в конструкции отопительных сооружений использованы глиняные вальки. Такого рода строительный материал нехарактерен для донских славян, но зато довольно часто встречается в конструкции печей на памятниках типа Луки-Райковецкой[6] и в некоторых печах Днепровского Левобережья, на памятниках роменской группы[7]

В конце X века жизнь на поселении "Дрониха" прекратилась, и следующий этап заселения этого района относится к более позднему времени, о чем свидетельствуют две полуземляночные постройки - NN 4, 5.

Постройка 4^8 (рис.2.17). Это полуземляночное жилище имеет подпрямоугольную форму размером 6,5 х 4 м. Глубина котлована в материке 0,5-0,65 м. Длинной осью постройка ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Пол котлована ровный. В юго-восточном углу на материковой приступке находились остатки отопительного устройства (очага?), представлявшие собой круглую в плане площадку из обожженной глины и золы диаметром 0,4 м и толщиной 0,25 м. В заполнении котлована на разной глубине встречались отдельные скопления угольков и кусочков дерева. В материковом полу вдоль стен котлована расчищены пять столбовых ямок. В заполнении постройки обнаружена древнерусская гончарная керамика XIII-XIV вв. (рис. 2.18-20).

Постройка 5 (рис.2.1) сооружена на месте постройки 1 конца I тыс. н.э. Она имеет почти квадратную форму - 4,3 х 4,35 м. Глубина котлована в материке 0,25-0,3 м. У северо-восточной стены котлована открыты остатки печи,сооруженной на зольном основании (остатки деревянного пола постройки 1) и представлявшей собой скопление обожженной глины, камней и угля. Высота сохранившейся части печи 0,35 м. Основание ее лежит на обожженной глиняной площадке размером 0,5х0,65 м. Котлован постройки перекрыт угольными прослойками остатками деревянной конструкции жилища. И под угольными прослойками, и в нижней части заполнения котлована обнаружены фрагменты гончарной древнерусской керамики (рис.2.3-7), а также фрагменты от двух сосудов, изготовленных, видимо, в золотоордынских центрах (рис.2.8,9).

К древнерусскому периоду на поселении "Дрониха" относятся несколько хозяйственных ям глубиной в материке 0,2-0,6 м, диаметром 0,75-1,75 м. В заполнении ям встречена древнерусская керамика, а в одной из них железная пряжка (рис.3.5).

К древнерусскому времени относятся обломок ложновитого бронзового перстня (рис.3.6), фрагмент бронзовой накладки с двумя отверстиями (рис.3.7), бронзовая пластинка (рис.3.8), свинцовые пластинка и стержень (рис.3.9,10), рыболовное грузило (рис.3.11).

В культурном слое поселения найдено около двухсот фрагментов венчиков от дневнерусских гончарных горшков. По форме венчика горшки можно разделить на 5 основных типов. Для горшков 1-го типа, составляющих 28,4% от общего количества, характерен просто оформленный венчик без утолщений с округлым или приостренным краем (рис.4.1,2). Горшки 2-го типа (10,8%) имеют отогнутый наружу венчик с загнутым внутрь краем, образующим с внутренней стороны желобок (рис.4.3-6). У горшков 3-го типа (22,1%) край венчика загнут наружу, образуя утолщения различной формы (рис.4.8). Край венчика у горшков 4-го типа (36,3%) загнут во внутрь, образуя преимущественно уплощенное утолщение (рис.4.9-10). У горшков 5-го типа (2,4%) край венчика отогнут наружу в виде "козырька" (рис.4.7).

Диаметры верха горшков 12-24 см. Они орнаментированы волнистыми или прямыми линиями. Найдено несколько фрагментов днищ с клеймами, представленными кругом с отходящими от него лучами – 5 экз. (рис.4.14-16).

кругом в круге – 1 экз. (рис.14.13) и кругом, видимо, с вписанным в него крестом – 1 экз. (рис.4.17).

Древнерусская керамика вылеплена из теста с примесью песка. Сосуды имеют желтые, серые или красноватые внешние и внутренние поверхности. На некоторых днищах по краю имеются бортики и заметны следы мелкозернистой подсыпки.

Древнерусская керамика, аналогичная найденной на поселении, распространена на памятниках XIII XIV вв. в Поднепровье[9], Подонье[10], в центральных районах русского государства[11], в Поволжье[12].

Выделенные типы керамики на поселении "Дрониха", видимо, сосуществовали в какой-то период. Об этом может свидетельствовать тот факт, что в нижней части заполнения котлована постройки 5 найдены фрагменты горшков всех типов.

Важное значение для датировки древнерусского слоя поселения имеет керамика, изготовленная в золотоордынских центрах. Найдено 6 фрагментов от узкогорлых неполивных сосудов желтого цвета, вылепленных из плотного теста с высоким качеством обжига. Стенки сосудов имеют рифление (рис.4.11,12). Проникновение золотоордынской керамики на древнерусские поселения Среднего Подонья стало возможным, скорее всего, в первой половине XIV в. в период появления и распространения в Золотой Орде хозяйственно-ремесленных поселков, специализировавшихся на выпуске неполивной керамики и снабжавшей своей продукцией население сельской округи[13]. Один из таких поселков находился в низовьях р.Битюг[14].

Таким образом, древнерусский слой поселения Дрониха можно датировать в пределах второй половины XIII первой половины XIV вв., хотя и не исключена возможность наличия незначительных материалов домонгольского времени, особенно среди древнерусских горшков второго типа, характерного для XII - XIII вв.

Кроме поселения Дрониха, в Среднем Подонье сейчас известно более 40 поселений XIII XIV вв. по рр.Воронеж, Дон, Битюш, Савала, Карачан, Ворона, Хопер. На некоторых из них проведены раскопки (Шиловское, Левобережное у плотины, Верхнекарабутское 1, 2 и др.). Полученный материал подтверждает данные письменных источников, в частности, грамот митрополитов Феогноста и Алексея[15], о существовании в этом районе древнерусского поселения в первой половине середине XIV в. Изучение древнерусских поселений XIII XIV вв. в Среднем Подонье позволит подойти к рассмотрению проблемы русско-золотоордынского пограничья в этом районе не только на основании письменных источников[16], но и учитывая данные археологических материалов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Москаленко А.Н. Славяне на Дону (Боршевская культура). Воронеж,1981; Винников А.З. Славянские курганы Лесостепного Дона. Воронеж, 1984.

[2]Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986. С.93-115.

[3]В отчете о раскопках поселения "Дрониха" они даны как постройки NN 2, 4, 5. См.: Синюк А.Т. Отчет к открытому листу N 584 о раскопках поселения "Дрониха" Таловского района Воронежской области в 1980 году / Архив ИА РАН. Р-1. N 8537.

[4]Винников А.З. Керамика донских славян конца I тысячелетия н.э. // СА. 1982. N 3.

[5]Винников А.З. Славянские курганы Лесостепного Дона. С.186.

[6]Раппопорт П.А. Древнерусское жилище // САИ. 1975. Вып.Е1-32. С.145-147.

[7]Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое // МИА. 1958. N 74. С.195. Рис.35.

[8]В отчете о раскопках поселения "Дрониха" в 1975 году эта постройка получила N 1. См.: Синюк А.Т. Отчет к открытому листу N 336 о работе 1-го отряда археологической экспедиции Воронежского государственного университета за 1975 год / Архив ИА РАН. Р-1. N 5816.

[9]Беляева С.А. Южнорусские земли во второй половине XIII XIV вв. Киев, 1982. Рис.29.

[10]Ляпушкин И.И. Археологические памятн затопления Цимлянского водохранилища // МИА. 1958. N 62. Рис.15.

[11]Раппопорт П.А. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. // КСИА. 1956. N 62. Рис.46.

[12]Хлебникова Т.А. Древнерусское поселение в Болгарах // КСИА. 1956. N 62. Рис.51; Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. Рис.22, 23, 24 и др.

[13]Васильева И.Н. Гончарный горн XIV века на дюне "Большой Шихан" // Средневолжская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977. С.130.

[14]Левашева В.П. Золотоордынские памятники в Воронежской области // Тр. ГИМ. 1960. Вып.37.

[15]Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV начала XVI вв. М., 1964. Т.III. N 312, 313.

[16]Егоров В.Л. Граница Руси с Золотой Ордой в XIII XIV веках // ВИ. 1985. №1; Он же. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985.

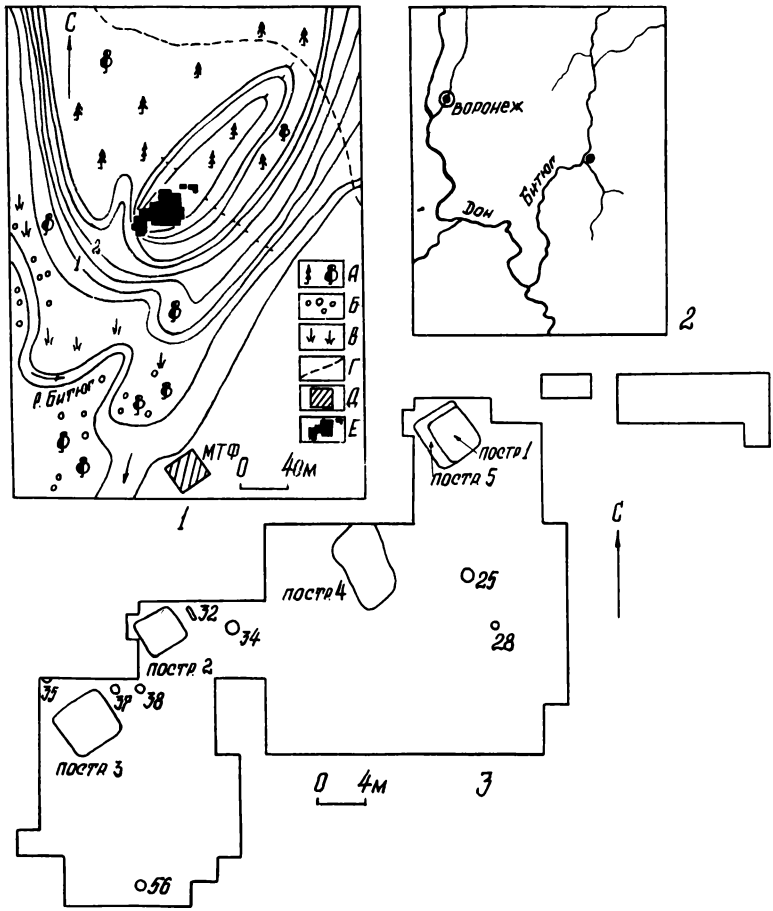


Рис.1. Поселение "Дрониха": 1 - глазомерный план (А - деревья, Б - кустарник, луг, Г грунтовая дорога, Д современные постройки, Е раскоп); местонахождение поселения; 3 - план раскопа

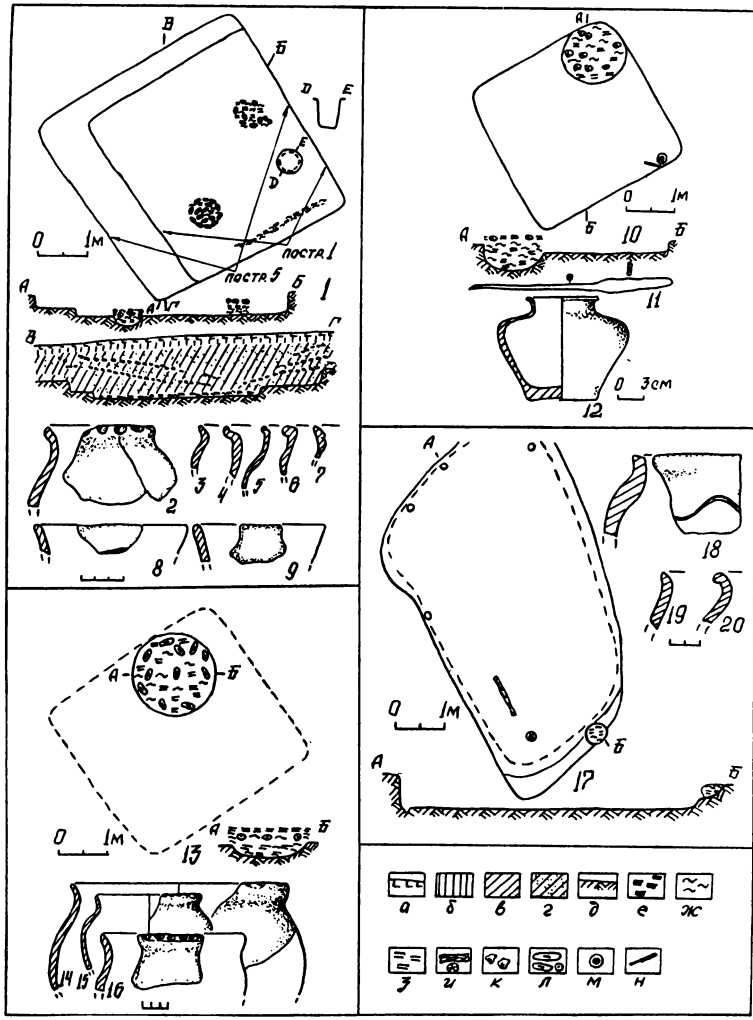


Рис. 2. Постройки поселения "Дрониха: 1-9 постройки 1,5; 1 - планы и разрезы построек 1,5; 2 керамика из печи постройки 1; 3-9 керамика из нижней части заполнения котлована постройки 5; 10-12 постройка 2: 10 - план и разрез; 11-12 находки с пола постройки; 13-16 - постройка 3: 13 план; 14,15 керамика с пола постройки; 16 - керамика из печи; 17-20 постройка 4: 17 план и разрез; 18-20 керамика из заполнения котлована постройки: а дерн, б поздние аллювиальные наносы, в - чернозем, г - супесь, д - материк, е - уголь, ж - зола, з обожженная глина, и - дерево, к - камни, л - глиняные вальки, м - горшок, н - железный предмет.

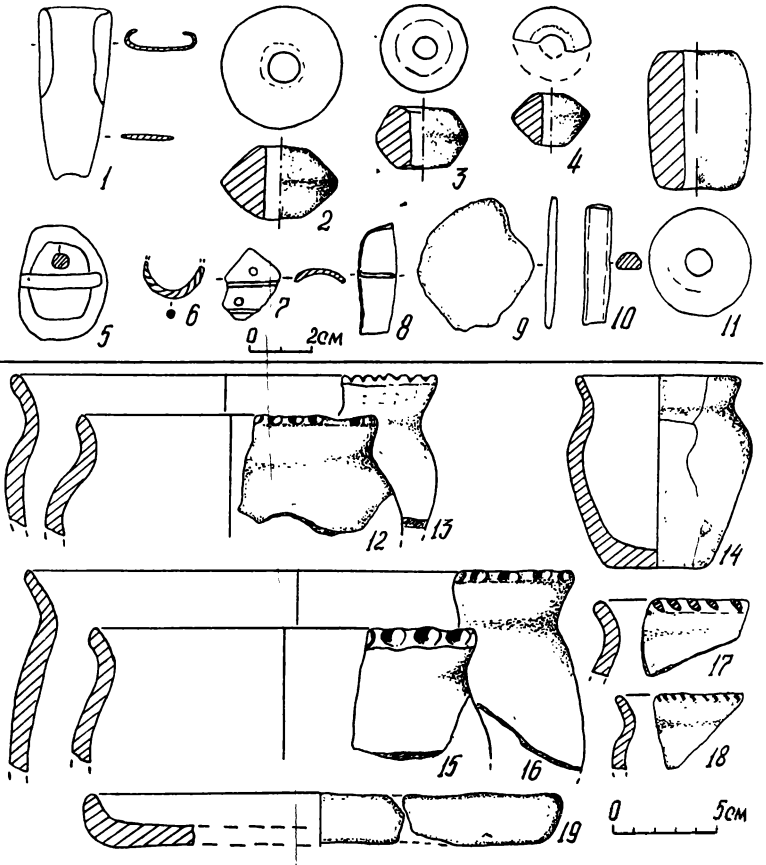


Рис. 3. 1-11 - индивидуальные находки; 12-18 - лепная керамика конца I тыс.н.э.

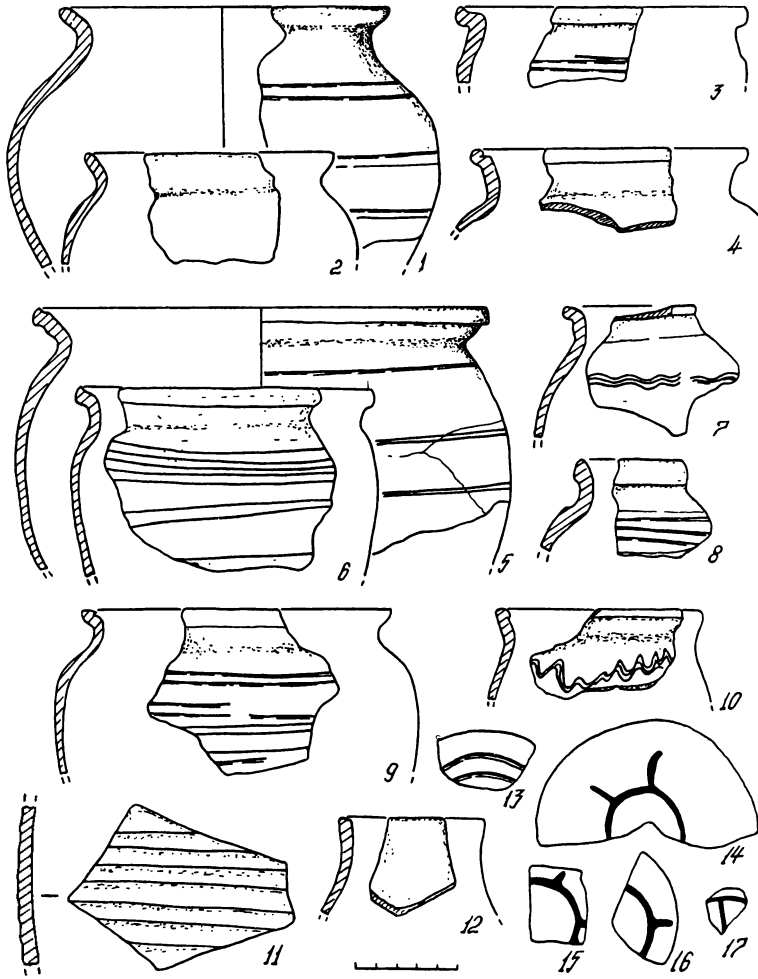


Рис. 4. Древнерусская гончарная керамика

А.Ф.Кочкина

(г.Самара)

О ПРИМЕНЕНИИ СТРУКТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА ПРИ АНАЛИЗЕ ДЕКОРА КЕРАМИКИ ВОЛЖСКИХ БОЛГАР*

При анализе круговой керамики Билярского городища стало очевидным, что ограничиваясь изучением только форм керамики, не в полной мере можно решить многие вопросы, связанные с производством и использованием гончарной посуды. Одним из необходимых условий целостного источниковедческого представления керамики является анализ ее декоративного оформления. Общепринято, что украшение посуды не только повышает эмоциональную выразительность изделия, но оказывается важным технологическим и культурно-хронологическим индикатором. Это обусловлено тем, что декор представляет собой двуединое явление, составляющее, с одной стороны, результат технологического процесса, связанного с конструированием и обработкой поверхности изделия, с другой стороны, выступающее как форма выражения художественно-эстетических воззрений мастеров, производивших свою продукцию в конкретно-историческую эпоху в соответствии со вкусами потребителей.

Вопросам декорирования археологической керамики посвящена обширная литература, однако, интерес к этой теме не ослабевает. Это происходит не только потому, что постоянно в научный оборот включаются вновь открытые материалы, но и в связи с тем, что разрабатываются новые подходы и методы исследования, направленные на повышение информативности декора как источника, позволяющего затронуть глубинные процессы жизнедеятельности древних обществ.

Именно последнее обстоятельство побудило обратиться к декору болгарской керамики, информационные возможности которого, как мне представляется, недостаточно выявлены, что существенно ограничивает его использование в качестве источника.

Прежде всего необходимо сделать замечание относительно основных понятий, о которых пойдет речь в настоящей статье. Следует разграничивать понятия "декор" и "орнамент", хотя в археологии зачастую эти термины употребляются в качестве синонимов и, как правило, исследователи оперируют вторым, применяя его ко всем украшениям различных изделий. Именно на это обратила внимание в своей статье Ю.Л.Щапова [1, с.121]. В то же время в искусствоведении они достаточно четко разграничены. Декор понимается как система объемно-плоскостных украшений изделия, включающих орнамент, изображения, скульптуру, роспись, выполненных в разнообразной технике и

*Работа выполнена при поддержке Фонда "Культурная инициатива"

различающихся фактурой и текстурой материала [2, с.48]. Орнамент представляет собой узор, предназначенный для украшения различных предметов, состоящий из ритмически упорядоченных элементов [3, с.524]. Декор и орнамент, как ясно из определений, находятся в отношении соподчинения, при котором орнамент входит составной частью в систему декора. Но если еще более определенно развести эти два понятия, то орнамент можно рассматривать как способ (или форму) организации декора. На мой взгляд, такое разделение весьма важно, так как это обусловливает более точный выбор процедуры анализа в соответствии со спецификой каждого вида украшения.

В отношении болгарской керамики правильнее было бы пользоваться термином "декор", так как для нее свойственны не только орнамент, но и украшения, не имеющие орнаментальной организации. Пока остается открытым вопрос о раскраске поверхности сосудов.

Задачей предлагаемой работы является представление проблемной ситуации в области изучения декора болгарской керамики и выработка основных подходов к ее решению. Вероятно, именно поэтому в статье будет значительно больше поставлено вопросов, чем дано решений.

Все исследователи археологии Волжской Болгарии, так или иначе занимавшиеся керамикой, касались ее декоративного оформления, анализируя преимущественно орнамент.

Рассматривая комплекс керамики из Больше-Тарханского могильника раннеболгарского времени, В.Ф.Генинг и А.Х.Халиков отметили однообразие орнаментации круговой керамики [4, с.35]. В качестве основных элементов орнамента выделены горизонтальные каннелюры и лощение (вертикальное, горизонтальное, перекрестное). Единичны волна и горизонтальное рифление. Показательнее, чем простое описание, характеризует орнамент больше тарханской керамики составленная исследователями схема соотношения элементов орнамента [4, с.37, рис.13]. В ней нашли отражение композиционные приемы орнамен-тации, отличающиеся сравнительной устойчивостью.

Схематизм характерен и для данного авторами описания орнамента лепной керамики Больше-Тарханского могильника, что ограничило возможности его этнокультурного изучения. Судя по таблице [4, табл.VIII], для орнаментации лепной керамики, особенно круглодонных чашевидных сосудов, характерны многообразие мотивов и технических приемов, имеющих, несомненно, различные исходные традиции.

Кратко и обобщенно описана Е.П.Казаковым орнаментация круговой керамики Танкеевского могильника второй половины IX-X вв. [5, с.99]. Им подчеркнута простота орнамента, состоящего из несложных композиций и немногочисленных элементов.

Больше внимания исследователь уделил анализу орнамента лепной керамики, преимущественно круглодонной. Были выделены элементы орнамента, определены наиболее характерные их композиционные сочетания, произведена типология. На основе этого установлено наличие двух орнаментальных комплексов на круглодонной керамике: с гребенчато-шнуровой и решетчато-

шнуровой орнаментацией [5, с.96-98, табл.3-12, 13], а также комплекс орнаментации плоскодонной керамики. Такое сравнительно четкое представление орнамента лепной керамики Танкеевского могильника позволило автору увязать его с конкретными этнокультурными традициями и группами населения, изготовлявшими эту керамику.

Следует подчеркнуть, что информационные возможности декора керамики раннеболгарского периода далеко не исчерпаны, и в целом они недостаточно использованы в этногенетических построениях авторов.

В работе А.П.Смирнова "Волжские болгары" была дана суммарная характеристика орнамента различных групп лепной керамики домонгольской Волжской Болгарии [6, с.130-136, 186-187]. Отмечалось, что для лепной керамики характерны сложные узоры, состоящие из разнообразных сочетаний веревочного, линейного, резного, гребенчатого орнамента, которым покрывалась главным образом поверхность горловины и плечики сосудов.

С распространением гончарного круга, по мнению А.П.Смирнова, многие приемы орнаментации отмирают, кроме волнистого. Стенки сосудов преимущественно гладкие, редко покрыты линейным и зубчатым узором. В орнаменте, как и в целом в гончарном производстве болгар, отмечается сильное среднеазиатское влияние [6, с.134-135]. Примечательно, что болгарская поливная посуда орнаментировалась аналогично неполивной. Декоративные зооморфные элементы, выполненные в технике скульптурной лепки, представляют собой, как считал А.П.Смирнов, пережиток сарматской эпохи [6, с.198]. Подчеркнув гладкость стенок сосудов, исследователь совсем не выделил лощение поверхности круговых сосудов, которое применялось гончарами не только в технологических, но и в декоративных целях.

И хотя та описательная характеристика декора, которая была дана А.П.Смирновым, в значительной степени имеет лишь историографический интерес, тем не менее его замечания о корнях болгарского декора остаются значимыми и в настоящее время.

Более развернутая характеристика способов обработки поверхности и декорирования керамики, пожалуй, остающаяся и по сей день таковой, была дана в работе Т.А.Хлебниковой, посвященной болгарскому гончарству X - начала XIII вв. [7]

В качестве основного способа обработки поверхности круговых сосудов отмечено лощение, разнообразные виды которого употреблялись и для украшения посуды. Указывается на существенную роль в украшении орнамента. Типологически выделено 20 различных элементов, составляющих разнообразные сочетания [7, с.101, рис.5, с.135, табл.18]. Следует заметить, что Т.А.Хлебникова употребляет расширительное понимание орнамента, тождественное декору. Так в число выделенных элементов включены скульптурные (различные налепы, сливы на венчиках и др.). Наиболее распространенными оказались горизонтальные прочерченные линии, далее следуют ямочные вдавления, волна, отпечатки гребенчатого штампа. В меньшей степени встречаются все остальные

элементы. Т.А.Хлебниковой выявлена корреляция определенных элементов орнамента с формами сосудов [7, с.134].

Орнаментация лепной керамики, по мнению Т.А.Хлебниковой, менее разнообразна – выделено всего 8 элементов, образующих сочетания друг с другом. Они в основном повторяют элементы орнамента круговой керамики, за исключением одинарной или двойной веревочки.

Для выяснения вопросов происхождения форм керамики учитывался орнамент, истоки которого Т.А.Хлебникова видит в традициях керамического производства, с одной стороны, салтово-маяцкой культуры и Средней Азии и, с другой стороны, местных племен, обитавших в Среднем Поволжье и Прикамье в изучаемое время [7, с.139, 142].

В обобщающей монографии Т.А.Хлебниковой "Керамика памятников Волжской Болгарии (к вопросу об этнокультурном составе населения)" анализ орнамента болгарской керамики производился описательно и даже менее детально, чем в первой работе [8]. Это, к сожалению, не способствовало полноценному использованию орнамента в качестве этнокультурного показателя, хотя общепризнано, что именно эта функция орнамента является ведущей.

Аналогичное понимание орнамента и соответствующий этому подход к его анализу нашел отражение в диссертационной работе Н.А.Кокориной, посвященной исследованию проблемы преемственности болгарской домонгольской и золотоордынской керамики [9, с.19-21].

В рамках общей характеристики керамики из раскопок Билярского городища производилось описание орнамента как лепной, так и круговой посуды [10, 11, 12], которое сходно с описанием орнамента керамики других памятников, данного ранее Т.А.Хлебниковой, и не дает представления о своеобразии декора билярской керамики.

На материалах Биляра Н.А.Кокориной рассмотрен инструментарий болгарских гончаров, в том числе и для декоративной отделки [13]. Среди находок в гончарном районе – лощила из стенок круговой посуды, из ребра барана, из гальки, использовавшиеся при орнаментальном лощении. Кстати сказать, лощила – довольно частая находка и на других раскопках Биляра, так как гончарное производство не ограничивалось только гончарным районом. В последние годы горны и остатки мастерской обнаружены и в центральной части городища – раскопки Ф.Ш.Хузина на XXVIII раскопе и С.И.Валиуллиной на XI раскопе. Для нанесения орнамента на поверхность сосудов использовались обломки обычных двусторонних гребней [13, с.71, с.132, рис.2-1].

Итак, практически во всех работах при анализе керамических материалов характеристика декора, по существу подменяясь орнаментом, не выходит за рамки традиционного описания, когда произвольно смешиваются технологические, формально-типологические и семантические показатели. Специальных исследований, посвященных декору болгарской керамики, и в частности орнаменту, археологами не проводилось.

Этой теме отводится значительное место в искусствоведческих исследованиях по общим проблемам древнего искусства волжских болгар. Если

анализ орнамента, предпринятый археологами, условно можно назвать технико-типологическим, то искусствоведческий анализ скорее носит художественно-образный характер, расширяющий общую картину болгарского орнамента.

В работах искусствоведов Ф.Х.Валеева и Г.Ф.Валеевой-Сулеймановой орнамент рассматривается как основное художественное средство в изобразительном языке волжских болгар [14, с.31]. Основной подход к изучению орнамента был сформулирован Ф.Х.Валеевым в исследовании, посвященном орнаменту казанских татар, где затрагиваются также вопросы орнаментального искусства волжских болгар [15]. Им введено понятие орнаментального стиля, рассматривающегося как совокупность признаков, определяющих художественно-образное выражение орнамента и его специфику (пропорции, силуэт, ритм, композиция, материал, техника исполнения, контраст, расцветка). В орнаменте выделяются мотивы, составляющие композиции, тесно связанные с формой поверхности [15, с.54-56]. Продукция болгарского керамического производства, по мнению исследователей, представляет собой художественные произведения, в которых гармонично слиты выразительность формы и орнаментации[16, с.128]. Как установлено, в орнаменте болгар, начиная с раннеболгарского периода, преобладают геометрические мотивы, а также используются растительные и зооморфные, подчеркивается символический характер орнамента [14, с.104-106]. Выявление стилистических особенностей орнаментации керамики позволило сделать вывод о своеобразии болгарского художественного стиля, характеризующегося устойчивостью традиций и гибкостью композиционных построений. Однако, исследователи, говоря об истоках, несколько прямолинейно выводят болгарское орнаментальное искусство из сармато-аланского мира, хотя и через салтово-маяцкую культуру, отмечая при этом некоторые общетюркские традиции досалтовского времени и определенную роль искусства местных племен [16, с.65]. Для более позднего времени, особенно конца домонгольского периода, кроме того, признается культурное влияние стран Востока.

Характеристика декоративного оформления болгарской керамики дается в работе С.М.Червонной "Искусство Татарии": "Вя орнаментально-декоративная система была предельно проста, отличалась строгой сдержанностью, скромностью и вкусом", а также устойчивым стилевым единством [17, с.59, 83]. Очевидно, столь краткая оценка ни в коей мере не может отразить богатого содержания декора болгарской керамики.

В монографии Д.К Валеевой был предпринят сравнительно-исторический анализ искусства волжс болгар домонгольского периода на широком фоне особенностей искусства других эпох и территорий [18]. Определяющую роль в декоративном искусстве она отводит орнаменту, кажущаяся простота которого зачастую оказывается трудна для понимания. В исследовании ценна попытка рассмотреть орнамент как явление, имеющее знаковый характер [18, с.23]. Автором затронуты вопросы семантики основных мотивов орнамента, его стилистики, делается вывод о четкой стандартизации канона изобразительности у болгар в изучаемое время [18, с.68].

Суммируя все наблюдения по болгарскому орнаменту и декору в целом, остановимся на тех аспектах, которые не в полной мере отражены в предпринимавшихся исследованиях. Недостаточно исследованы технико-технологические аспекты декора керамики. Отсутствует детальная морфологическая типология декора, нет единообразия в описании и терминологии. Несмотря на то, что вопросы происхождения и истории декора занимали значительное место в исследованиях прежде всего искусствоведов, не прослежена эволюция декора, в частности орнамента, от раннеболгарского времени к домонгольскому, в ряде случаев не разграничены понятия генетической преемственности и культурного влияния на его развитие. Практически не разработаны вопросы локального (регионального) своеобразия декора керамики Волжской Болгарии.

Между тем, исследование декора имеет существенное значение для выяснения вопросов этногенеза волжских болгар, уточнения этнокультурного состава населения Волжской Болгарии, играет важную роль в определении генезиса и уровня керамического производства, а также эстетических и мировоззренческих представлений в болгарском обществе.

Однако, как выясняется из анализа многочисленных работ, посвященных декоративному оформлению керамики, традиционные описательные методы не позволяют в полной мере раскрыть информативные возможности декора. Разночтения в определении самого явления, отсутствие стандартизированных исследовательских процедур ограничивают объективное понимание декора. Кроме того, как уже отмечалось, абсолютное большинство работ охватывает только орнамент. Именно поэтому одной из первостепенных задач при обращении к декору болгарской керамики является определение основных подходов и методов анализа, обеспечивающих его источниковедческую полноценность. В связи с этим, особый интерес представляет ряд исследований, в которых разрабатываются узловые вопросы анализа орнамента.

Основополагающим в области изучения орнамента на современном этапе признано исследование С.В.Иванова "Орнамент народов Сибири как исторический источник", где воплотилось стремление к более точным аналитическим методам [19]. В нем сформулированы основные понятия орнамента: техника исполнения, элемент, мотив, композиция, тип, комплекс - и принципы анализа, включающие приемы теории симметрии для выделения элементов и описания принципов его композиции. Тем не менее в археологии, этнографии, искусствоведении найдется немного примеров применения подобного подхода. Пожалуй, наиболее последовательно он использовался в работах Т.И.Макаровой, Г.И.Климовой, Г.С.Масловой, З.Р.Тараян, Л.Р.Кызласова и Г.Г.Король [20, 21, 22, 23, 24]. Что касается Т.И.Макаровой, то она в своем исследовании использовала методологические принципы анализа древнерусского орнамента, разработанные палеографом М.И.Щепкиным еще в начале XX века [25].

В археологии отнюдь не только историографическое значение имеет работа В.А.Городцова "Русская доисторическая керамика", где автор с позиций

эволюционно-структурного подхода предпринял попытку разработать систему описания орнаментиров и получаемых узоров [26].

Несмотря на многочисленные работы по исследованию орнамента, пока, по-видимому, рано говорить о сложении теории археологического орнамента, в лучшем случае, можно отметить ее предпосылки. В последнее время с различной степенью определенности сформировались основные направления анализа орнамента и внутри них обозначились общие подходы и специальные методы исследования. Обнадеживает то обстоятельство, что в настоящее время археология все более становится сферой применения точных научных методов, которые утвердились в других, как естественных, так и гуманитарных науках.

В рамках общенаучных теоретических исследований успешно разрабатывается системный подход к анализу различных объектов и явлений. В археологии это направление пока не получило широкого распространения. И, по справедливому замечанию Ю.Л.Щаповой, фундаментальные понятия археологии не соотнесены с общей теорией систем [27, с.69]. Кажется, только в последние годы при все увеличивающейся интеграции междисциплинарных научных методов приходит осознание целесообразности применения системного подхода (системной ориентации, по Ю.Л.Щаповой) к анализу археологического материала. Среди небольшого в целом круга работ, посвященных этой проблеме, имеются отдельные исследования по обоснованию системного подхода к анализу керамики [28], в том числе орнаментации [29, 30].

Предпочтительнее других в этом отношении выглядят разработки В.А.Скарбовенко о структурных уровнях орнамента и возможностях метода симметрии применительно к задачам дескриптивного анализа орнамента археологической керамики [31, 32]. Базовыми понятиями, на основе которых исследователями формируются средства и методы изучения орнамента, являются "структура" и "симметрия", заимствованные из структурной лингвистики и кристаллографической теории симметрии. Благодаря этому удается выделить четкие и обоснованные критерии для первичного описания орнамента. "В понятии структуры как инварианта системы на различных ее уровнях легко усматривается связь с понятием симметрии. Именно понятие симметрии и открывает возможности перехода от формы знания к содержанию знания или от структуры знания к структуре реальности" [33, с.119].

Определенный интерес для археологов представляет теория симметрических орнаментальных структур, разработанная искусствоведом В.Я.Бересневой на основе сочетания общеэстетических и геометрических закономерностей построения орнамента [34, 35].

Обе теории исходят из представления о знаковом характере орнаментальной системы и предполагают, в первую очередь, "изучение внутренних законов построения изображений безотносительно к изображаемому" [35, с.279; 32, с.86].

И хотя перед автором настоящей статьи не стояла специальная задача обсуждения теоретических понятий системного подхода в археологии, однако вопросы изучения декора болгарской керамики привели к необходимости

осмыслить возможности его практического применения в исследовании. То, чем, на мой взгляд, примечательна идея системного подхода для археологии, в частности, при анализе декора керамики, кратко выражено в следующем высказывании: "Система часто определяется как некоторая совокупность отношений частей или элементов, и такое определение способствует более определенному формулированию задачи исследования с тем, чтобы в дальнейшем перейти к структурному анализу системы" [33, с.113].

Системный подход представляется как некий методологический принцип, который не дает решения проблемы, но играет важную роль для новой постановки проблемы и разработки средств ее решения [36, с.43]. Не следует, вероятно, ограничивать возможности системного подхода, понимая системный анализ в археологии как переходный этап от источниковедческого (организация материала) уровня исследования к интерпретационному (выявление закономерностей) [37, с.16-17]. Поскольку любой объект имеет системный характер, то принципы и средства, присущие системному подходу, могут быть применимы и на всех этапах археологического исследования [27, с.73]. Если понимать системный подход как совокупность таких аспектов, как системно-компонентный, системно-структурный, системно-функциональный, системно-интегративный и системно-исторический [38, с.20], то даже из простого перечисления направлений очевидно, что задачи археологического исследования во многом соответствуют требованиям и принципам этих аспектов, которые являются методологическими ориентирами в поиске решения задач и оценке существующих решений и методов [38, с.25].

При существующем многообразии оттенков определений системы, безусловно, трудно выбрать, а тем более изобрести такое определение, которое отличалось бы полнотой и завершенностью и было бы общепринятым. Одним из определений, принятых в языкознании, является следующее: "Система некоторый материальный или идеальный объект, состоящий из элементов (элементарных объектов), неразложимых в пределах данной системы и находящихся в определенных взаимосвязях" [39, с.20]. В нем отражены основные общие свойства систем: целостность, структурность, иерархичность, инвариантность элементов.

Основываясь на таком понимании, декор рассматривается как система (системный объект), целостность которого обеспечивается взаимосвязями трех частей: 1) технологии, 2) морфологии, 3) семантики.

Особенность системного представления состоит в том, что это своеобразная знаковая, или семиотическая, система, язык которой составляют условные знаки-символы. Признание этого определяет исследовательский подход, который характеризуется как структурно-семиотический. Эти понятия и методы, заимствованные из семиотики и структурной лингвистики, постепенно формируются как общенаучные, характерные в целом для гуманитарных наук.

"Структурный анализ (имеется в виду структурно-семиотический – прим. авт.) более всего подходит для синхронных описаний культурных объектов, относительно однородных и устойчивых к изменению во времени, и что он

целесообразен прежде всего как инструмент изучения механизмов функционирования определенных идеологических или художественных систем как систем, "работающих" в известном отвлечении от их генезиса и от воздействия тех инфраструктурных факторов, которые приводят... к разрушению системы или к их коренному преобразованию"[40, с.152].

Структурализм как метод анализа знаковых систем плодотворно использовался в науке, наиболее приближенной к археологии, – этнографии (этнологии). Среди исследований, ставших классическими примерами применения структурного метода – работы П.Г.Богатырева по структурно-функциональному изучению словацкого национального костюма [41], К.Леви-Строса по структурной антропологии [42].

В археологии, к сожалению, это направление не получило практического развития, хотя апробация структурно-семиотического подхода в сочетании с методами теории информации была осуществлена В.Б.Ковалевской на примере анализа орнаментации поясных наборов [43].

Структурно-семиотический подход позволяет охватить элементы (части) системы декора в их взаимоотношениях, т.е. выявить структуру, при сохранении их относительной автономности, проявляющейся в том, что каждая из частей имеет свой предмет и соответствующие источники и методы исследования.

Определение общей структуры декора как системы и выявление внутренних и внешних связей его элементов (или частей) дают возможность представить структурную схему создания декора – декорирования и уровни его анализа (рис.1).

Созданию каждого конкретного сосуда (или группы сосудов) с декоративным оформлением предшествует "идея", или идеальный образ. На ее формирование оказывает воздействие значительное число факторов, которые обобщенно можно охарактеризовать как социально-экономические и идеологические. Первая группа факторов является проявлением уровня керамического производства, отражающего общее состояние экономического уклада общества. В этой группе учитываются технологические традиции, особенности форм и назначения сосудов. Вторая группа выражает профессиональные и потребительские стереотипы как проявление эстетических, мировоззренческих и этнопсихологических представлений конкретного общества (или общности). Идеальный образ реализуется в конкретном (или материальном) образе, то есть в элементах декора и их отношениях. В свою очередь последние непосредственно связаны с технологическим процессом, предусматривающим определенные приемы и набор инструментов, причем эта связь, по-видимому, взаимообратна. Что касается технологии, то она отражает определенный уровень керамического производства.

Стремление к представлению структурной организации декорирования керамики связано с целесообразностью выделения уровней анализа декора, каждый из которых предполагает специфический для него круг источников и методов исследования. Это соответствует требованиям системно-интегративного анализа, в рамках которого создается целостно-интегративный образ объекта на

основе синтеза односторонних системных "срезов", требующих развернуть общий системный подход в систему конкретных подходов [38, с.22]. Решение локальных задач каждого конкретного уровня анализа выводит на реализацию конечной цели исследования. Естественно, что при этом не исключается возможность проводить вполне самостоятельные и законченные исследования в рамках какого-либо одного (или нескольких) уровней.

На основе вышеизложенных представлений полный цикл анализа декора составляет следующие уровни анализа (рис.1): I уровень – морфологический анализ, который предполагает решение таких задач, как определение исходных единиц декора и его структурной организации, выбор адекватных методов их описания, выявление правил и закономерностей построения и функционирования декора. По аналогии с семиотикой, к сфере которой относится и декор, этот уровень анализа можно охарактеризовать как синтаксический. Синтактика в рамках современного познавательного подхода все чаще определяется как область формального вывода [44, с.441].

II уровень анализа – технико-технологический, включающий изучение технических приемов и навыков труда, а также инструментария для нанесения декора. Несмотря на то, что технико-технологический анализ представляет собой традиционный для археологии этап исследования, до сих пор не выработаны единые критерии и подходы его практической реализации. И пока формально-классификационный подход преобладает над историко-культурным. Внутри последнего формируются основные методы исследования единиц декора, и в частности орнамента, как "технологических следов" на посуде с использованием физического моделирования навыков труда по созданию орнамента [45].

Возможно, кому-то покажется небесспорным соотношение выделяемых I и II уровней. Чаще всего в исследованиях по декору технико-технологический анализ предшествует морфологическому, а если точнее, типологическому, и даже, как правило, на нем базируется. Но, учитывая, что первичное восприятие декора происходит через его форму, исследование должно начинаться с морфологии декора, поэтому морфологический анализ первичен по отношению к технико-технологическому.

Этот уровень анализа труднее идентифицировать с существующими семиотическими уровнями. Однако нечеткость границ между аспектами семиотики, например, языка (семантика, прагматика, синтаксис) позволяют также рассматривать его в рамках семиотики, частично усматривая прагматический аспект. Прагматика определяется как отношение между знаками и теми, кто их использует [44, с.389, 441]. В данном случае под теми, "кто использует", можно подразумевать гончара-исполнителя (декоратора). Кроме того, и это общеизвестно, технология в древнем обществе была в значительной степени семантична [46, с.219-220].

III уровень – семантический анализ. В семиотике семантика определяется как отношение между знаконосителем, предметом обозначения и понятием о предмете, в более широком смысле семантика понимается как область истинности высказываний [44, с.441]. Сложность этого уровня анализа не вызывает

сомнений. Считается даже, что "в настоящее время нет методики, пригодной для изучения орнаментальных систем [32, с.86]. Однако, именно на этом уровне изучаются свойства декора как знаковой системы, то есть каким образом он соотносится с теми идеальными образами, которые порождает общество. Одним из методов семантического анализа декора может стать имитационное моделирование семиотических систем, базирующихся на знаниях культурно-исторических явлений и законах их развития. Кроме того, в семиотике, особенно в области языкознания, накоплены значительные средства и методы семантического анализа, которые могут быть пригодны для анализа других знаковых систем, в частности декора.

Следует отметить, что с переходом на каждый последующий уровень анализа происходит накопление информативности декора. На IV уровне реализуются возможности декора как источника для решения поставленной цели - этот уровень можно определить как реконструктивно-интерпретационный, хотя элементы его в той или иной степени присутствуют на каждом уровне.

Намеченные контуры структурно-семиотического подхода к анализу декора керамики необходимо наполнить конкретным содержанием, а это – более сложная задача. Важно было показать его методологическую значимость для изучения декора: "знаковые системы могут изучаться столь же точными методами, как физико-химические процессы" [47, с.273]. Это именно то, чего, как правило, не достает археологическим исследованиям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1.Щапова Ю.Л. Археология и морфология // СА. 1991. N 3.

2.БСЭ. Т.8. М.: Советская энциклопедия, 1972.

3.БСЭ. Т.18. М.: Советская энциклопедия, 1974.

4.Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964.

5.Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // АЭТ. Т.1. Казань, 1971.

6.Смирнов А.П. Волжские болгары // Труды ГИМ. Вып.XIX. М., 1951.

7.Хлебникова Т.А. Гончарное производство волжских болгар X начала XIII вв. // МИА. Т.III. М., 1962.

8.Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии (к вопросу об этнокультурном составе населения). М.: Наука, 1984.

9.Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI - начала XV вв. (к проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур) / Автореферат дисс... канд. ист. наук. М., 1991

10.Григорьева Г.В., Терехина Л.С., Терехина Н.А., Халиков А.Х. Гончарная керамика Билярского городища (по материалам раскопок 1967-1972 гг.) // Исследования Великого города. М.: Наука 1976.

11.Кокорина Н.А. Лепная и близкая к ней керамика Билярского городища (по материалам 1967-1971 гг.) // Исследования Великого города. М.: Наука, 1976.

12.Хузин Ф.Ш. Лепная керамика // Посуда Биляра. Казань, 1986.

13.Кокорина Н.А. О технике билярского гончарства // Посуда Биляра. Казань, 1986.

14.Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнейшее искусство Татарии. Казань, 1987.

15.Валеев Ф.Х. Орнамент казанских татар. Казань, 1969.

16.Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975.

17.Червонная С.М. Искусство Татарии. М.: Искусство, 1987.

18.Валеева Д.К. Искусство волжских булгар. Казань, 1983.

19.Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник // Труды ИЭ РАН. Т.81. М.-Л., 1963.

20.Макарова Т.И. Симметрия в растительном орнаменте Древней Руси // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.

21.Климова Г.И. Текстильный орнамент коми. Автореферат дисс... канд. ист. наук. Л., 1973.

22.Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как исторический источник. М.: Наука, 1978.

23.Тараян З.Р. Символы симметрии орнамента в армянском прикладном искусстве. Ереван, 1989.

24.Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакассов как исторический источник. М.: Наука, 1990.

25.Щепкин В.Н. Русская палеография. М.: Наука, 1967.

26.Городцов В.А. Русская доисторическая керамика // Труды I АС. Т.I. М., 1901.

27.Щапова Ю.Л. Естественно-научные методы в археологии. М.: Изд-во МГУ, 1988.

28.Бобринский А.А. Современное состояние и перспективы исследования керамики как исторического источника // Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения). Тезисы докладов. Куйбышев, 1991.

29.Калинина И.В. Системный подход в изучении орнаментации гребенчатой неолитической керамики Приуралья // ВАУ. N 15. Свердловск, 1981.

30.Деопик Д.В., Митяев П.Е. Методика керамического декора // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М.: Наука, 1981.

31.Скарбовеико В.А. Возможности метода симметрии применительно к дескриптивному анализу орнамента археологической керамики // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.

32.Скарбовенко В.А. О структурных уровнях орнамента // Керамика как исторический источник (подходы и методы) Тезисы докладов. Куйбышев, 1991.

33.Овчинников Н.Ф. Структура и симметрия // Системные исследования. М.: Наука, 1969.

34.Береснева В.Н., Романова Н.В. Вопросы орнаментации ткани. М.: Легкая индустрия, 1977.

35.Береснева В.Я., Яглом И.М. Симметрия и искусство орнамента // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974.

36.Юдин Э.Г. Методологическая природа системного подхода // Системные исследования. М.: Наука, 1973.

37.Лебедев Г.С. Системный подход. Перспективы в археологии // Количественные методы в гуманитарных науках. М.: Изд-во МГУ, 1981.

38.Система. Симметрия. Гармония. М.: Мысль, 1988.

39.Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977.

40.Мелетинский Е.М. К вопросу о применении структурно-семиотического метода в фольклористике // Семиотика и художественное творчество. М.: Наука, 1977.

41.Богатырев П.Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии // Вопросы теории народного искусства. М.: Наука, 1977.

42.Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983.

43.Ковалевская В.Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI-IX вв. как знаковой системы // СКМА. М.: Наука, 1970.

44.Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

45.Волкова Е.В. Историко-культурный подход к изучению орнаментов на древней глиняной посуде // Керамика как исторический источник (подходы и методы). Тезисы докладов. Куйбышев, 1991.

46.Байбурин А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Л., 1981.

47.Шрейдер Ю.А. К вопросу об определении основных понятий семиотики // Кибернетику на службу коммунизму. М.-Л.: Энергия, 1966.

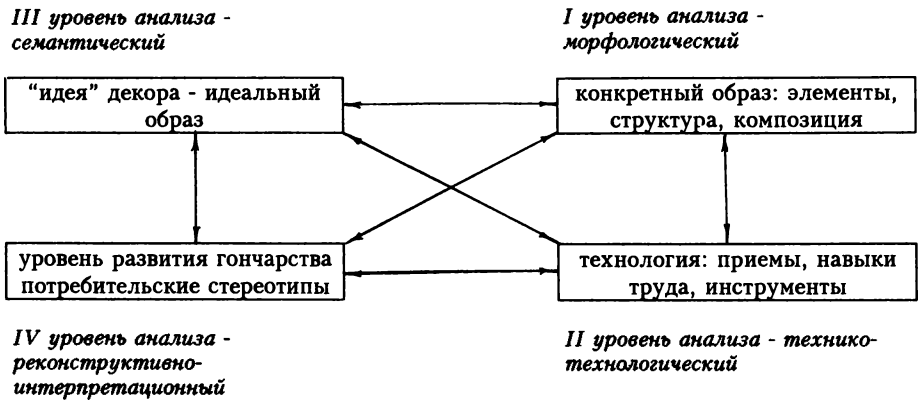


Рис. 1 Структурная схема системного представления декорирования керамики и соответствующие ему уровни анализа декора

А.В.Богачев

(г. Самара)

ОБ ОДНОМ РИСУНКЕ НА РАННЕБОЛГАРСКОЙ АМФОРЕ

(версия расшифровки)

В 1991 году на территории Самарской Луки Р.С.Багаутдиновым, С.Э.Зубовым и автором статьи были раскопаны две насыпи III Брусянского курганного могильника. Полная публикация материалов будет сделана авторами раскопок в отдельной работе. Здесь же предлагается одна из возможных версий толкования изображения, содержащегося на плечике амфоры из погребения 1 кургана 1.

Предварительный анализ погребального обряда и инвентаря этого комплекса позволяет полагать, что под насыпью кургана (Дм – 34 м, Н – 1,9 м от современной поверхности) в большой округлой в плане могиле (Дм – 5,4 м, глубина – 1,85 м от уровня материка), под бревенчатым настилом, в сопровождении коня (скелет его находился у края могильной ямы на уровне древней поверхности) был захоронен один из представителей тюркской родовой знати второй половины VII-VIIIвв. [1,с.58-59]. Датировка памятника, отдельные особенности погребального обряда, анализ антропологического материала (произведен антропологом И.Р.Газимзяновым), территориальное расположение позволяют рассматривать III Брусянский могильник в контексте раннеболгарских курганных могильников Среднего Поволжья, таких как Брусяны II[2], Малая Рязань[3], Урень II[4], Старомайнский[4].

Двуручная амфора входила в комплекс погребального инвентаря (наряду с позолоченной конской нагрудной бляхой, железным наконечником копья, серебряными украшениями конской сбруи, железным шандалом, бронзовым кистенем, железными удилами и игральной костью), оставшегося в могиле после ее ограбления в древности. Амфора имела яйцевидное тулово (Н – 57 см, Н наибольшего расширения – 36,5 см). В верхней части тулова (на плечике) имеется прочерченное изображение фигуры животного, повернутой вправо, и зигзагообразной линии слева от него. Судя по всему, рисунок выполнен резцом по подсушенной, но еще не обожженной поверхности амфоры. "Нетвердость руки" (резец несколько раз уходил в сторону от основных линий) – с одной стороны, крайняя примитивность схемы изображения животного – с другой, позволяют думать, что это произведение дилетанта. Пожалуй, что лишь "раскидистость" рогов при общих пропорциях тела и постановке ног дают возможность угадать в первом рисунке фигуру бегущего оленя. При этом, несколько смущает не по-оленьи длинный хвост изображенного животного, но и в данном случае, по всей видимости, следует сделать скидку на непрофессионализм автора рисунка – так уж рука взяла. В целом же отметим, что абсолютное большинство подобного рода изображений на керамике и на

камнях (граффити) в материалах Волжской Болгарии[5] и салтово-маяцкой культуры [6,7] отличаются крайним непрофессионализмом – "произведения дилетантов, иногда людей вообще не умеющих рисовать"[6,с.91]. И в этом плане рисунок на амфоре из III Брусянского могильника не является исключением.

Слева от изображения оленя, в непосредственной близости от него, расположена зигзагообразная линия. Такого рода линии известны, в частности, на сохранившейся кладке Маяцкого городища [7, с.86, рис 7], однако смысловая трактовка зигзагообразных и волнистых линий в материалах салтово-маяцкой культуры пока что не определена.

Учитывая то, что изображенные на амфоре олень и зигзагообразная линия расположены в одном горизонтальном поясе и в непосредственной близости друг от друга, можно допустить, что перед нами сюжетная композиция, каковые, по мнению исследователей, относятся к классу "образов" – наиболее информативному изобразительному материалу [6, с. 57; 8, с. 48-49]. Какая же информация закодирована в изображении на раннеболгарской амфоре?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить, что образ оленя занимает одно из центральных мест в мировоззрении тюркского населения евразийской степи – его изображения известны далеко не только в материалах салтово-маяцкой культуры. В комплексах раннеболгарского Новинковского могильника конца VII-VIIIвв. (раскопки Г.И.Матвеевой) изображение оленя присутствовало на поясных накладках и щитке поясной пряжки[9]. Причем, на последней олень был изображен в сложной композиции с Мировым Деревом. Это обстоятельство еще раз подчеркивает значимую роль этого животного в космологической (а соответственно и эпической) системе ранних болгар.

Возвращаясь к рисунку на амфоре, можно предположить, что автор попытался изобразить какое-то значимое (следовательно, очень известное) событие, связанное с фигурой оленя как главного действующего персонажа. И не исключено, что ключом к расшифровке этой сюжетной композиции может явиться легенда о завоевании тюрками-гуннами Крымского полуострова, донесенная до нас в известном труде готского историка-хрониста VI века Иордана:

"Охотники этого племени, выискивая однажды, как обычно, дичь на берегу внутренней Мэотиды, заметили, что вдруг перед ними появился олень, вошел в озеро и, то ступая вперед, то приостанавливаясь, представлялся указующим путь. Последовав за ним, охотники пешим ходом перешли Мэотийское озеро, которое до тех пор считали непереходимым, как море... Они, будучи догадливыми, решили, что путь этот, некогда ранее неведомый, показан им божественным соизволением. Они возвращаются к своим, сообщают им о случившемся, расхваливают Скифию и убеждают все племя отправиться туда по пути, который они узнали,следуя указаниям оленя"[10, с.90-91].

Сопоставляя композицию на амфоре с приведенным отрывком из "Гетики" Иордана, мы допустили, что горизонтальную зигзагообразную линию за спиной оленя возможно трактовать как волну-воду того самого Мэотийского болота

(Азовского моря), которую и перешел легендарный олень, впоследствии внезапно исчезнувший. Насколько оправдана подобная интерпретация зигзагообразной линии? Представляется, что определенные основания для того, чтобы рассматривать линию-зигзаг и линию-волну в рамках единой трактовки, имеются. К примеру, В.Е.Нахапетян, анализируя граффити Маяцкого городища, объединяет зигзагообразные и волнообразные линии в одну группу [7,с.50]. В нашем же случае необходимо принять во внимание и то, что чисто технически очень трудно процарапать плавную волнообразную линию по поверхности подсушенной амфоры – значительно легче (особенно непрофессионалу) вычерчивать ломаную линию или фигуру животного, последовательно соединяя небольшие прямые отрезки. Этим же обстоятельством возможно объяснить крайний схематизм рисунков.

В связи с предлагаемой версией расшифровки композиции уместен и другой вопрос – почему на болгарской амфоре VIII века нашел отражение сюжет из стародавней (конец IVв.) и легендарной истории совершенно иного народа – гуннов? Отвечая на него, следует иметь в виду, что и гунны и болгары – народы одного (тюркского) языка. А, как известно, этносы, говорящие на одном языке (или близких языках) зачастую имеют общие эпические и мифологические сюжеты. Что же касается хронологического промежутка (более трех веков) между двумя событиями (завоевание гуннами Крыма и изготовление амфоры), то, по справедливому замечанию Е.Ч.Скржинской, эта легенда об олене была широко известна и повторялась у ряда писателей V-VI вв. (Евнапий, Созомен, Прокопий, Агафий, Иордан): "они понимали, что легенда об олене – явная сказка, и в попутных замечаниях выражали скептическое отношение к ней"[10,с.271-272].

Таким образом, приняв предложенные соображения, можно получить определенные основания для сопоставления сюжетной композиции с оленем на раннеболгарской амфоре из III Брусянского могильника и известного рассказа Иордана о легендарном переходе гуннов через Киммерийский Боспор. Но все это не более чем версия. Таковой она и останется, поскольку творчество художников (древних и современных, дилетантов и профессионалов) – всегда определенного рода загадка, которую трудно, а подчас невозможно "проверить алгеброй"

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Богачев А.В. Отчет о раскопках II и III Брусянских могильников в Ставропольском районе Самарской области в 1991 году // Архив ИА РАН.

2. Богачев А.В., Зубов С.Э. Брусянский II могильник ранних болгар // Новое в средиевековой археологии Евразии. Самара, 1993.

3. Богачев А.В., Зубов С.Э. Раскопки раннеболгарских могильников на Самарской Луке // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск. 1991.

4. Багаутдинов Р.С., Набоков А.В. Новые материалы о погребальном обряде ранних болгар на Волге // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1991.

5. Кочкина А.Ф. Знаки и рисунки на керамике Биляра // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989.

6. Плетнева С.А. Рисунки на стенах Маяцкого городища // Маяцкое городище. М.,1984.

7. Нахапетян В.Е. Граффити Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс. М., 1990.

8. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.,1980.

9. Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев, 1986.

10. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья, перевод и коммеитарий Е.Ч.Скржинской. М., 1960.

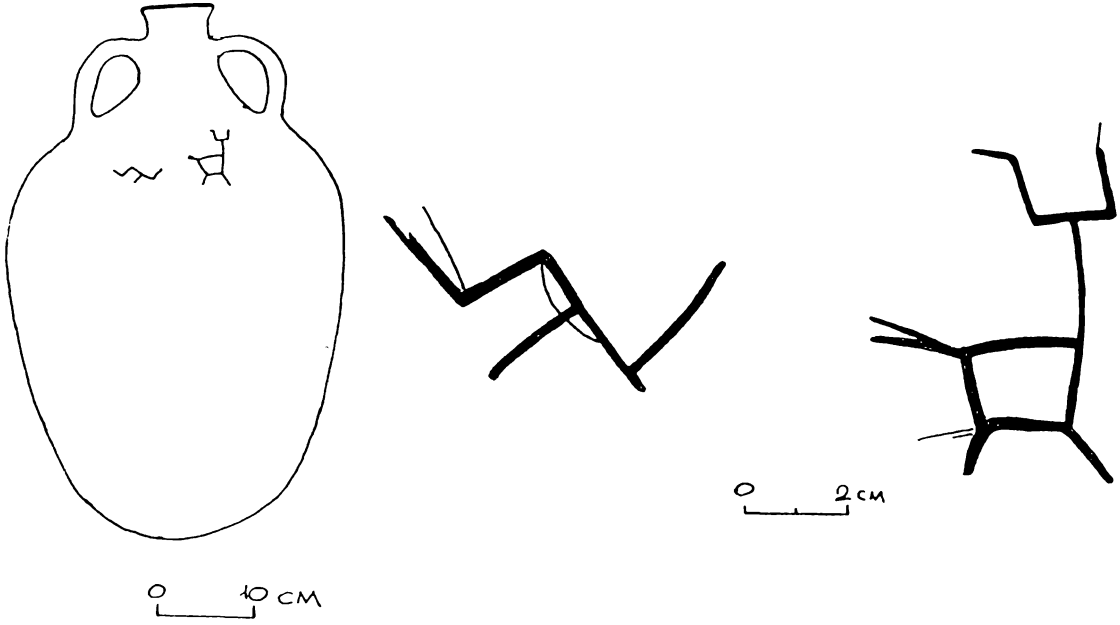


Рис. 1. Амфора из Брусянского III могильника. Прорисовка изображения

СОДЕРЖАНИЕ

Хреков А.А. Раннесредневековое поселение Шапкино II в лесостепном Прихоперье 3

Богачев А.В. О верхней хронологической границе именьковской культуры 16

Матвеева Г.И. Результаты новых исследований Рождественского III курганного могильника 23

Сташенков Д.А. Новые детали погребального обряда памятников раннеболгарского времени в Самарском Поволжье 34

Седова М.С. Исследование Шелехметского II курганно-грунтового могильника 53

Богачев А.В., Мышкин В.Н. Раннеболгарский курган у с.Осиновка 65

Васильева И.Н. К вопросу о технологии керамики I Новинковского могильника 75

Багаутдинов Р.С. Новые раннеболгарские курганы Самарской Луки 85

Газимзянов И.Р. Новые данные по антропологии населения Самарского Поволжья в эпоху раннего средневековья 95

Семыкин Ю.А. Технология изготовления кузнечного инвентаря из Новинковского II могильника 110

Винников А.З., Синюк А.Т., Цыбин М.В. Средневековые материалы с поселения "Дрониха" 130

Кочкина А.Ф. О применении структурно-семиотического подхода при анализе декора керамики волжских болгар 139

Богачев А.В. Об одном рисунке на раннеболгарской амфоре 152

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ПОВОЛЖЬЯ

Межвузовский сборник научных статей

Редактор - Н.А.Волынкина
Корректор - Н.В.Голубева
Компьютерный набор - Л.С.Кулакова
Верстка, макет - М.Н.Бердюгина

Подписано в печать 28.10.95. Формат 60x84 1/16. Бумага писчая белая. Печать офсетная. Гарнитура Kudriashov. Объем 9,3 печ.л.; 10,0 усл. печ.л. Тираж 500 экз. С.20. Заказ № 3077.

Издательство "Самарский университет", 443011, г.Самара, ул. акад.Павлова, 1.
АО ПО "СамВен", г.Самара, ул.Венцека,60.

Самарский региональный общественный фонд
социальных и культурологических программ

“ПОЛДЕНЬ. XXII ВЕК.”

443011, г. Самара, ул. академика Павлова, 1 т. 34-54-08

♦ организация и проведение на территории России и за рубежом мобильных передвижных выставок

а) археологических,
б) этнографических,
в) художественных;

♦ проведение археологических экспедиций и этнографических исследований в России и за рубежом;

♦ создание научно-популярных фильмов, фильмов - travel (фильмы Национального Географического Общества, Тура Хейердала, Жака Ива Кусто и др.), а также телевизионных программ на база материалов Фонда;

♦ создание научно-популярной и просветительской литературы и периодических иллюстрированных изданий, ориентированных на широкие круги российских и зарубежных читателей;

♦ продюсирование исполнителей, коллективов, театров, работающих в рвмках мировой классической культуры и национальных традиций народов мира.

Издательство
"Самарский университет",
1995